

**Виктор Качанов:
жизнь с Историей**

Оттиск
2011

УДК
ББК

Виктор Качанов: жизнь с Историей: сборник статей и материалов. Иркутск: Отгиск, 2011. 178 с.

Настоящий сборник статей посвящен памяти Виктора Николаевича Качанова, историка, педагога, доцента Иркутского государственного университета путей сообщения, неожиданно ушедшего от нас в 2010 году. В издание включены воспоминания однокурсников и коллег, отдельные статьи самого В.Н. Качанова, материалы по истории города Нижнеудинска, где он родился и получил среднее образование, библиографический список трудов, некоторые документы из личного архива историка.

ISBN 978-5-93219-281-8

© Коллектив авторов, 2011

Анна Шободоева

Человек открытого сердца

Оглядываясь назад... Перебирая прошлое... То еще занятие, конечно. Но как не оглядываться, как не перебирать, не ворошить ту память, которая у нас была одна на всех: наша личная и, в прямом смысле, — историческая.

Год 1976, всего лишь первокурсники, но уже — историки. Как не гордиться! Самый высокий проходной бал, гуманитарная элита, лучшие из лучших, золотая молодежь — не по звону монет, а по уму. Именно по нему здесь встречали. И потому скромный парнишка из Нижнеудинска не просто пришелся ко двору, но стал одной из самых запоминающихся и ключевых фигур на факультете. С каким удовольствием Виктор учился... Он уже не поступил на факультет в первый раз и теперь, казалось, старался наверстать тот потерянный год, доказывая и себе и другим, что он на истфаке не случайный человек. Иногда, на семинарах, основная часть группы вообще казалась лишней, потому, что Виктор, Евгений и Николай Кириллович Струк увлеченно обсуждали достоинства и недостатки какой-нибудь пушки периода русско-японской войны, а все остальные были вынуждены быть просто статистами этого действия.

Нет, он не был звездой, особенно в этом сегодняшнем смысле, когда «светить» равно «светиться». Никогда не светился, всегда — на полшага в стороне, не в центре, не на ораторской трибуне публичного многословия. Не балагур, не шутник. Но — мягкая доброжелательность, открытая улыбка и вообще умение быть открытым сделали его своим раз и навсегда, безотносительно времени и пространства. Где бы мы ни были...

Кто умел радоваться чужим победам, как своим? Кто воспринимал чужую радость как свою? А чужую боль?

Витя Качанов.

Как же непросто говорить о нем в прошедшем времени... Но вспоминать прошедшее время – легко и радостно. Потому что оно было – настоящим. И это не филологические выверты, не игры со словом и в слова, это подлинная жизнь – наша молодость. Порой кажется, что она поистертой монеткой затерялась в кармане старого пиджака. Но обнаруженная совсем случайно, оказывается, она все также блестит на солнце и приятно холодит ладонь. И таких монеток-воспоминаний – целая пригоршня. Перебирай, рассматривай, вспоминай с грустной полуулыбкой – все это было, было, было...

Как нас, второкурсников, по ошибке увезли не в тот колхоз: никого из наших, какие-то палатки, жуткий холод. И два наших делегата, один из которых – Виктор, поехали к ректору. На каких-то попутках, грязные, добрались до центрального корпуса университета, пришли в приемную, провались к ректору и что-то там ему объясняли...

Как Витя Качанов защищал кандидатскую по проблемам национального вопроса. Он всегда очень интересовался историей своей малой Родины – Нижнеудинским районом и тофаларами. Накануне защиты он прогуливался с дипломатом, в котором лежала кандидатская, по набережной, и на него напали. Причем напали какие-то не очень русские товарищи. Мы потом шутили: «Враги узнали, что Витя написал диссертацию по нацвопросу, и пытались ее отнять!» Витька просто грудью встал на защиту своей работы. В итоге на следующий день вышел на защиту диссертации с перебинтованной головой...

Как он не умел говорить красивых и пафосных речей, но умел держать слово. Когда погибли наши однокурсники, и на похоронах прозвучало «Мы назовем наших детей вашими именами», Виктор был один из немногих, кто слово сдержал. Его дочь зовут Татьяной...

Он был последним, кто видел Женю Шободоева живым. Они расстались за двадцать минут до такой внезапной, и поэтому страшной Жениной смерти. И Виктор очень мучился, считая, что если бы пошел проводить друга до конца, то успел бы что-то сделать, помочь. И все мои увещевания, что винить ему себя не за что, Виктором просто не слышались. Как это было жутко, когда плакал взрослый, сильный мужчина. И никто даже подумать не мог, как быстро они «встретятся»...

Он так и не защитил докторскую. Не потому что не сумел — думаю, у него было материала на десять докторских! Но он настолько тщательно относился к мелочам, настолько кропотливо проверял каждый факт, — для него это было естественным и обязательным условием. Слишком высокую планку он сам себе ставил.

Он был классический, стопроцентный гуманитарий. Когда я узнала, что он купил себе какой-то раздолбанный автомобиль, чтобы ездить на дачу — это в голове не укладывалось. Потому что «Витя и машина», «Витя и техника» — эти понятия между собой несопоставимые. Вот «Витя и книга», «Витя и лекторская кафедра», «Витя и монеты» — это легко.

Виктор увлекался нумизматикой и с Евгением Шободоевым у них было как бы негласное соревнование. Потому, когда я стала после болезни наконец-то «выездной» и впервые поехала в Хорватию, Витя звонил мне и спрашивал: «Аня! А ты монетки привезла?» И я отвечала: «Витенька! Я монетки привезла. Но ты же понимаешь, что я их Жене привезла».

Из поездки в Китай я привезла монетки уже ему, но отдать не успела...

Их было трое — очень интересных ребят на нашем курсе: Лена Кузнецова, Женя Шободоев и Витя Качанов. У них на троих было какое-то свое специфическое общение. И все они ушли один за другим. Вот и не верь после этого в мистику...

Виктор заболел как-то внезапно. Об этом знали немногие, но очень быстро узнали все. Дело в том, что ежегодно 8 марта все дамы нашего курса просыпались от звонка Вити — каждую из нас он поздравлял с праздником. И обязательно с днем рождения... 17 апреля мне позвонила однокурсница. Наш диалог привожу близко к тексту, и он в комментариях не нуждается: «Аня, что с Виктором?» — «С чего ты взяла?» — «У меня вчера был день рождения, а он не позвонил. Этого просто не может быть! Что-то случилось...»

Информация о болезни Виктора вновь притянула нас всех друг к другу. Собирали деньги, ездили в больницу. И ежедневные тревожные переговоры однокурсников, в которых сквозила фанатичная надежда, что все должно быть хорошо. Не может быть, чтобы что-то случилось именно с Витей!

Володя Базалийский, один из лучших друзей Виктора (кстати, Витя был свидетелем на его свадьбе) привез ему какую-то очень редкую коллекционную монету — канадский доллар. Он принес монету в больницу и сказал: «Вот видишь, это канадский доллар. Я отдам его тебе, когда ты сам сумеешь сжать его пальцами...»

Мы искренне верили, что он все-таки сумеет зажать руку в кулак...

Я пообещала себе — «если он выкарабкается, я отдам ему всю Женину коллекцию...»

Из нашего курса он ушел седьмым. Семь — число счастливое.

Наш сокурсник как-то сказал о Викторе — уже о взрослом Викторе, о заведующем кафедрой: обидеть Витю — все равно, что обидеть ребенка. Он таким и был, таким и остался в нашей памяти — скромным мальчиком из Нижнеудинска, умудрившемся занять свое, совершенно неповторимое пространство на нашем звездном курсе.

Человек открытых глаз, открытой души и открытого сердца. Виктор Качанов.

Александр Шалак

Памяти друга

Написать о близком друге даже небольшую заметку порой намного сложнее, чем развернутое историческое исследование. Там, где личное, трудно скрыть эмоции, трудно «многое» выразить словами. «Многое» просто нужно ощущать. Это то, что в личных взаимоотношениях понятно без всяких слов. Эмоциональные ощущения весьма трудно поддается рациональному изложению.

Ушел из жизни Виктор Николаевич Качанов, мой близкий друг, человек с которым наши отношения всегда были открытыми и искренними. Ушел неожиданно для всех, кто его знал, в расцвете жизненных сил, творческих планов. Смерть как-то вообще не ассоциировалась с этим жизнерадостным человеком, всегда с доброй, немного застенчивой улыбкой. Для всех, кто его знал, это огромная потеря.

Владимир Высоцкий писал: «Смерть самых лучших выбирает...». Когда это соотносишь с Виктором Качановым, ни на йоту не усомнишься, что так оно и есть. Настолько в нем были развиты лучшие качества, способные делать людей добрее: высочайшая порядочность, готовность всегда прийти на помощь, удивительная коммуникабельность. Словно он предчувствовал свой ранний уход и хотел насладиться радостью общения со своими друзьями, товарищами, коллегами. Он всегда делом утверждал принятое им нравственное кредо.

Родился Виктор Николаевич 3 октября 1957 г. в г. Нижнеудинске Иркутской области. Этот город часто называют городом железнодорожников, поскольку его градообразующей основой является железнодорожный транспорт. Здесь

сформировалось много железнодорожных династий. Город дал стране двух министров путей сообщения (Н. Аксененко и Г. Фадеева) и начальника Восточно-Сибирской железной дороги (Г. Комарова). К роду потомственных железнодорожников принадлежал и В.Н. Качанов. Его прадед – Василий Павлович работал путевым обходчиком на Кругобайкальском участке железной дороги, дед – Александр Васильевич всю жизнь проработал в нижеудинской дистанции пути. Практически вся рабочая биография его отца, Николая Александровича, была связана с локомотивным депо на этой же станции, где он трудился слесарем. Его мама – Екатерина Кондратьевна, великая труженица и самоотверженная хранительница рода, работала прессовщицей слюдяной фабрики г. Нижнеудинска. Поэтому социальное происхождение В.Н. Качанова абсолютно соответствовало «из рабочих». Корни у него, действительно, оказались прочные, основательные. И это сказалось не только на отношении к делу, но и на его убеждениях. Нравственная родовая сила людей труда навсегда утвердила его на позициях ответственности и порядочности.

Роддом, в котором появился на свет маленький Виктор, находился совсем рядом от железной дороги и двух депо – вагонного и локомотивного. Гудки паровозов, грохот проходящих вагонов, свистки тепловозов и электровозов, шум круглосуточно работающей Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали сопровождали его постоянно в первые два десятилетия жизни и, казалось, призывали продолжить стезю потомственных железнодорожников.

В 1975 г. Виктор окончил среднюю школу №48 Министерства путей сообщения, окончил с похвальной грамотой за изучение гуманитарных наук. Как и большинство граждан СССР, он последовательно прошел все маленькие «партийные» ступеньки – октябренок, пионер, комсомолец. Виктор был старостой класса, и к этой работе относился предельно ответственно. Забота об одноклассниках и дружба с ними не закончилась с окончанием школы. До конца своей жизни он устраивал встречи своих «одноклассек», был

в курсе всех их проблем, переживал за каждого, мог часами в кругу друзей рассказывать об их разных и порой удивительных судьбах.

После окончания школы Виктор пошел работать слесарем локомотивного депо станции Нижнеудинск. Казалось, судьбой ему уготовлено продолжить династию потомственных железнодорожников. Однако, отработав год, Виктор поступает на исторический факультет Иркутского государственного университета. В те времена исторический факультет – один из самых престижных не только в ИГУ. Средний конкурс никогда не опускался ниже 8-10 человек на одно место. Виктор выдержал конкуренцию и был зачислен на первый курс. Учился хорошо, активно занимался научной и общественной работой, получал благодарности от деканата, награждался знаками ЦК ВЛКСМ и Почетными грамотами. В 1977 г. он стал членом КПСС и был самым молодым коммунистом на историческом факультете.

Наши личные отношения завязались как-то с первого курса. Они были, как мне кажется, несколько откровеннее и более близкими, чем со многими другими однокурсниками, поскольку мы были из одного уголка Иркутской области: он из г. Нижнеудинска, а я из соседнего Тулунского района. Особенно мы сошлись на этнографической и музейной практике после второго курса, которую проходили на его малой Родине. На правах хозяина он знакомил нас с достопримечательностями города и все могли оценить его краеведческие познания. Но особенно запомнилось тогда нижнеудинское пиво. Во многих городишках области было организовано производство местного пива. Не стал исключением и Нижнеудинск. Пробовали мы этот напиток практически каждый день, в каждом оживленном месте стояла бочка, и толпились группки людей. Лето, жара, время отпусков, так почему бы и не отвести душу в хорошей компании за неспешной беседой под пивко. Отложилось это еще и потому, что с той практики сохранились многочисленные фотографии, запечатлевшие нас с Виктором в таких местах.

Много других эпизодов той практики отчетливо сохраняет память, словно все это происходило только вчера.

После успешного окончания ИГУ в 1981 г. Виктор Николаевич работал на кафедре научного коммунизма — политологии и права Иркутского политехнического института (ИрГТУ), пройдя здесь основные ступеньки преподавательской карьеры — от ассистента до доцента. 25 сентября 1982 г. состоялось очень важное личное событие в его жизни: он соединил свою судьбу с Натальей Родионовной Езобчик, которая стала его женой и надежным тылом. Я был, возможно, в числе первых, которых он посвятил в свои личные планы. По окончании первого года прохождения службы в армии, я заехал погостить к родителям в Тулунский район. Был я в то время уже женат на своей однокурснице Тане Греховой, подрастала дочь. У моей жены с Виктором также сложились весьма доверительные отношения. С Виктором мы переписывались, о примерных сроках моей поездки он знал, но его приезд ко мне в родительский дом, был приятной неожиданностью. Было много разговоров и воспоминаний, парились в нашей деревенской бане, ездили на мотоцикле по округе знакомиться с моими добрейшими тетками. Каждая такая встреча непременно заканчивалась угощением. Во время той встречи я впервые узнал о его отношениях с Наташей и твердо поддержал его намерения связать свою судьбу с ней, хотя в глаза до этого ее не видел. На их свадьбе в г. Нижнеудинске, откуда они были родом, побывали многие наши однокурсники. Все были молоды, куролесили на полную и различные моменты этого развеселого события вспоминаются до сих пор.

В 1983 г. состоялась поездка Виктора в ГДР в качестве командира интернационального студенческого строительного отряда, где он был награжден Почетной медалью Центрального Совета немецкого комсомола «За укрепление братских связей между ВЛКСМ и ССНМ».

В 1990 г. Виктор Николаевич закончил аспирантуру и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Темой его научных из-

ысканий стала деятельность партийных организаций Восточной Сибири по осуществлению национальной политики в 1917–1937 гг.

Его преподавательская деятельность делится на две половинки с 1997 г., когда он перешел работать в Иркутский государственный университет путей сообщения на кафедру гуманитарных и социально-экономических наук. Работая здесь, он в 2002 г. получил по заочной форме обучения второе высшее образование по специальности «Юриспруденция», а с 2008 г. возглавил кафедру правовых дисциплин. Несмотря на новый характер работы, научные интересы Виктора Николаевича были прочно связаны с историей. Он остался верен своим предпочтениям со времен аспирантуры, связав их с изучением региональной национальной политики. Тема очень деликатная, ответственная для оценочных суждений. Теперь кажется, что именно такие специалисты, с такими человеческими характеристиками, как Виктор Николаевич Качанов, могли внести наиболее достойный вклад в изучение этнических процессов на территории Восточной Сибири. По данной теме им написано и опубликовано более 50 научно-методических работ, но докторская диссертация осталась неоконченной.

Увлечения Виктора Николаевича носили всегда разноплановый характер. Соприкоснувшись с чем-то, он не терял к этому интерес уже никогда. Его кратковременная трудовая деятельность на железной дороге вылилась в увлечение железнодорожной фалеристикой. Каких только металлических украшений, блях, служивших знаками различия железнодорожников различных эпох, не было в его коллекции. Очевидно, это повлияло и на его неподдельную любовь к Кругобайкальской железной дороге. Путешествовал он по ней и один, и с семьей много раз. Его связывали дружественные отношения с главой местной администрации Александром Смирновым. Последний раз мы были вместе с семьями в тех местах после его юбилея. Сидели на берегу, пели песни под знаменитое домашнее вино его тещи. В этих неспешных разговорах на берегу Байкала Виктор по-

стоянно рассказывал о судьбах многих своих родственников, родственников знакомых, служивших в разные времена на «Кругобайкалке». Возможно, это увлечение Виктора Николаевича предопределило и профессиональный выбор его детей. Дочь Татьяна закончила Иркутский университет путей сообщения и ныне трудится по специальности на железной дороге. Сын Евгений в этом году оканчивает это же учебное заведение. Так что железнодорожная династия рода Качановых нашла своих продолжателей.

А еще сферой интересов Виктора являлись нумизматика и бонистика. Он был настоящий профессионал в данной области, для него это были не просто ценные монеты и денежные знаки, а исторические документы, которые отражали экономическое и политическое положение общества своего времени. Таких увлеченных коллекционеров среди наших однокурсников было несколько человек. И всех их связывали наиболее прочные отношения.

Студенческие годы нас сплотили, многому научили. Наше главное достояние на сегодня – дружба однокурсников. Дружба, которая проверена теперь не одним десятком лет. Прошло тридцать лет со дня окончания университета, но все мы в курсе проблем и жизненных передрыг друг друга. Как-то так получилось, что мостиком, поддерживающим постоянные отношения между однокурсниками, стал Виктор. Он был одним из нас, но стал чем-то большим. Не было случая, чтобы, пробегая мимо по своим делам, он не забежал бы или не позвонил. О своих однокурсниках он знал больше, чем кто-либо из нас. Через него выростала постепенно целая система взаимоотношений с теми, с кем мы учились на историческом факультете. И эта система есть наиболее прочная память о нашем друге и сокурснике. Память эта очень светлая и жизнеутверждающая.

Валерий Третьяков

Памяти В.Н. Качанова

(3 октября 1957 – 31 июля 2010 гг.)

Мое первое знакомство с Виктором Николаевичем состоялось в 1981 году, когда я, будучи заведующим кафедрой истории КПСС и политэкономии в Иркутском институте инженеров транспорта, ныне ИрГУПС, приглашал его на работу на нашу кафедру. Это было в сентябре, когда уже шел учебный процесс, и Виктор Николаевич уже работал ассистентом на кафедре научного коммунизма в политехническом институте.

Виктор Николаевич только что окончил исторический факультет нашего родного университета и, естественно, нам было интересно обменяться мнениями о преподавателях, содержании некоторых учебных дисциплин, о сложных вопросах преподавания истории КПСС и научного коммунизма. Он тогда вежливо отказался от моего приглашения, но у нас сразу сложились с ним хорошие доверительные отношения.

Я обратил внимание на его особую повышенную любознательность ко всему происходящему в городе и области. Он сразу намекнул, что занимается коллекционированием монет, значков и других старинных изделий. Удивил он меня своим повышенным интересом к истории железных дорог в нашем регионе. Он сразу назвал несколько фамилий руководителей ВСЖД и Нижнеудинского отделения, легко и грамотно сформулировал проблемы и нужды Нижнеудинского локомотивного депо. Только позже я выяснил, что трудовая деятельность его родителей и его самого связана с железнодорожным транспортом на станции Нижнеудинск.

Около года с сентября 1975 по август 1976 года он работал слесарем в Нижнеудинском локомотивном депо.

В те годы областной комитет КПСС проводил методологические семинары для всех преподавателей общественных дисциплин, и мы очень часто встречались с Виктором Николаевичем и обменивались мнениями по разным вопросам общественно-политической жизни того тревожного времени. Он же коротко рассказывал о жизни и работе на своей кафедре, о научной работе, поэтому все эти годы я был в курсе его научной и педагогической деятельности.

В апреле 1997 года Виктор Николаевич изъявил желание перейти на работу на нашу кафедру истории и экономической теории, теперь она стала называться так. 15 апреля он написал заявление об участии в конкурсе. Были подготовлены и представлены все необходимые для конкурса документы. Кандидатур было несколько. И, хотя коллектив кафедры 22 апреля единогласно проголосовал за Виктора Николаевича, но после заседания кафедры, 8 мая, он отозвал свои документы, чтобы на совете вуза прошел другой человек. Он уступал другому человеку место, учитывая то, что у него работа уже есть, а другой, не прошедший по конкурсу, останется без работы.

Кафедра с пониманием, положительно отнеслась к такому человеческому поступку и мною, как заведующим кафедрой, было обещано, что, если желание перейти к нам на работу сохранилось, то при первой же возможности я сразу его приглашу.

И такая возможность появилась очень скоро. Потребовался преподаватель правоведения, и я сразу же сообщил об этом Виктору Николаевичу. Он согласился перейти в ИрИИТ. И 21 августа 1997 года написал заявление на имя ректора ИрИИТа Суркова Л. П. и оформил все необходимые документы, и в соответствии с приказом ректора Виктор Николаевич стал преподавать правоведение. Тогда эта дисциплина была на кафедре безопасности жизнедеятельности и экологии. Непонятно по каким причинам, ректорат эту гуманитарную дисциплину распределил именно на эту ка-

федру. Виктор Николаевич очень быстро вошел в коллектив кафедры и начал активно работать со студентами.

Надо заметить, что Виктор Николаевич пришел в ИрИИТ переводом. По моей просьбе ректор ИрИИТа написал официальное письмо ректору политехнического института С. Б. Леонову с просьбой перевести его в наш вуз, и такое согласие было получено. Тогда ИрИИТ был самым молодым вузом в Иркутске и, естественно, должен был развиваться, и ему нужны были кадры, и прежде всего с учеными степенями и званиями. В ИрГУПСе очень хорошо поддерживали все научные начинания. Работал институт СНС, и я говорил Виктору Николаевичу, что если есть желание писать докторскую диссертацию, то все условия для этого в ИрИИТе есть.

Еще в 1981 году, когда я приглашал его в ИрИИТ, он говорил, что у него главная задача в ближайшие годы — освоить курс научного коммунизма и подготовиться к аспирантуре. Готовился он к аспирантуре основательно, почти пять лет. Именно это и позволило ему подготовить и с блеском защитить диссертационную работу в установленный срок. После защиты диссертации в феврале 1990 года и утверждения в ученой степени кандидата исторических наук 25 июня 1990 года он сразу стал ориентироваться на дальнейшую научную работу. Выбор направления был очень интересным: проблемы национального развития народов Сибири.

Для подготовки к серьезной научной работе Виктор Николаевич с 1 сентября 1996 года по 31 января 1997 года проходил научную стажировку на кафедре отечественной истории и политологии Иркутского государственного университета. Здесь он более четко сформулировал тему своей будущей докторской диссертации. Вначале он ее сформулировал как особенности национального вопроса Восточной Сибири. Однако, пообщавшись с коллегами, членами ученого совета при этой кафедре, он согласовал тему докторской диссертации в следующей формулировке: «Национальные движения в Сибири (конец XIX — первой трети XX века)».

Это был очень смелый выбор. После развала мировой системы социализма, СССР, ликвидации многих коммунистических партий, включая КПСС, необходимо было переосмысливать все научные работы по национальному вопросу, ведь везде, где государства делились территориально по национальному признаку, они распались. Отсюда необходимо было критически пересмотреть основной ленинский большевистский тезис о праве наций на самоопределение. Опыт сожителства народов большинства стран показывал, что государства, которые делятся по территориально-географическому признаку, более устойчивы, и именно в этих странах более широко осуществляется равенство всех народов, проживающих в них. Это тем более важно, что в настоящее время большинство стран являются многонациональными, и Виктор Николаевич активно включился в эту работу, и он начал подготовку историографического обзора, изучать всю литературу, посвященную межнациональному сожителству.

В 2004 году, после очередной небольшой дискуссии, Виктор Николаевич предложил, чтобы я был у него научным консультантом, и он через аспирантуру оформил свое соискательство. Я же, в свою очередь, сразу поставил перед ним задачу готовиться для перевода на должность СНС с сохранением доцентской заработной план. Такой опыт подготовки докторских диссертаций в ИрИИТе уже был. Через прохождение института СНС прошли преподаватели гуманитарной кафедры Малыгин Г. С., Кашаев А. Е., которые успешно в течение двух лет подготовили монографии, необходимые статьи, и успешно защитили диссертационные исследования и стали докторами философских наук.

Здесь можно выделить, что Виктор Николаевич был очень внимателен к опыту работы своих коллег, и особенно, в сфере науки. Он всегда хотел увидеть что-нибудь поучительное, чтобы самому потом это можно было в полную силу использовать. Поэтому он с удовольствием ходил на заседания ученого совета, где защищались докторские и кандидатские диссертации, он с удовольствием ходил на за-

нения к своим коллегам, и всегда с восторгом говорил о тех, у кого он побывал. Особенно он всегда восторгался преподавателями нашего университета.

Виктор Николаевич умел поддерживать со всеми коллегами хорошие, теплые, дружеские отношения. И если кто-то из коллег из-за болезни не мог проводить занятия, он всегда подменял. Заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и экологии В. Д. Войлошников всегда с удовлетворением отзывался о работе Виктора Николаевича.

20 апреля 1997 год Виктор Николаевич был избран доцентом этой кафедры. В период подготовки к избранию на должность доцента по конкурсу Виктор Николаевич подготовил перспективный план работы на 1998–2003 годы. В этом плане он уже предусматривал перевод на СНС в 2002 году. Планом так же предусматривалась подготовка нескольких очень важных статей: «Панмонголизм и национальные движения в Бурятии в первой четверти XX века», «Отечественная историография о национальных движениях в Сибири в первой четверти XX века», «Генезис национальных движений и организаций в Сибири в начале XX века», «Национальные движения и организации в Сибири в 1917 – 1920-х гг.: эволюция политической деятельности», «Становление тоталитарного режима в СССР и национальные движения в Сибири (первая половина 1920-х годов)». Планом так же предусматривалась и подготовка монографии «Национальные движения в Сибири в первой четверти двадцатого века».

Говоря о проблемах национальных движений в Сибири в конце XIX в. – 1930-е гг., необходимо было критически переосмыслить по-новому: какие процессы можно признать положительными, а какие негативными. Эти вопросы необходимо рассматривать, безусловно, с точки зрения сохранения целостности государства. И Виктору Николаевичу необходимо было прежде всего пересмотреть, переоценить и свои первые статьи по национальному вопросу. Ведь они полностью базировались на ленинской методологии.

То, что Виктор Николаевич взялся преподавать новую учебную дисциплину «Правоведение», говорит о том, что он был уверен, что он справится с этой работой, Необходимо было разработать всю учебно-методическую документацию: учебную программу, тематику лекций, семинарских занятий, зачетно-экзаменационные вопросы, подобрать необходимую литературу и т. д.

В процессе преподавания Виктор Николаевич пришел к выводу, что ему необходимо заочно получить юридическое образование. Такая потребность исходила еще и из того, что ему пришлось разрабатывать еще один новый курс — «Правовые основы железнодорожного транспорта». Кроме этого, юристы должны были постоянно выступать перед слушателями факультета повышения квалификации. Поэтому Виктор Николаевич поступил заочно в Иркутский государственный технический университет на юридическое отделение и в 2002 г. успешно защитил дипломный проект и получил новую квалификацию — юрист по специальности «Юриспруденция». Безусловно, это повысило его авторитет среди коллег, имеющих юридическое образование. Нам, знающим его хорошо, было отрадно, что он почувствовал себя настоящим юристом. Виктор Николаевич активно включился во все дискуссии на методологических семинарах. Осенью 2004 г. он прошел стажировку в юридическом институте Иркутского государственного университета. В сентябре 2005 г. в таком же институте — Московского государственного университета инженеров путей сообщения. Теперь он уже твердо считал себя профессиональным юристом и мог более профессионально судить о качестве проводимых занятий по правовым дисциплинам.

Следует заметить, что судьба учебной дисциплины «Правоведение» в ИрГУПСе была непростой. Сначала ее определили на кафедре безопасности жизнедеятельности и экологии. Однако, после неоднократных просьб гуманитариев, в 2000 г. дисциплину «Правоведение» перевели на кафедру философии и социальных наук. С 1 сентября того же года Виктор Николаевич стал доцентом этой кафедры на

основе приказа ректора. В 2002 г. кафедру истории и экономической теории ликвидировали, и была образована одна кафедра философии и социальных наук. Зав. кафедрой вначале был доцент Г. И. Малых, в 2003 г. зав. кафедрой был назначен доктор философских наук профессор В.Е. Осипов. Кафедра стала называться гуманитарных и социально-экономических наук. В 2003 г. Виктор Николаевич проходит по конкурсу на должность доцента по этой кафедре.

В 2004 г. кафедра гуманитарных и социально-экономических наук была реконструирована. В нее влились преподаватели экономической теории, кафедра стала называться «Социально-экономических дисциплин». Новым заведующим кафедрой была назначена доктор экономических наук профессор Г.И. Новолодская.

Как уже говорилось, с 1 октября по 30 ноября 2004 г. Виктор Николаевич был направлен на стажировку в Юридический институт ИГУ без отрыва от производства. Научным руководителем был назначен доктор исторических наук профессор В.Н. Казарин. За время стажировки Виктор Николаевич Качанов изучил рабочие программы дисциплин: «Теория государства и права», «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран». Он подготовил и выступил на кафедре с сообщением: «Становление судебных органов бурят в первой четверти XX в.». С таким же докладом он выступил также на всероссийской научно-практической конференции «Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации: региональное правотворчество». Виктор Николаевич подготовил и выступил на кафедре с докладом «Национальное движение в Сибири в начале XX в.». Здесь же в институте он обсудил подготовленную им новую рабочую программу по правоведению.

В 2006 г. в ИрГУПСе была образована новая кафедра «Таможенное дело и право». Понятно, что Виктор Николаевич сразу был переведен на эту кафедру в качестве доцента.

Кроме того, он был сразу назначен заместителем заведующего кафедрой с надбавкой 15% к должностному окладу.

Однако вскоре была образована новая кафедра – «Правоведение». Виктор Николаевич был назначен ее заведующим. Перед ним стояла огромная задача – наладить стабильную работу новой кафедры. В этих условиях мы с ним договорились, что как только работа на кафедре стабилизируется, мы будем официально просить ректора о переводе его на должность старшего научного сотрудника. Но к глубокому сожалению, именно в это время Виктор Николаевич заболел и после тяжелой болезни скончался.

Таких талантливых, работоспособных, целеустремленных, высокоинтеллектуальных людей терять очень тяжело. Виктор Николаевич проработал в ИрГУПСе 13 лет. Он оставил добротный след на долгие годы. Хочется выделить тот момент, что он очень любил студентов. Виктор Николаевич свободно читал лекции, во время которых интересно формулировал проблемные вопросы. Нестандартно, содержательно проходили у него и семинарские занятия. Виктор Николаевич был очень интересен и как педагог. Он всегда был в курсе всех педагогических новинок. Посещал и выступал на учебно-методических конференциях, методологических семинарах. Он с охотой приглашал к себе на занятия и сам постоянно посещал лекции своих коллег, перенимая положительный опыт.

Виктор Николаевич сразу положительно воспринял опыт тестирования и начал подготавливать тесты по всем темам правоведения и правовым основам железнодорожного транспорта. Он также активно включился во внедрение дистанционного обучения студентов очного и заочного отделения. Виктор Николаевич прошел все курсы, которые были организованы в ИрГУПСе по дистанционному обучению. Во внеучебное время он часто выступал перед студентами по проблемам профилактики правонарушений и правовой грамотности среди студентов всех курсов.

Под руководством Виктора Николаевича формировались команды для участия в правовых межвузовских олим-

пиадах. Особенно большое внимание он уделял олимпиадам по таким темам как «Что ты знаешь о выборах?» В ходе подготовке к такой олимпиаде студентам необходимо было изучить большой объем правовой документации, подготовить макеты, плакаты. Команды ИрГУПСа часто занимали призовые места и награждались почетными грамотами.

Кроме выполнения учебной работы на основе индивидуального плана работы преподавателя, Виктор Николаевич проводил занятия на факультете повышения квалификации по вопросам правовых аспектов охраны труда.

Виктор Николаевич отличался строгой дисциплинированностью. Он всегда все делал добросовестно, качественно, за что его любили все преподаватели и студенты.

В октябре 2007 г. Виктору Николаевичу исполнилось 50 лет. Юбилейной дате был посвящен праздничный вечер. Приказом ректора он был премирован двумя дополнительными окладами. Юбилей как бы подтолкнул к серьезной работе над монографией и к завершению докторской диссертации. Поэтому он всерьез начал готовиться к переводу на снс.

После избрания по конкурсу на кафедру «Таможенное дело и право», им был подписан с ректором трудовой договор на 5 лет: с 1 сентября 2008 г. по 31 августа 2013 гг. Следует отметить, что за 2003–2008 гг., Виктор Николаевич сделал очень много по своей научной работе. За эти годы он выступил на 4 научных конференциях, опубликовал 14 научных статей и тезисов. Он дважды выступал вторым официальным оппонентом по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, подготовил 6 отзывов на авторефераты кандидатских диссертаций, отрецензировал десятки дипломных работ студентов Юридического института ИГУ. Виктор Николаевич подготовил рецензии на учебно-методические пособия В.Г. Третьякова, О.А. Гуровой, Г.И. Смышляевой, С.Л. Курас.

Виктор Николаевич был инициатором и организатором проведения научных студенческих конференций на учебных потоках. Совместно с коллегами, он подготовил и

провел первую в ИрГУПСе научно-теоретическую студенческую конференцию «Актуальные вопросы современного права».

В эти годы Виктор Николаевич постоянно проводил занятия в Институте дополнительного профессионального образования по проблемам трудового законодательства. По просьбе ректората, Виктор Николаевич работал в приемной комиссии, был ответственным секретарем электромеханического факультета. На всех кафедрах, куда перебрасывали учебную дисциплину «Правоведение», он был бессменным руководителем этой секции. Кроме этого, Виктор Николаевич являлся ответственным за профориентационную работу на кафедрах. Особенно заметной была работа Виктора Николаевича с молодежью. Во всех общежитиях ИрГУПСа он проводил круглые столы по правовым вопросам студентам, выступал по этим вопросам перед кураторами студенческих групп. Виктор Николаевич принимал активное участие в организации и проведении недели профилактики правонарушений и правовой грамотности студентов.

Виктору Николаевичу удалось прожить всего 53 года. Из них 29 лет он посвятил работе в высшей школе и исторической науке. Из них 16 лет он проработал на гуманитарных кафедрах политехнического института (ныне ИрГТУ), и 13 лет – в Институте инженеров путей сообщения (ныне ИрГУПСе). К сожалению, смерть настигла Виктора Николаевича на самом интересном этапе его жизни. Его диссертация и монография просто обязаны были быть новым подходом в анализе национальных вопросов не только в Сибири. Здесь можно заметить, что Виктор Николаевич еще в 1991 г. во время проведения референдума по сохранению СССР очень критично относился к самой формулировке в бюллетене. Он уже тогда считал, что в этой формулировке уже заложены институты СНГ и ССГ, т. е. раскол Союза. Но довести все свои мысли до логического завершения он не успел.

Светлая память о Викторе Николаевиче сохранится на долгие годы.

Александр Иванов

Исследователь непростой темы

Писать об ученом, не успевшем по воле трагического случая реализовать бóльшую часть своих творческих планов, всегда трудно – слишком вероятна ошибка в каких-то оценках, пусть даже предварительных, а выводы в немалой степени приходится основывать на собственных построениях, по научному, реконструкциях. В этой ситуации есть опасение подменить недостающие тебе в мозаичном портрете разноцветные черточки неким стандартным набором черт ученого-историка 1980–2000-х годов, взявшегося за региональную тему с конкретными, и, в общем-то, неширокими, хронологическими рамками, имеющую точную географическую привязку.

Несмотря на все опасения, попробуем все же определить или выделить хотя бы несколько характерных особенностей Виктора Николаевича Качанова как ученого-историка.

Тему научных изысканий Виктора легкой или простой не назовешь. Впрочем, давно известна расхожая аксиома о том, что в науке нет и не может быть простых тем, как не может быть, например, простых людей. Но эта, связанная с проблемами развития национальных отношений и государственной национальной политики тема, занимает в истории любой страны, и нашей в том числе, особое место.

Каким образом досталась столь тяжелая проблематика нашему Виктору? Чтобы ответить на этот вопрос надо прежде всего иметь в виду, что в начале 1980-х годов эта тема вовсе не казалась исследователям «тяжелой». Изучались национальные отношения исключительно в рамках победной деятельности КПСС и были во многом проходными

– взявший такую тему практически был обречен на успех. Не хочу бросить тень на старших коллег: несмотря на заданность выводов, подобные диссертации отличались богатейшей источниковой базой, их авторы подолгу работали в центральных архивах страны и обязательно во всех региональных. Сегодняшний исследователь такого себе, увы, просто не может позволить.

Виктор проходил обучение в аспирантуре и выполнял диссертацию на кафедре истории КПСС исторического факультета ИГУ, руководил которой доктор исторических наук, профессор Буянто Сайнцакович Санжиев. «Национальные отношения в СССР» – его научная проблематика, основывавшаяся, по большей мере, на материалах Сибири: в 1973 г. в МГУ он защитил кандидатскую диссертацию о ведущей роли русского рабочего класса в строительстве советского многонационального государства, а в 1968 г. – докторскую об историческом опыте КПСС по укреплению содружества наций. По всей видимости, именно Санжиев предложил Виктору Николаевичу эту тему. Наверное, у молодого коммуниста Качанова в разговоре с мэтром сибирской партийной науки, носившем вдобавок к своим ученым званиям и должностям маленький значок «50 лет в КПСС», просто не было выбора. Тема определена, утверждена на заседании парткома университета и должна быть выполнена.

Научным руководителем Виктора стал доктор исторических наук профессор Бато Бадмаевич Батуев, хорошо известный в Бурятии и в регионе специалист настоящей проблематики. Заметное место среди его работ занимали статьи по источниковедению национальных отношений в Сибири (например, «Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994). Может быть, именно он предложил Виктору «развернуть» научные изыскания в историографическую плоскость, но так или иначе, в конечном своем варианте, тема была сформулирована как «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по осуществлению национальной политики КПСС в 1917–1937 годы. (Историография проблемы)».

Историографическое осмысление любой конкретной проблемы свидетельствует прежде всего о динамичном развитии исторической науки, позволяет обобщить накопленный опыт, обозначить перспективы дальнейшего изучения. Эти задачи и поставил перед собой Виктор. Автор совершенно справедливо выделил в отечественной историографии три периода: 1917–1930-е годы, 1930–1950-е и 1950-е – современный период. Рассмотрев особенности каждого хронологического периода, он сосредоточился на нескольких главнейших аспектах изучения этой темы – роль КПСС в национально-государственном строительстве; руководство партии социально-экономическими и культурными преобразованиями в национальных районах.

Анализируя реферат диссертации Виктора Николаевича, с удовлетворением отмечаешь завидную основательность автора. Хорошо заметно, что данная научная работа – результат многолетних исследований, кропотливого анализа сотен публикаций самого различного профиля, детального изучения «первоисточников». Автор не просто цитирует высказывания «основоположников», он вскрывает само развитие ленинской мысли, показывает изменения концептуальных подходов в национальной политике советского государства в зависимости от конкретных внешних и внутренних обстоятельств.

Автореферат В.Н. Качанова содержит, как это положено, и выводы. Они органичны, следуют из всего рассмотренного материала. Автор обращает внимание на «слабо освещенные отдельные аспекты», «необходимость дальнейшего углубления и обобщения». Выводы как выводы, их форма и содержание – типичны для исследований обществоведов советской эпохи с ее идеологическим прессом. Но вот одна фраза выделяется из общего контекста, свидетельствует о том, что автор сумел увидеть за официальной плакатностью своей темы ее глубочайшую противоречивость: «крайне важной, – пишет автор, – является задача по переосмыслению исторического опыта» партийной национальной политики. «Переосмысление» – это не «дальнейшее углу-

бление», эта ревизия и отказ от существующих в науке концепций и, по всей видимости, автор осознал необходимость именно такого развития своей темы.

В конце 1989 г. В.Н. Качанов представил диссертацию в Специализированный совет при ИГУ, а второго февраля 1990 г. защитил ее основные положения и выводы. Официальными оппонентами на заседании совета выступили: доктор исторических наук профессор Гармажап Лудупович Санжиев, крупнейший специалист в области изучения национальных отношений в Бурятии и иркутянин, кандидат исторических наук доцент Эдуард Губайдуллович Азербает. Оппоненты высоко оценили достоинства работы, отметив ее самостоятельный характер, закономерность выводов, основательность источниковой базы.

При подготовке настоящего сборника авторским коллективом выявлены 55 публикаций Виктора Николаевича. Думается, что на самом деле, их должно быть больше. Если внимательно рассмотреть библиографический указатель Виктора, можно заметить, что в нем совершенно отсутствует периодика, а этого просто не может быть, ведь каждый историк, пусть разрабатывающий даже самую узкую, специфическую проблему, нет-нет, да и обращается к газетной публицистике. В указателе нет также работ Качанова-рецензента, результатов его редакторской деятельности или составителя научных сборник. Такие пробелы, безусловно, обедняют наш указатель, однако, думается, будут восполнены постепенно, со временем.

Первая публикация, установленная нами, относится к 1983 году. Это небольшая статья под названием «Коммунисты и молодежь в капиталистических странах». Скорее всего, эта тема была навеяна поездкой в Германскую Демократическую Республику. Автор не ограничился одной публикацией на эту проблему, а возвращался к ней неоднократно, каждый раз находя и разрабатывая новые грани.

Вообще, по статьям Виктора можно уверенно проследить изменение научных интересов большинства российских историков периода перестройки и ельцинского безвре-

ня, названного сегодня почему-то «эпохой». Всплеск внимания к истории страны проявился еще в середине 1980-х годов. Именно в эти годы публикуются сборники рассекречиваемых документов, приоткрываются архивы, историки наперебой пытаются открыть «белые пятна», выявить забытые имена, восстановить подлинные причины исторических событий. Виктор не стоял в стороне от этого движения. Он, как и многие, напряженно переосмысливал накопленный ранее материал, пытался шагнуть за привычные границы своей темы.

Работая в Иркутском обкоме комсомола, я несколько раз встречался с В.Н. Качановым уже как с обществоведом, неизменным участником всех конференций молодых ученых. На издание одного сборника уходил практически год. Приходилось долго перепечатывать статьи, придавать им какой-то единообразный вид, затем нести все в здание на углу К. Маркса и Литвинова, в знаменитый облит – Управление по делам литературы и издательств при Иркутском областном исполнительном комитете Совета народных депутатов, несколько месяцев ждать итогов проверки и, наконец, забрав свой макет с вымаранными или просто вырезанными страницами, но с прямоугольным штампом на титульном листе «в печать разрешаю», ехать в областную типографию и там пристраивать машинопись.

В те годы выпуск любого сборника докладов отнимал много сил и не обходился без каких-либо срывов и накладок. В этом деле многое зависело от организованности молодых вузовских ученых-обществоведов, и без преувеличения могу сказать: Виктор был одним из самых дисциплинированных и обязательных авторов.

В начале 1990-х годов в Иркутске оформилась областная ассоциация молодых историков. Ее участниками стали преподаватели вузов, в основном, выпускники исторического факультета университета. Одной из форм деятельности ассоциации было создание исторических очерков по заказам крупных промышленных предприятий, городских и районных советов. Один из таких очерков достался Виктору: он в

составе творческого коллектива (Виктор Викторович Михайлов и Татьяна Валерьевна Михайлова) несколько лет собирал материал, а затем участвовал в его обработке и написании монографии под названием «Годы и люди. 1910–1995. История Иркутской ТЭЦ-2». Книга была издана в 1995 г. и доподлинно знаю, что ее материалы до сих пор востребованы, пользуются популярностью и имеют большой и заслуженный авторитет у наших энергетиков. Это ли не лучшая, самая точная характеристика Виктора как ученого, исследователя, историка!

В 1992 году Виктор опубликовал небольшую статью о Ядринцеве – «Н.М. Ядринцев – исследователь «инородческого вопроса». Эта работа, как мне кажется, написана под сильным влиянием Евгения Шободоева: именно он всерьез занимаясь творческим наследием великого публициста и ученого, «заразил» Виктора этой темой.

В знаменитой монографии Ядринцева целая глава посвящена национальным отношениям и так и называется «Инородцы и инородческий вопрос Сибири». В.Н. Качанов последовательно разбирает основные положения и выводы этого ученого, обращает внимание на озабоченность исследователя сокращением численности коренных сибирских народов, ассимиляционными процессами, которые, по мнению Николая Михайловича, сказываются сугубо отрицательно на малых народах.

На мой взгляд, В.Н. Качанов, в отличие от многих исследователей творчества Ядринцева, совершенно правильно уловил причину такого негативного освещения инородческого вопроса: Ядринцев-публицист и патриот здесь заметно преобладает над Ядринцевым-ученым, а обличение правительственной колониальной политики в отношении Сибири является главной целью настоящей книги. Вместе с тем Виктор Николаевич солидарен с Ядринцевым: смысл инородческого вопроса в Сибири заключался в том, что государство обязано помогать инородцам и единственный доступный способ для этого – остановить проникновение

или наступление на них иной цивилизации, «обеспечив их в смысле гражданских прав от вторжения всякого насилия».

Со временем тематика научных интересов Виктора Николаевича заметно расширилась. Историк начинает рассматривать национальные отношения как таковые, выявляя в своем объекте новые, ранее недоступные советскому исследователю грани. Им изучаются основные тенденции развития межэтнических отношений; политические системы многонациональных обществ; национальные движения Восточной Сибири; проблемы автономии; развитие земских учреждений в Прибайкалье; социально-экономические предпосылки в возникновении центробежных тенденций. Нет нужды говорить об актуальности таких исследований. Их отличительная особенность — полемичность и практическая востребованность. Его работы далеко выходят за рамки конкретной проблематики, содержат глубокие, подчас философские и политологические обобщения.

После 2002 г. в творчестве В.Н. Качанова открывается новый период: он связан с получением второго, юридического образования, что, безусловно, обогатило исследовательскую палитру ученого. Историк и правовед — этот симбиоз, конечно же принес свои положительные результаты. Многим коллегам, знаю, это, прежде всего, по своему опыту, недостает правовых профессиональных знаний. Наш извечный нарратив, описание исторических фактов, событий и общественных явлений существенно выигрывает, когда к нему добавляется умелый профессиональный анализ законодательных актов и правовых решений. Это дает возможность уже на ином уровне разрабатывать конкретно-историческую проблематику, да и достоверность выводов делает выше.

Практически все последние статьи Виктора Николаевича написаны им именно на стыке двух наук. Он исследует вопросы национально-государственного строительства; историю правового регулирования развития малочисленных народов; эволюцию национальных судебных органов в Бурятии; особенности административно-территориального

устройства бурят в составе России и некоторые другие проблемы. Как видим, обладание юридическими знаниями, методами правовых исследований значительно расширило «непростую» научную тему Виктора.

Хотелось бы отметить еще одну особенность Качанова-исследователя. На протяжении нескольких лет перерабатывая и приобретая знания по истории национальных отношений, он совершенно четко осознал, что дальнейшее изучение этой темы немыслимо без введения в научный оборот нового разнопланового архивного материала, публикации как можно большего комплекса исторических документов, что сделало бы эту тему доступнее для широкого восприятия и понимания. Вот почему несколько статей он посвятил анализу особенностей источников своей темы, рассматривая документы национальных организаций и движений Восточной Сибири, нормативные акты, решения местных органов власти, директивы партийных формирований.

Большой научный интерес, на мой взгляд, представляет статья Виктора о тофаларах. Рассмотрим ее несколько подробнее. Данная работа написана в 2003 г., различными вариантами публиковалась в нескольких изданиях. Автор подвергает ретроспективному анализу политику Советского государства в отношении этого автохтонного малочисленного этноса Сибири.

При царском правительстве тофы платили дань государству пушниной. Соболиные шкурки были стратегическим сырьем страны, наиважнейшим валютным эквивалентом. Прекрасно понимая значение мягкой рухляди, государство всячески оберегало инородцев от издержек социально-экономического освоения новой территории: еще при первых Романовых казакам под угрозой смерти было запрещено чинить коренным жителям «утеснение», крестьяне не могли распахать земли эвенков, бурят, хакасов и тофов, строительство дорог, разработка недр, добыча зверя на территории инородцев могла вестись только после именного указа царя.

Государство охраняло не только земли инородцев, оно стремилось оберегать и сложившиеся культурно-бытовые,

нравственные ценности этих народов. Чиновники, уличенные в обмане, взяточничестве, пренебрежительном отношении к коренным жителям, сурово и незамедлительно наказывались. Чтобы проиллюстрировать этот невероятный по сегодняшним меркам тезис, приведу строки из приказа по Иркутскому губернскому жандармскому управлению за 1901 год: «Приказ №143 от 15 декабря. §1. Унтер-офицер дополнительного штата вверенного мне Управления В.С. Коваленко в мае 1901 года, прибыв по делам службы в Карагунский улус Укырского ведомства Балаганского уезда потребовал, чтобы сельский староста Вахромей Борисов, а также и другие инородцы, уплатили ему по 1 рублю за участие в лотереи, разыгрываемой в его, Коваленко, пользу, что указанные инородцы, из страха притеснений и исполнили. Затем, проходя с тем же старостой по улице улуса, и заметив на общественном магазине неисправный замок, стал кричать на старосту и грозить, что наденет на него кандалы и отправит в тюрьму и требовать в свою пользу 20 рублей, чтобы скрыть неисправность этого замка. Староста Борисов и дал эти 20 рублей». Тем же приказом начальника ИГЖУ полковника А.И. Левицкого Коваленко был уволен со службы и отдан под суд Сибирского военно-окружного суда¹.

Настоящая цитата точно иллюстрирует общепринятую практику: никому, даже всесильным и, казалось бы, бесконтрольным, жандармам, не позволялось чинить произвол среди инородцев. Приведу еще только один пример, чтобы показать продуманность, гибкость уже экономической политики государства в отношении малых народов в Сибири: табличка за 1896 год по Западному Забайкалью, из которой видно, какой объем налогов платили жители в рублях:

	1 разряда	2 разряда	3 разряда	
Поселенцы	4,20¼		4,07¼	3,94¼
Крестьяне:	4,17¼		4,04¼	3,91¼
Инородцы	4,27¼ (оседл.)		2,68¼ (кочев.)	2,04 (бродячие)
Казаки	0,49		0,36	0,28

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 5. Л. 82.

Как видим, налоговое бремя для инородцев было сравнительно небольшим, а главное, учитывало специфику их хозяйства, основанного на пастбищном животноводстве, добычи пушнины и охоте¹.

С приходом Советской власти отношение к тофам, как и к другим кочевым народам, стало совершенно иным. Государство уже не стремилось сохранить их уникальность, наоборот, был взят курс на ускоренную ассимиляцию инородцев. Виктор Николаевич прекрасно раскрывает пагубность этой политики: перевод тофов на оседлый образ жизни, изъятие оленного стада, запрет шаманизма, пренебрежительное отношение к родному языку — все это привело к забвению вековых традиций, падению нравственных устоев, обнищанию и вымиранию целого народа. Автор подчеркивает, что «последствия социальных экспериментов не были исправлены, а еще в большей степени усугублены в 1950 — 1980-е годы, ...тофы утратили многие секреты традиционного хозяйства, забыли нормы этнического этикета, национальной педагогики».

Но есть ли возможность возродить тофов? Виктор, работавший над своей статьей в начале века, со сдержанным оптимизмом отвечает положительно на эти вопросы: «в настоящее время, — пишет он, — и на ближайшую перспективу в основание программы возрождения и дальнейшего развития Тофаларии должен быть положен принцип государственного протекционизма как основополагающий». Где же сегодня этот протекционизм? Прошедшее десятилетие, думаю, не изменило ситуации с этим народом и оптимизм здесь, к сожалению, вряд ли возможен.

Не нужно думать, что отношение к малым народам при царизме, как и сама национальная политика, были всегда последовательными. Конечно, нет. Виктор исследовал национальные отношения в России конца XIX — начала XX века. Именно в этот период властвовал Александр III, чей памятник сегодня стоит в центре Иркутска. Многие моло-

¹ Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. Сост. Н.А. Крюков, абраном при Приамурском генерал-губернаторе. СПб., 1896. С. 139

дые люди, назначая встречу «у царя», и не знают, что это был наиболее консервативный государь из всех Романовых. Концепция его политического курса сложилась уже к середине 80-х годов и заключалась в укреплении самодержавия, недопустимости каких-либо политических преобразований, неприкосновенности прав одних на управление другими. Общий курс ярко проявился и в национальной политике царя: православный патриотизм на деле часто превращался в политику воинствующего великодержавного национализма и насильственной русификации. Именно при нем значительно увеличились пресловутые «черты оседлости», подверглись дискриминации национальная культура и язык белорусов и украинцев. Крепкое, унитарное государство с однородным национальным центром — вот главная идея Александра III. Именно так решал он «национальный вопрос».

В эти же годы, или чуть позже, уже при Николае, складывается ленинская национальная доктрина: равенство всех наций и народов, право меньшинств на самоопределение, вплоть до отделения от своего государства. Действительность показала, насколько опасна подобная практика внутри многонациональной державы. При советской власти декларация свободы наций осталась, однако цементировалась она партийным принципом демократического централизма с его беспрекословным подчинением коммунистов различной национальности общей «линии партии».

И программа культурно-национальной автономии, последовательным сторонником которой выступал, например, П.Н. Милюков, как альтернатива ленинской теории, не стала и не могла стать панацеей: развитие национальных окраин невысказано без активного соучастия в управлении государством, а местный предпринимательский и финансовый капитал всегда будет против жесткой централизации.

Где же выход, в чем решение национального вопроса в России? Думаю, что эти вопросы не единожды возникали и перед Виктором. Зная исследовательскую основательность и принципиальность В.Н. Качанова, можно предположить, что неоднозначность решения этих вопросов, пре-

красно осознаваемая Виктором, и не позволяла ему сесть за письменный стол и приступить к написанию диссертации и обобщению огромного фактического материала, накопленного им с 1983 года.

Помимо обязательности, развитой до какого-то гипертрофированного размера, Виктор Николаевич был одержим, на мой взгляд, этаким «синдромом отличника». «Отличник» просто не может что-либо делать плохо, хуже, чем кто-то, он всегда стремится быть лучшим, первым (но не надо путать с лидером – думаю, что сакральным лидером-вождем, он не был и, главное, не стремился занять это место). «Отличник» – невероятно усидчив и работоспособен, то, что другому дается легко, этот достигает ценой самодисциплины и устремленности. Такой человек – надежен, никогда не подведет, не бросит начатого дела, а доведет его до конца.

Именно таким и был наш Виктор. 803 часа лекционной нагрузки, обнаруженные мною у него в отчете за 2009 год – яркое свидетельство такой работоспособности. А еще руководство коллективом кафедры, посещение занятий, дипломные и курсовые проекты студентов, участие в ежегодных научно-практических конференциях, заседаниях методсовета, справки, отчеты, рапорты и объяснительные. Наверное, такая огромная нагрузка была ему по душе, приносила осознание полезности для окружающих людей.

Виктор был человеком открытым и очень отзывчивым. Он знал не только дни рождения большинства однокурсников, но регулярно «забегая на минуточку» и всем своим видом излучая большое неподдельное удовольствие от встречи, практически всегда расспрашивал о делах домашних: о супруге, детях, помня их имена, года рождения, места учебы. Напоследок, всегда как бы между прочим, задавался вопрос о монетах, железнодорожных значках или медалях, мол, есть ли что-нибудь новенькое? Впервые с этой Викторовой страстью я столкнулся в 1985 году, когда по командировке БМТ «Спутник» летом свозил группу нашей молодежи в Румынию и Болгарию. Денежное обе-

спечение туристов было по тем меркам просто смешным — какие-то копейки, которые нам выдали левами и леями. С болгарскими левами не было проблем: они были истрачены в Софии в огромном книжном магазине (Павел Вежинов и культовый Ремарк) до последней сотинки, а вот леи — остались: во-первых, потому что Румынию осматривали только проездом, из окон «Икаруса», во-вторых, на эти деньги вообще нельзя было там что-либо купить. В последнем городе этой страны, перед возвращением в Кишинев, вечером в гостинице была заказана бутылка какого-то белого простецкого вина, на которую и ушел весь обмен. В качестве «сдачи» официант принес на подносе целую горку никелевых монет. Воспитанный на том, что чаевые унижают человеческое достоинство и руссо туристо на чай не дает, я сгрэб эту мелочь и привез в Иркутск.

Не помню, как именно узнал о леях Виктор (при его коммуникабельности это было вполне естественным), но он мне тут же предложил обмен: леи на немецкие марки. Марками он разжился, видимо, в ГДР, помогая немецким товарищам укреплять социализм. Не будучи коллекционером, но твердо помня аксиому: «настоящий историк не должен проходить мимо любого, даже незначительного артефакта», вбитую нам, студентам истфака, кем-то из преподавателей-археологов, я легко согласился. На следующий день Виктор принес две марки, в ответ получил два лея.

При этом натуральном обмене мною, из чувства мелкого тщеславия, была продемонстрирована вся румынская денежная куча: мол, смотри, обзавидуйся. Этот запрещенный прием принес совершенно ненужный мне эффект: через несколько дней Виктор позвонил и, пытаясь скрыть волнение, сказал, что «у него есть люди», которые охотно обменивают «наши»[!] леи на свои дензнаки. Дело закончилось тем, что я просто отдал эту горсть Виктору, и как он с ней поступил, могу только предположить — наверняка употребил на обменные операции для пополнения своей коллекции. Это сегодня в магазинах есть монеты практически любой страны, пошел и купил, тогда, при действовавшем

«железном занавесе», и монгольский тугрик был в цене. Но тем интереснее казалась нам нумизматика.

Наверное, Виктор был настоящим коллекционером. Стоит только позавидовать его предприимчивости. Но помимо желания к собирательству, был у него в этом деле немалый вкус и широкий кругозор. Именно хороший вкус натолкнул его на стремление собрать как можно более разнообразную коллекцию железнодорожной атрибутики. Сама идея, выбор темы – оригинальны и заслуживают уважения. И здесь случай помог мне оказаться ему полезным.

Было это, наверное, лет пять-семь назад. В типографию поступил необычный заказ – быстро сделать большущий проспект для Алданской железной дороги: оказывается, есть такая, ее протяженность всего 200 км, да и те на тот момент еще не были сданы в эксплуатацию, имелась просто насыпь, само собой дирекция, и все. Но вот с сувенирами у этой дороги было в полном порядке! Два вида фирменных тарелок в подарочной упаковке, объемные значки, вымпела, еще что-то. Гвоздем этой представительской продукции была статуэтка фарфорового, «под гжель» усатого железнодорожника с жезлом в руках. До сих пор помню совершенно неподдельный восторг, с каким Виктор рассматривал этого чудесного человечка. Вполне естественно, что все атрибуты якутских железных дорожников в скором времени перекочевали к Виктору.

Наш Виктор был по-настоящему книжным человеком. В его портфеле всегда можно было найти несколько интересных книг, он покупал много художественной литературы. За хорошей книгой мог, в прямом смысле слова, далеко пойти. Вспоминается работа в одном из отделений Хомутово в 1977 году. Там мы веяли зерно: весь день подавали лопатами пшеницу на транспортер, а нехитрый механизм перемещал кучи по огромному двору. Наш руководитель, старший преподаватель Владимир Георгиевич Башкиров, возвращаясь как-то из города, купил в книжном магазине в центре села несколько художественных книг, принес и показал нам. Немедленно была собрана экспедиция, найдены

средства, составлены списки и Виктор, в числе двух-трех добровольцев, бодро отправился за несколько километров, если не десяток, пешком в этот магазин. Кажется, такие походы повторялись неоднократно, и В.Н. Качанов принимал в них самое активное участие.

С книгами связана и еще одна страничка наших взаимоотношений. Бывая регулярно в Улан-Удэ, в каждый приезд стараюсь заглянуть в книжный магазин Бурятского научного центра — там продается литература в основном местных исследователей. Зная это, Виктор заказывал мне новинки по своей проблематике, что-то я ему покупал, но больше всего привозил книг, которые мне передавали специально для него. Вообще, историки Бурятии, специалисты в области национальной политики и межнациональных отношений, хорошо знают нашего Виктора, внимательно следили за его трудами, некоторые, например, ученый секретарь диссертационного совета при институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН к. и. н. доцент Дарима Санжиевна Жамсуева, доктор исторических наук, профессор Джамиля Кимовна Чимитова, на мой взгляд, сегодня самый крупный, признанный специалист в истории национальных отношений, всегда спрашивали о делах Виктора, именуя его по отчеству и передавая неизменные поклоны.

Принимая переданную через меня монографию, сборник статей или докладов, Виктор всегда восклицал: «Ух, ты!», зажигался, начинал рассказывать что-то из опыта личного общения с тем или иным автором, демонстрируя прекрасную память и знание своих коллег по именам-отчествам, и тут же пускался в сугубо профессиональные рассуждения, говоря о том, что бурятские ученые исследуют национальную тему комплексно, системно, используя хорошо поставленную государственную поддержку, а в Иркутске ею практически не занимаются.

Во время очередного привоза литературы и околонучного разговора, года три назад, в качестве ответного подарка Виктор и преподнес мне очень ценную для меня монографию Николая Николаевича Щербакова «Влияние ссыль-

ных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири», изданную в ИГУ в 1984 году. Эта книга у меня была, но потом куда-то «ушла», подтверждая тем самым старую истину о том, что наши книги всегда живут своей, независимой от желаний автора и издателя жизнью.

Поражает в этом случае даже не то, как Виктор мог ошибочно точно предположить, что я нуждаюсь в этой монографии. Больше всего впечатлила дарственная надпись, сделанная рукой Щербакова по форзацу книги: «Дорогому коллеге и ученику от автора сей книжки с пожеланием, скорее выходить на финишную прямую. 21.V.98 г.». Прочитал и почувствовал некое чувство ревности: это я был учеником Щербакова, я писал под его руководством диссертации, но своей монографии, да еще с такими теплыми пожеланиями, он мне так и не подарил!

Вообще, Виктор, конечно же, собирался защищать докторскую диссертацию. Дважды, если не больше, он специально приходил ко мне в типографию, чтобы узнать условия издания монографии, в которой планировал опубликовать основные положения своей научной концепции. Но каждый год приносил новые ужесточения ваковских требований к защите докторских диссертаций — увеличивалось количество обязательных публикаций в журналах, усложнялась процедура приема заявлений в советах от соискателей, да и цена не стояла на месте. Все это сделало защиту докторской диссертации под силу лишь по большей части сравнительно молодым, не обремененным обязанностями руководящей работы исследователям.

Думаю, что эти отрывочные и не во всем последовательные воспоминания и субъективные оценки все же дополняют представление об этом непрстом человеке и его непрстой научной теме.

Софья Курас

Тот, кто всегда рядом ...

Вот уже прошел год, как нет с нами рядом заведующего кафедрой Виктора Николаевича Качанова. С этим замечательным, душевным, чутким человеком я познакомилась в 2003 году в ходе участия в научно-практических конференциях, которые проводил Иркутский государственный университет и Байкальский государственный университет экономики и права. На тот момент я еще являлась студенткой исторического факультета ИГУ, а он уже был известным историком, кандидатом наук, доцентом. Уже тогда он запомнился мне очень улыбчивым, доброжелательным человеком, который всегда искренне интересовался успехами в учебе, научными достижениями, планами на будущее.

Так мне запомнились наши первые встречи, хотя, как оказалось, сам Виктор Николаевич помнил меня еще маленькой девочкой. Дело в том, что он был хорошо знаком с моим отцом, ведь они вместе были аспирантами у профессора Б.Б. Батуева: так общий научный руководитель и тематика исследований стали основой для их общения и совместных научных работ. Именно поэтому он вдвойне радовался моим успехам в науке, как продолжателя семейного дела.

Кроме общих научных тем, как точек соприкосновения, оказалось, что мы еще и живем в одном микрорайоне, и неизменно при встрече, по пути на остановку, он не уставал делиться своей улыбкой и самыми теплыми приветами и пожеланиями всей семье.

Одна из наших дальнейших встреч состоялась на заседании диссертационного совета ИГУ весной 2006 года. К

тому времени я защитила диссертацию, но не могла найти достойную работу по специальности. На тот момент Виктор Николаевич уже более 10 лет работал в Иркутском государственном университете путей сообщения и при встрече рассказал, что в вузе открывается новая кафедра, куда он переходит работать, и где будут нужны преподаватели. Чуть позже мы с ним созвонились и, собрав все необходимые документы, я пришла на собеседование к заведующей кафедрой «Таможенное дело», вернее сказать, Виктор Николаевич привел меня буквально за руку к нему. В ходе собеседования Виктор Николаевич рекомендовал меня начальнику кафедры с самых положительных сторон и горячо поддержал.

Вообще, с самого начала моей трудовой деятельности он очень участливо относился. Сам провел мне экскурсию по вузу, как истинный историк с интересом рассказывал об этапах становления ИрГУПС, о замечательных инженерах, энтузиастах своего дела, которые продвигали идею инженерного образования в Сибири, знакомил с профессорско-преподавательским составом университета. Ведь он был знаком не только со многими сотрудниками, но и с членами их семей, живо интересовался их жизненным и профессиональным путями. Как настоящий фанат своей профессии, он очень много читал, поэтому не удивительно, что вузовская библиотека неоднократно признавала его «читателем года». Лучшим подарком для моего будущего начальника всегда была книга, поэтому на праздники у нас был взаимный обмен книжными новинками, который Виктора Николаевича неизменно радовал.

Вспоминаю первые месяцы своего преподавания – как порой страшно было идти на потоковые лекции, где ребята всего на несколько лет младше, а студенты заочной формы вовсе не готовы были принимать преподавателя вдвое младше себя. В таких ситуациях Виктор Николаевич всегда был рядом, находил нужные слова поддержки. Кроме того, имея ценный педагогический опыт, так как преподавал в высшей школе более 20 лет, делился методическими нара-

ботками, учил продумывать структуру занятия, строго, но справедливо оценивал проведение лекционных и семинарских занятий.

Чуть позже он рецензировал мои первые методические пособия, очень корректно и профессионально вносил правки, давал мудрые советы, которые и по сей день применяю в работе. Не жалел своего времени на посещение открытых занятий, всегда аккуратно, так чтобы не обидеть, указывал недочеты и обязательно хвалил, отмечал плюсы в проведении лекций и семинаров. Виктор Николаевич поддерживал меня не только в начале профессионального пути, но и на всех дальнейших этапах, как сейчас говорят, «карьерного роста», когда я проходила по конкурсу на должности от ассистента до доцента. Так же по-отечески он относился ко всем нашим молодым преподавателям, которые только начинали свой путь педагога и нуждались в поддержке старших и более опытных коллег.

Помимо участливого отношения в работе он всегда звонил и поздравлял с праздниками, а в день рождения вслед за ранним звонком родителей шли его теплые и доброжелательные поздравления, которых сегодня очень не хватает.

Сейчас с грустью вспоминаю, как совсем недавно мы очень весело и душевно отмечали его юбилей в стенах нашего вуза, как приготовили интересные сценки, как такие добрые, юморные сюрпризы он любил.

В 2008 году для Виктора Николаевича начался новый этап работы – он стал заведующим кафедрой правоведения, впервые созданного подразделения вуза. За этот, к сожалению, небольшой период своей деятельности в новой должности он сумел создать и сплотить дружный и профессиональный коллектив преподавателей, поддерживать теплую атмосферу на кафедре. Все вместе мы решили организовать что-то вроде кафедральной хроники в фотокадрах. Виктор Николаевич доверил мне процесс фотосъемки всех праздников, которые отмечались на кафедре, а также конференций студентов и преподавателей. Так за два года создалась

интересная, насыщенная событиями из жизни коллектива подборка кадров.

С момента создания кафедры мы активно помогали Виктору Николаевичу во всех учебных, научных и организационных вопросах. Очень приятно, что он доверял нам, зная, что не подведем. Сейчас в своей работе мы стараемся претворять в жизнь те мероприятия, которые он задумывал или начинал проводить. Очень надеемся не подвести его и достойно нести знамя кафедры, за которую он болел всей душой. В наших сердцах он навсегда останется близким и родным человеком, тем, кто всегда рядом...

Валерий Щербин

Непланированное слово

*Как не смотреть на прошлое сейчас
И как не ткать грядущего узоры,
Из малых родин каждого из нас
Слагаются Отечества просторы*

Виктор Качанов родился и возрел школьной, доуниверситетской юностью в Нижнеудинске — городе и по нынешним меркам небольшом и, конечно, со всеми достоинствами и качествами сибирской провинции.

Начальный факт биографии Виктора никогда не был для него только формальной отметкой в паспорте. Он любил свой город, собирал о нем архивные материалы, следил за публикациями...

Уже при первой нашей встрече, состоявшейся благодаря его университетским однокашникам, многих из которых я по-доброму знаю, зашел разговор и про Нижнеудинск (город и моего детства). И это сразу стало ощутимо дополнительной душевной скрепой между нами, и сохранялось в дальнейшем.

Душа его была преимущественно соткана из сердечного тепла и доброжелательности. Я не замечал за ним даже косвенного присутствия двойной морали и конъюнктурной изворотливости, так широко распространенных в наше время среди научной «братии». Для меня нет сомнений, что и в служебных делах и в научных своих изысканиях он шел трудным путем искреннего и посильного служения Отечеству, органически не принимая принципы и дела либеральной и номенклатурной интеллигенции.

Уходя от нас, Виктор Николаевич Качанов сделал свой последний и по-христиански достойный шаг — исповедался и причастился Святых Таинств. Светлая и вечная память тебе...

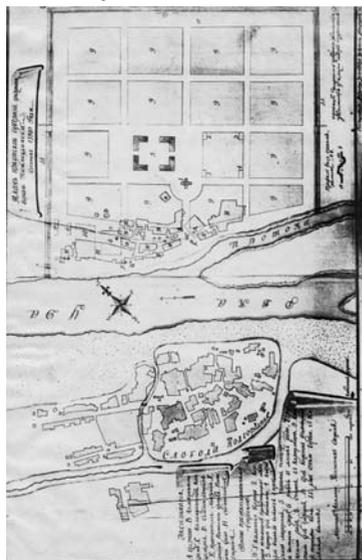
Нижнеудинск в картографии конца XVIII — начала XX века.

В исторических планах города Нижнеудинск наглядно предстает как самобытная, самодостаточная и предметно ощутимая градостроительная система.

На сегодня известны двенадцать планов Нижнеудинска: четыре из них в виде основных чертежей, существование восьми других выявлено из служебной переписки XIX века (по архивным материалам ГАИО).

Представим в хронологической последовательности ранее известные планы Нижнеудинска (см. иллюстрированный материал) и планы, существование которых стало известным в связи с настоящим исследованием, сопровождая их описанием градостроительного развития города, функциональной типологией самих планов, а также их инструктивным исполнением:

1798 год. Губернским землемером Андреем Турчаниновым «сочинен» первый инструментальный план города Нижнеудинска.

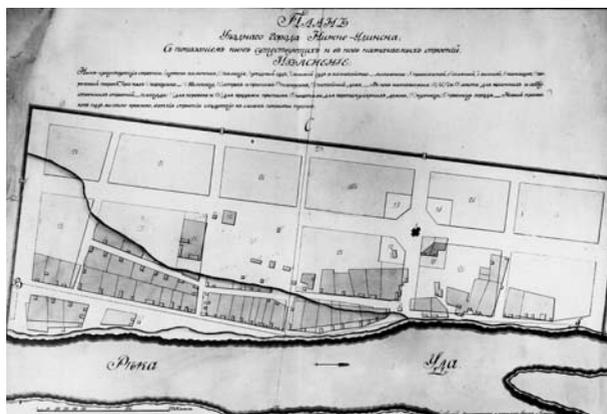

План фиксационно-проектный. Проектом, кроме предполагаемых построек, означены регулярные «кварталы для граждан». Они значительно расширяют первородную застройку правой — первородной, основной части города. Также проектно предложен «ров около города с земляным валом». Ров «выстроен» прямоугольником от самого берега Уды и протоки. Отдельно, с масштабным увеличением, показан предполагаемый «профиль валу со рвом».

В первородной структуре, вытянутой вдоль берега мелкими бесформенными кварталчиками, отсутствуют следы каких-либо ранее выполненных оборонительных границ города. Очевидно, их и не было. А намеченный в соответствии с инструктивными предписаниями ров, не был выполнен; город, хотя и медленно, но развивался, но главное потому, что к этому времени военно-оборонительная функция Нижнеудинска почти полностью утратила свое значение.

Особой примечательностью плана является проектно-градостроительное совмещение торговой площади (с гостиным двором в центре) с полукольцевым в сторону Уды пространством запроектированного храма. План представляет всю существующую на то время селитбу. Левобережная, точнее островная часть города, это «Слобода подгородная» (традиционный градосоциальный топоним). Планометрически хаотичная мозаика индивидуальных или сгруппированных земельных участков, очевидно, более плодородных, чем в основном городе.

1810-е годы. «План Уездного города Нижнеудинска; с показанием ныне существующих и вновь назначаемых строений». Автор — Губернский архитектор Иаков (Яков) Кругликов. Исполнен в период между 1811 и 1817 годом (нижняя дата — 1811 год — заложение храма; верхняя — строительство уездного училища, которого в этом плане нет).

План в большей мере проектный, нежели фиксационный. Селитьба, в сравнении с предыдущим планом, заметно продвинулась в северо-западном береговом направлении, но в глубину, от реки остается в границах плана 1798 года. Оформились две основные улицы и пять поперечных. Поперечные — короткие, как проулки, в один, полтора квартала, а основные улицы, отвечая естеству приречного обустройства, протяженные. Красные линии исправляют первородную обывательскую планировку и застройку. Граница города в пропорциях иная, но также в виде рва с валом. В ней четыре проезда с мостками и, очевидно, с воротами. Всё проектное, как в плане 1798 года. Новизна — в фиксации перепадов рельефа: небольшой обрыв от реки и граница, собственно, сам перепад между двумя селитебными террасами селитьбы. Нижняя начинается клином от осторожного места, которое к этому времени окончательно утратило вещественные следы первородности.

Условные линии АБ и СД — это ответ на инструктивное предписание о профилях местности (выполнялись отдельным чертежом — не сохранился). Центром планировочной структуры остается храмовая площадь в пересечении двух главных улиц города, задуманных со столичной парадностью — ширина около 40 м. В плане отсутствует Подгородная слобода.

Репрезентативная графика плана, лаконичность экспликации, некая отстраненность от реальности свидетельствуют: во-первых, автор не был знаком с предшествующим планом; во-вторых, сам чертеж, вероятно, исполнялся для специального реестра планов российских городов.

Далее в градостроительном надзоре за развитием Нижнеудинска следует продолжительный период, связанный с исполнением прежних предписаний нормативных новшеств.

1832 — 1836 гг. Из циркулярной переписки о составлении планов городам Иркутской губернии: в 1832 году составлен план Нижнеудинска и «представлен в Министерство Внутренних Дел для поднесения на Высочайшее утверждение». Но был возвращен на доработку, так как не отвечал новым

правилам составления планов в соответствии с циркулярами МВД 1832 и 1833 годов. В 1836 году Петр Сутормин (впоследствии Иркутский губернский архитектор) снимает план Нижнеудинска с городским выгоном¹.

1841 год. К плану города, ранее составленного П. Суторминым, выполняется съемка продольных и поперечных разрезов г. Нижнеудинска в дополнение для Высочайшего утверждения².

1842 год. Предназначены к конфирмации «проект Окружного города Нижнеудинска на одном листе и План настоящего положения города Нижнеудинска». Планы выполнены в соответствии с инструкцией в масштабе 50 сажен в английском дюйме. Последний, ввиду указания всех выгонных земель, расположенных на значительном расстоянии от города, получился больших размеров, неудобных для доставки и пользования³. В результате переписки Иркутского генерал-губернатора с Министром внутренних дел было получено разрешение изменить масштаб плана (вероятно, в дальнейшем потребовалось внести соответствующие поправки в инструкцию по составлению планов городам).

1846 год. Планы городов Верхне-Удинска, Нижне-Удинска и Нерчинска удостоены «Высочайшего утверждения»⁴. К планам прилагались ведомости о числе домов и жителей, и мнение Иркутского губернского архитектора о каждом из сочиненных планов для означенных городов⁵.

1851 год. Иркутским Губернским Управлением получено «Высочайшее повеление о присоединении к г. Нижнеудинску Подгородной слободы, коим, между прочим, пунктом повелено: с присоединением слободы нарезать городу новый выгон, согласно с существующими законами»⁶. Что требовало корректировки предыдущей планографии.

¹ ГАИО, ф.31, оп.3, д.396, л.76.

² Там же. — Л.122.

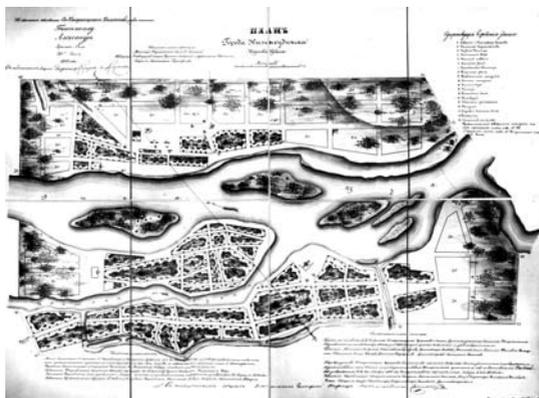
³ Там же. — Л.133, 140.

⁴ ГАИО, ф.31, оп.3, д.39а, л.4.

⁵ ГАИО, ф.31, оп.3, д.396, л.132.

⁶ Там же. — Л.32.

1856-1859 гг. «Вновь проектированный в 1856 году (в Иркутске) план г. Нижнеудинску по присоединении к нему Подгородной Слободы...», представлен к рассмотрению в Министерство внутренних дел, которым «признано нужным план этот изменить, с тем, чтобы ближе примениться к существующему расположению улиц, и оставить по берегам реки набережные, узаконенной ширины»¹. В 1857 году этот план направляется в Департамент проектов и смет (СПб), где «признается неудовлетворительным». И взамен выполняется кондиционный во всех отношениях «План города Нижнеудинска Иркутской губернии», на котором «его Императорского Величества рукою написано: Быть по сему. Александр. Красное село. 30 июля 1859 года»².

План следует считать Генеральным как сочетающим в себе паритетно существующие и проектные компоненты. Подгородная слобода уже давно вышла за Застрянку, на левый берег Уды, и Московский тракт, в пределах города, стал вполне обжитой улицей (а первые поселенцы здесь отмечены еще планом 1798 года).

Таким образом, можно сказать, что первая, более чем полу-вековая эпопея нижнеудинской картографии была действительно интересной и результативно содержательной. И главное, что относительно существующей на то время городской

¹ Там же. — Л.119, 139.

² Там же. — Л.167; см. также сопроводительные надписи на плане Нижнеудинска 1859 г.

селитьбы она проектно завершилась не формальной геометрической планировкой, а естественным постепенным упорядочением первородного заселения.

Как показывает исторический опыт, хорошо сработанные генеральные планы обладают инерцией достаточно продолжительного нестарения. И не случайно, что следующий план Нижнеудинска связан с последним десятилетием, когда город заметно вышел за рамки городской черты 1859 года и когда заявили о себе градостроительные вопросы, связанные с Транссибом.

1899 год. 11 мая «губернатором был утвержден проект плана существующего расположения г. Нижнеудинска с показанием предполагаемого урегулирования и распространения его» (автор — техник Иркутского губернского строительного управления В. Врублевский)¹.

Местонахождение плана остается неизвестным. Но, будучи проектно-фиксационным, он не отразил в должной мере перспективы ближайшего развития города и, прежде всего, в районе железной дороги. И уже в 1911 году Нижнеудинская городская управа ставит вопрос о необходимости его пересоставления. По этому поводу думой выработан ряд конкретных предложений. Отдельные из них приведем здесь:

— «Нанести в селитебную часть города Нижнеудинска всю площадь городской земли за линией железной дороги, числящуюся ныне как выгон, но фактически сдаваемую в аренду под застройку жилыми строениями, мерою: по-

¹ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.234.

перечнику 114-160 саж. и по линии железной дороги 2 вер. 220 саж., то есть площадью 70 десятин.

– Площадь эту разбить на кварталы четырехугольной формы, с таким расчетом, чтобы ширина каждого квартала была не менее 30 саж. и длина не свыше 120 саж.

– Квартал №82 и рядом с ним, лежащий между Горемыкинской и Гоголевской улицами, оставить под площадь, не разрешая застройку ее постоянными строениями»¹.

1913 год. Можно с уверенностью предположить, что новый план был исполнен в 1913 году. Сам он не сохранился (?), но, похоже, сразу же с него сняли схему, как приложение к ходатайству о вступлении Нижнеудинского общества взаимного от огня страхования в (одноименный) Российский союз. Из Схемы следует, что в плане отражены почти все предложения думы. А его реализация продолжалась и в послереволюционное время, разумеется, частично, о чем говорит план г. Нижнеудинска 1935 года (ориентация по частям света на плане не вполне соответствует действительности).

Таким образом, возникновение и развитие города Нижнеудинска в принципе отвечает традиционным факторам. Однако налицо откровенно выраженная индивидуальность: удачный с точки зрения локальной обороны выбор места для острога, место почти береговое, перед началом двух прибрежных террас, ставших основой первородной селитбы как города; Подгородная слобода первоначально островная и затем продолженная застройкой Московского тракта и, на-

¹ Там же.

конец, застройка, связанная с Транссибом. В результате — одно целое из последовательных исторических образований (по оси с северо-востока на юго-запад). Это пример, не имеющий прямых аналогов в планировочной типологии русского градостроительства своего времени. Разумеется, надо иметь в виду и то, что город развивался медленно, временами почти затухая, за исключением непродолжительного «золотопромышленного толчка», и только Транссиб окончательно закрепил значение Нижнеудинска, прежде всего, как транспортного и административного центра окружного (уездного) города Иркутской губернии.

Раиса Попова

*Памяти Виктора Николаевича Качанова,
однокурсника, уроженца г. Нижнеудинска*

Из дореволюционной истории города Нижнеудинска¹

Основание поселения. Принято считать датой основания Нижнеудинска 1648-й год – год постройки острога на реке Уде. Ориентируясь на эту дату, город отмечает юбилеи. Однако в исторической литературе и различных справочных изданиях имеются разногласия о времени первого появления здесь русских и возведения ими острога.

Губернский землемер надворный советник А. Лосев в исследовании «Обозрение разных происшествий...» относит строительство Нижнеудинского зимовья, из которого совершали походы енисейские казаки «к кочевавшим народам по реке Уде», к 1640 году². Такой даты постройки первоначального зимовья на месте будущего острога больше ни у кого из исследователей не встречается; и эта дата не вызывает отторжения. Для русских казаков в то время Удинская земля уже не была неизведанной.

¹ Первоначальный вариант статьи выполнен в 2009-2010 годах как историческая записка к «Проекту охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта г. Нижнеудинска».

² Обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника, сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812 году // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 134.

Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» упоминает о старом деревянном кресте, который можно было увидеть в Удинском остроге в 1735 году. На кресте стояла дата 7152 год, то есть 1644 год, и были написаны несколько имен служилых людей. По рассказам нижеудинцев, зафиксированных Г. Ф. Миллером, «этот крест был поставлен красноярскими служилыми людьми, которые впервые объяснили тамошних бурят и построили острог»¹. Опираясь на архивную справку, историк ставит под сомнение факт строительства острога. Очевидно то, что русские казаки в 1644 году здесь были, следовательно, предпринималась попытка «объяснить» удинских бурят, которые оказали сопротивление. Далее Г. Ф. Миллер описывает события 1645 года: «по приказанию красноярского воеводы Петра Данилова сына Протасьева был предпринят поход против бурят на реке Уде, в результате которого буряты были значительно усмирены»².

Логичным выглядит дальнейшее поведение русских. Ответив на войну военным вразумлением, они призывают наладить отношения мирным путем. В 1647 году в Братскую землю был отправлен служилый человек, чтобы призвать братских людей перейти под государеву руку в «вечное холопство» и в «ясачные люди», дабы не навлечь на себя «государева гневу», разоренья и войны³. Кроме того, склоняя братских людей принять присягу на верность русскому царю и платить ясак (кстати, менее обременительный, чем брали монгольские племена), использовался метод взятия заложников.

В ответ на уговоры самый знатный бурятский князец Ойланка (Иланка), которому в 1646 году пришлось отражать вооруженное нападение монголов, прислал в Красноярск своих людей, которые от его имени дали шерть (присягу) на верность и обещали платить ясак. В июле 1647 года сам князец Ойланка с сыном Изенем и пятью улусными людьми приехал в Красноярский острог, где в закладе на-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири в 3-х т. Т. III. М., 2005. С. 101.

² Там же.

³ Там же. С. 319.

ходила его жена, и был приведен Петром Протасьевым «к шерти по той же шертовальной записи, по которой шертовали... Красноярского острогу иноземцы» и объявил «в улусах своих ясашных людей 134 человека», которые будут платить ясак. А также били челом, чтобы «острожек поставить для обереганья им, брацким людям, от иных от немирных землиц и для ...государева ясачного сбору»¹.

Летом же 1647 года был послан в братскую землицу атаман Елисей Тюменцев с пятидесятником Первушкой Драчевым и служилыми людьми, которым «велено острожек поставить со всякими острожными крепостями». Самого князя Ойланку с улусным человеком воевода Протасьев оставил в Красноярском остроге «в закладе» и приказал сыну его Езею, чтобы он сам приехал или прислал брата своего или лучших улусных людей на смену князю «в заклад».

Место под острог было выбрано заранее пятидесятниками Первушкой Драчевым и Совостькой Самсоновым с товарищами на высоком правом берегу р. Уды, окруженном каменными горами и лесом. При выборе места, кроме географических достоинств расположения, учитывалось удобство доставки хлебных припасов. В «доездных памятях», обосновывая выбор места, пятидесятники сообщили, что хлебные запасы из Красноярского острога в будущий острожек можно будет провозить водным путем в малых стругах. Елисей Тюменцев со служилыми людьми был отправлен с годовыми хлебными запасами и, кроме построения острога, получил задание переписать во всех улусах ясашных людей поименно в именные ясашные книги и собрать с них ясак на 1647 год.

Известие об отправке служилых людей на р. Уду описано в грамоте, датированной августом 1647 года: «Отписка в Москву томского воеводы князя Осипа Щербатого с товарищами о принятии прибывшим в Красноярск братским князем Ойланкой (Иланкой) шерти и о построении острога на реке Уде»².

¹ Там же. С. 321-322.

² Там же.

Строительство острога было закончено, вероятно, к Покрову дню (по старому стилю, 1 октября), в честь чего первоначально Нижнеудинский острог носил название Покровского городка. Эту же дату строительства острога называет А. Лосев¹.

В пользу 1647 года говорит другая грамота – «Сказка красоярского сына боярского Степана Коловского о его службе», в которой он рассказывает, что в 1648 году был послан на государеву службу в стругах в Покровский городок с 50 служилыми людьми с заданием укрепить городок, что было им исполнено: «Покровского городка прибавил, и бойницы вывел, и надолбы двойные около городка поставил, и государев яsak собрал весь с прибылью»².

Возможно, разночтение в датах возникло в связи с переводом года из древнерусской системы обозначения на нынешний вид учета времени. С 1492 по 1699 год новый год начинался 1 сентября, поэтому посылка служилых людей на р. Уду произошла в августе 7155 года (1647 года), а строительство острога завершено на Покров день уже 7156 года, а по нынешней системе обозначения это тот же 1647 год³.

Таким образом, опираясь на документы, собранные Г. Ф. Миллером и впервые опубликованные в третьем томе «Истории Сибири» (2005), основанием Нижнеудинского острога следует считать 1647 год. Этой же даты придерживался известный историк С. В. Бахрушин, который в своих исследованиях также опирался на материалы Г. Ф. Миллера, тогда еще не опубликованные⁴.

Названия Покровский городок в исторических документах позднее 1648 года не встречается, «ибо сразу же после этого появилось название «Удинский острог»⁵. Мы не разграничиваем наименования «острожек» и «острог», так

¹ Обзорение разных происшествий... Указ. соч. С. 138-139.

² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 404.

³ Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия: словарь-гlossарий. М.: Искусство, 1995. С. 153.

⁴ Братюшенко Ю. В. К летописи Нижнеудинска: Историко-библиографический и краеведческий обзор. СПб., 2007. С. 118.

⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 103.

как они довольно условны и, как правило, свидетельствуют лишь о размерах крепости.

Подробного описания и размеров Нижнеудинского острога не сохранилось. Существуют лишь отрывочные сведения о его внешнем виде. Приведем их:

«Три избы, связанные между собой частоколом» – это «описание» относится к первому острожку¹, следовательно, речь идет о Покровском городке 1647 года.

1648 – городок был укреплен, о чем говорилось выше, увеличен с выведением бойниц и окружен двойными надолбами².

1652 – в связи с постоянными нападениями киргизов, поселение укреплено более мощными острожными стенами, «обламами»³, «боями»⁴, «катами»⁵, «двойными надолбами» и снабжено пушками⁶. Изот Кузнецов начал строить деревянную Спасскую церковь⁷.

1681 – возводится новый острог, «с двумя избами вместо башен по углам лицевой стороны крепости»⁸. Острог этого времени изображен на чертеже С. Ремезова. Вероятно, рисунок довольно условный, так как изб по углам острога мы не видим. На плане Ремезова почти квадратный в пла-

¹ Беседина О. Н. Историческая застройка Нижнеудинска // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1991. С. 30.

² Надолбы – вертикально врытые бревна, служившие препятствием для прохода конницы неприятеля (Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С. 189).

³ Облам – нависающий выступ сруба в верхней части городской рубленной стены или башни для ведения «подошвенного боя» (Крадин Н.П. Указ. соч.)

⁴ Имеются ввиду бойницы – отверстия в крепостной стене или в стене башни для стрельбы.

⁵ Вероятно, каты – бревна, укладываемые на крепостных стенах (под кровлями) и во времена штурма сбрасываемые на противника (Крадин Н.П.).

⁶ Братющенко Ю. В. Указ. соч. С. 121.

⁷ Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века. М., 2000. С. 336.

⁸ Беседина О. Н. Указ. соч. С. 30.

не острог окружен палисадом¹, внутри которого находятся пять небольших строений и церковь, как можно предположить, Спасская. О том, что этот острог был возведен палисадом упоминает в «Описании Красноярского уезда...» Г. Ф. Миллер².

В конце 1720-х годов, когда старый острог «развалился», заново выстроен новый «четырёхугольной стеной из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев. В стене, противоположной реке, имеются ворота, над которыми сооружена часовня. В остроге находятся несколько амбаров для приема ясака ... и несколько казарм для гарнизона. Вне острога стоят 4 частных дома некоторых жителей, поселившихся здесь впервые примерно 10 лет назад. После нашего проезда здесь была построена церковь Архангела Михаила. Приказчик и гарнизон из 20 казаков содержатся здесь лишь для указанного сбора ясака...»³.

Это описание последнего острога было сделано в феврале 1735 года Г. Ф. Миллером. Вероятно, Спасская церковь, изображенная на плане С. У. Ремезова, к тому времени не существовала. С. П. Крашенинников, посетивший Нижнеудинский острог в 1736 году, к этому набору построек добавил еще двор приказчика и баню⁴.

Остатки последнего острога, как можно предположить, видны на плане Нижнеудинска 1798 года. Это место отмечено Михаило-Архангельской деревянной церковью, изображенной на фоне квадрата со стороной примерно 56 метров. Это и есть, вероятно, размеры последнего острога, построенного в 1720-х годах.

Отметим, Михаило-Архангельская церковь была возведена после 1735 года (по Г. Ф. Миллеру). И. В. Калинина датирует ее 1740-ми годами, что не противоречит предыдущей дате. Также известно, что она находилась в 50 саженьях от

¹ Палисад – забор, тын, ограда из тычин, из жердей тычком, стойком (Даль В.И. Толковый словарь в 4-х томах. – Т. 2. М., 1994. С. 12).

² Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 63.

³ Там же.

⁴ Беседина О.Н. Указ. соч. С. 31.

реки Уды, а в 1796 году сгорела¹. Существовала также вторая Михаило-Архангельская церковь², которая, вероятно, была возведена на том же месте к 1798 году, так как на плане 1798 года на месте острога отмечена церковь, и находится она в 50 саженьях от реки.

Превращение острога в город. Первоначально Удинский острог относился к Красноярскому уезду, и постоянного населения в нем не было. Немногочисленные гарнизоны казаков занимались сбором ясака и ежегодно сменялись. По данным «Переписной книги г. Красноярска и Красноярского уезда 1671 года», в Удинский острожек из разных мест Енисейской провинции отправлялись на год человек по тридцать во главе с приказными людьми³. И так продолжалось до 60-х годов XVIII века, когда солдатские гарнизоны заменили годовальщиков казаков⁴.

За пределами острога первые четыре частных дома были отмечены Г. Ф. Миллером в 1735 году, первые жители поселились здесь примерно 10 лет назад, то есть в 1720-е годы.

Удинский острог появился как укрепленный пункт в пограничной полосе, ведущей военно-административной функцией которого являлся сбор ясака. Добраться до него можно было только водным путем. И до прокладки Московского тракта, то есть до появления сухопутной дороги, гражданского населения здесь практически не было.

Указ о проведении самого длинного тракта в мире был издан Сенатом 16 марта 1733 года в связи с началом работы второй Камчатской экспедиции. Но только с середины 50-х гг. XVIII века правительство стало вплотную заниматься вопросами устройства и заселения Московской столбовой дороги, появились специальные указы, для поселенцев

¹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 336.

² Крючкова Т. А. Храмы по Московскому тракту на территории Иркутской епархии //История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья: Материалы научно-практической конференции 19 апреля 2002 г. Иркутск, 2002. С. 20.

³ Братюшенко Ю. В. Указ. соч. С. 122.

⁴ Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Новосибирск, 1981. С. 154.

были разработаны льготы. В 60-80-е годы XVIII века главная ставка по освоению тракта была сделана на принудительное заселение. В Сибирь начали отправлять большие партии ссыльных. На каждой станции обычно размещалось по 10 семей, а в селах и острогах, как центрах присудов, и у крупных перевозов, повелевалось организовывать особые слободы по 80 семей¹.

1 июня 1769 года смотритель Черняев принял в Нижнеудинске первые восемь семей посельщиков, всего 29 мужчин и 11 душ женского пола. Вероятно, в это время появилась Подгородная слобода, она была основана у перевоза через Уду как принудительное поселение. В 1770, 1771 и 1773 годы еще несколько партий ссыльных были отправлены из Казанской губернии в Сибирь, часть из которых была поселена в Подгородной слободе Нижнеудинска². Место для слободы было выбрано напротив острога, за рекою Удой, наиболее плодородное и пригодное для земледелия³, чтобы новые посельщики обеспечивали себя пропитанием.

В 1783 году учреждено Иркутское наместничество, в составе которого был образован Нижнеудинский уезд. Нижнеудинск назначен уездным городом⁴.

Здесь сделаем отступление по поводу наименования города. С начала основания острог именовался Удинским, так же как и другой Удинский острог, основанный позднее, в 1668 году, у впадения р. Уды в Селенгу на другой стороне Байкала (современный г. Улан-Удэ). До 80-х годов XVIII века в известной нам литературе не встречается наименования Нижнеудинск. Участники Второй Камчатской экспедиции академик И. Г. Гмелин и С. П. Крашенинников (1735), упоминая поселение в дневниковых записях, на-

¹ Там же. С. 114, 138, 160.

² Там же. С. 139.

³ Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 93.

⁴ Энциклопедический словарь /Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXI. С. 46.

зывают его Удинским острогом¹. П. С. Паллас, проехавший по Московскому тракту в 1772 году от Красноярска до Иркутска, называет населенные пункты и почтовые станции, определяя их административное значение, — село, деревня, станция, слобода, острог, зимовье. Удинск он называет без всякого определения. Вероятно, официально только в 1783 году, когда оба города стали уездными городами Иркутского наместничества, каждый получил свое название. И. В. Щеглов со сноской на «Статистические очерки России» Арсеньева, упоминая факт образования Иркутского наместничества, называет его уездные города как Верхний Удинск и Нижний Удинск². Не случайно, при публикациях не только советского, но и дореволюционного времени изображения Верхнеудинска нередко ошибочно подписывали как Нижнеудинск (даже такие изображения, которые можно было различить без серьезной аналитики)³.

Первое описание Нижнеудинска как уездного города относится к 1792 году и свидетельствует, что статус города он получил только по административным соображениям и был местом проживания чиновников, управляющих уездом и городом⁴.

В описании города отмечалось малое число жителей и обывательских домов, количество которых, «исключая Подгородную слободу, только двадцать восемь». Город застроен, «как пространство позволило, неправильным продолговатым четвероугольником в длину не с большим на версту, в ширину на 200 сажень», то есть в длину не больше 1 км., в ши-

¹ Хобта А. В. Начало устройства Московского тракта в Иркутской губернии // Земля Иркутска. 2004. №3 (26). С. 7.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 195.

³ Декабристы и Сибирь: Альбом / Авт.-сост. М. Д. Сергеев, Н. Н. Гончарова, А. Ф. Серебряков. М., 1988. С. 88-89; Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII – нач. XX вв.: Сб. статей / Сост. А. Н. Гарашенко. Иркутск, 2007. С. 22.

⁴ Оглизнева Г. В., Дорощ С. В. Культурная жизнь уездных городов Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Сибирский город XVIII – начала XX веков (межвузовский сборник). Иркутск, 1997. С. 80.

рину 426 метров. На самом деле город занимал еще меньшую территорию: узкую полосу вдоль реки длиной примерно 820 и шириной 170 метров (см. план Нижнеудинска 1798 года). «...да и домов для правительства нет, ибо присутственные места, кроме уездного казначейства и комендантской канцелярии, по неимению в городе способных домов, состоят в подгородной Нижнеудинской слободе напротив города, за рекою Удою состоящей... Строение в городе все деревянное: магазинов винных два, соляных один, питейных домов два, ...церковь одна деревянная, построена назад тому 45 лет»¹. Имеется в виду Архангельская церковь на территории острога, здесь время ее постройки отнесено к 1747 году. Точной даты ее строительства до сих пор не установлено, специалисты датируют ее 1740-ми годами².

Среди жителей города отмечены военнотруженики «из Томского батальона. Торговых людей и художников нет, также и ярмонок не бывает... Фабрик и заводов нет. Нужные вещи для пищи и одежды получают от трудов своих скотоводством и хлебопашеством. Садов нет, а в огородах сажают разные овощи»³.

Описание слободы в документе нет, кроме выше сказанного отмечается еще наличие в ней каменной церкви. Но и приведенные факты свидетельствуют о ее более динамичном развитии.

Нижнеудинск, как уездный город, получает в 1798 году первый Генеральный план, который закладывает перспективное развитие города на правой стороне Уды.

Территория слободы находилась на левом берегу и ограничивалась, с одной стороны, Удой, а с другой, – протокой Сухой (позже Застрянкой), которая становилась настоящей протокой только в период подъема воды. Следовательно, сама слобода во время высокой воды становилась островом, поскольку находилась на более возвышенном месте. Подгородная слобода, возникшая столетие позже, чем острог,

¹ Описание Иркутского наместничества...Указ. соч. С. 93.

² Калинина И. В. Указ. соч. С. 336.

³ Описание Иркутского наместничества...Указ. соч. С. 95.

в то время по площади более чем в два раза превышала собственно город. И эта ситуация, как видится, возникла с самого начала появления слободы, с середины XVIII века. Принудительно она была заселена ссыльными поселенцами в несколько этапов, о чем говорилось выше, и по численности населения сразу же превысила незначительное поселение на правом берегу вокруг острога. Население слободы, кроме хлебопашества, занималось извозом. В зимнее время им занималось почти все свободное население.

Слободская обывательская селитьба на плане шагнула уже за протоку, где в 1780–1785 годы¹ была построена каменная Воскресенская церковь. Церковь была возведена в стороне от жилой застройки в расчете на ее перспективное развитие.

Застройка города в XIX веке. В первой половине XIX века город практически не увеличил свою селитебную территорию, активно заселяется в основном Подгородная слобода. Этот вывод можно сделать, рассматривая планы города 1798, 1810-х и 1859 годов. А в городе, при совершенно незначительном росте обывательской селитьбы, появляются казенные постройки, необходимые городу по его статусу: полиция, земский суд и казначейство, тюрьма, больница, а уездный суд разместился, вероятно, в старом здании комендантской канцелярии около места, где стоял острог.

В 1811 году на новой городской площади был заложен крупный каменный Вознесенский собор. Впервые в Иркутской епархии строили церковь не только на пожертвования граждан, но и на пособие из Духовного Учебного Управления при Синоде. Известны мастера, которые строили храм: Степан Чураков, Степан Шишкин и Степан Кудреватых. Первым в октябре 1815 года был освящен левый теплый придел во имя Архистратига Михаила. В 1817 году храм возведен в ранг соборного. В 1826 освящен правый теплый придел во имя Святого Иннокентия, епископа Иркутского и в 1835 — главный холодный храм во имя Вознесения Господня².

¹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 337.

² Там же.

По данным А. Лосева, в 1811 году в городе было 74 дома, а в Подгородной слободе — 130, все деревянные¹. Другое количество домов в городе (без слободы) указывает в дневнике за 1814 г. инженер-полковник Ф. Риддер: «Строения в нем: одна деревянная церковь, другая, начатая строиться, каменная. Домов деревянных: казенных — 3, обывательских — 45. Жителей 150 душ»². Опираясь на план города 1810-х годов, можно сказать, что данные Риддера более точны.

В 1817 году в городе открыто уездное училище³. Впервые оно отмечено на плане города 1859 года на новой городской площади у Вознесенского собора и, судя по чертежу, выполненному в 1839 году троицкосавским землемером Е. Кожевиным⁴, было выдержано в упрощенных формах русского провинциального классицизма. Не найдено сведений, что училище открылось здесь, на новой центральной городской площади, сразу же в 1817 году в специально построенном здании. Этот факт не вызывает сомнений, так как учредили его в рамках выполнения программы Министерства народного просвещения об открытии учебных заведений в уездных городах империи. Да и вряд ли в то время можно было найти в Нижнеудинске подходящий для училища дом.

Вышеизложенное позволяет датировать план начала XIX века, выполненный Я. Кругликовым, до 1817 года. А наличие на плане Вознесенского собора, заложенного в 1811 году, позволяет сузить временные рамки плана до 1810-х годов.

В 1822 году Нижнеудинск переименован в окружной город Иркутской губернии. «Город Нижнеудинск... состоит из нескольких домов, но если бы не Подгородная слобода, раскинутая на левом берегу реки, то едва ли бы заслуживал названия города. Однако в нем все присутственные ме-

¹ Беседина О. Н. Указ. соч. С. 32.

² Малышева М. П. Дневник экспедиции 1814 г. инженер-полковника Ф. Риддера как памятник историко-культурного обследования Сибири // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1991. С. 139.

³ Щеглов И. В. Указ. соч. С. 241.

⁴ Беседина О. Н. Указ. соч. С. 35.

ста и даже окружной начальник с окружным управлением. 500-верстное расстояние от губернского города было основанием учреждения Окружного управления»¹.

Приведем некоторые высказывания о Нижнеудинске того времени с цифрами, дающими общую картину его состояния. При этом все путешественники и исследователи подчеркивают отсутствие промышленности и «крайне незначительную» торговлю.

А. Мартос, 1823 год: «... В нем, считая и слободу, лежащую против города, 2 церкви, 54 дома и 300 жителей»². Другие цифры дают статистические материалы. Согласно «Статистическому обозрению Сибири...» Ю. А. Гагемейстера, городское население (не считая слободы) на тот год составляло 412 человек. Следовательно, цифры данные А. Мартосом, неточны, тем более, что вместе со слободой количество домов и населения было значительно больше.

В 1825 году в Нижнеудинске жителей – 432 человека, купцов нет, домов каменных нет, деревянных – 64, одна церковь, одно училище, 1 богадельня, 1 питейный дом. В 1835 г. – 80 домов, 11 лавок, 801 житель; в 1851 г. – 91 дом, 10 лавок, 2089 жителей. Эти данные из «Хронологического перечня ...» И. В. Щеглова³, при этом он отмечает «ненормальное увеличение» населения с 1835 по 1851 год. Увеличение объясняется началом разработки золотых приисков на р. Бирюсе в 1836 году, дорога на которые шла через Нижнеудинск, и присоединением к городу в 1851 году Подгородной слободы. Но количество домов и лавок за 1851 год указано без учета слободы.

В 1836 году была найдена первая богатая россыпь золота на реке Хорме Бирюсинского бассейна. За восемь лет (1838–1845), самых лучших для Бирюсинской системы, было добыто чуть больше 645 пудов, что составило 1/10 часть добытого за эти годы всего золота в России. В то вре-

¹ Братюшенко Ю. В. Указ. соч. С. 70.

² Там же. С. 68.

³ Щеглов И. В. Указ. соч. С. 281, 337-338.

мя в пределах Иркутской губернии это было самое богатое месторождение¹.

Соседство Бирюсинских приисков привело к более активному развитию нижеудинской торговли и промысловой деятельности. «Источниками промышленности были: доставка на промыслы разных тяжестей, служба и работа на них, содержание квартир в городе, которые вздорожали от значительного скопления людей, приезжавших сюда по делам золотопромышленности, торговые обороты»². Все это привело к увеличению населения, изменению его социального состава и росту обывательской селитьбы. Но эти процессы проявились, в основном, в слободе и, как мы видим, не нашли отражения в статистических отчетах, которые составлялись, в основном, по городу.

Вопрос о присоединении к городу Подгородной селитьбы был поднят губернской администрацией в 1839 году. Поскольку население Нижнеудинска было незначительным, оно не могло содержать городского самоуправления. Денег не хватало даже на содержание полиции и пожарной команды. Основная торговля, а значит и деньги, были сосредоточены в слободе, особенно в период развития золотопромышленности на Бирюсинских приисках. Купечество, проживающее в слободе, производило торговлю на 200 тыс. рублей в год. Город явно проигрывал слободе в экономическом развитии. В связи с этим был поднят вопрос об их объединении и о переводе государственных крестьян слободы в мещанское общество. Высочайшее повеление о присоединении к городу Нижнеудинску Подгородной слободы было подписано в феврале 1851 года³. Город стал самым крупным среди городов Иркутской губернии после Иркутска.

В середине XIX века согласно распоряжения министра внутренних дел составлялись планы городов Восточной Сибири, не имеющих высочайше утвержденных планов.

¹ Братющенко Ю. В. Указ. соч. С. 115.

² Там же. С. 204.

³ Шахеров В. П. Отчет о работе по инвентаризации памятников истории и культуры г. Нижнеудинска. Иркутск, 1992. С. 7-8 // Архив ЦСН. №236.

Среди прочих был подготовлен проектный план Нижнеудинска. После присоединения слободы, план был переделан и представлен к утверждению в ноябре 1856 года. В связи со сделанными замечаниями министра внутренних дел, проектный план на урегулирование г. Нижнеудинска вновь вернули на доработку «с тем, чтобы ближе примениться к существующему расположению улиц, и оставить по берегам реки набережные узаконенной ширины»¹.

30 июля 1859 года план был высочайше утвержден. На нем представлена вся существующая застройка города вместе со слободой и намечено его перспективное развитие в основном на правом берегу. В слободе предполагаемые кварталы показаны только на берегу у перевоза через Уду.

Несмотря на то, что два предыдущих плана (1798 и 1810-х) все время пытались увеличить селитебную территорию города, на правой, острожной стороне Уды, активно прирастала лишь слобода. Этому способствовали хлебопашенные и сенокосные луга, которые находились на левом, более низком, берегу реки. Заметное увеличение обывательских дворов слободы хорошо видно на плане города 1859 года.

Внешний вид городских построек, отмеченных на плане Нижнеудинска 1859 года, мы можем увидеть на рисунке А. Н. Пономарева 1845 года (в тексте даны фрагменты этого изображения). Рисунок этот атрибутирован и введен в на-

¹ ГАИО, ф.31, оп.3, д.396, л.139.

учный оборот иркутским историком Е. А. Добрыниной¹. На нем действительно изображен город Нижнеудинск со стороны Подгородной слободы, дома которой видны на первом плане рисунка. На правом берегу Уды хорошо просматривается Набережная улица с обывательскими одно- и двухэтажными домами, Вознесенский собор, расположенный на новой городской площади за обывательскими кварталами, рядом с ним слева — земский суд с казначейством или, возможно, уже каменное здание казначейства, возведенное до 1859 года. На берегу выделяется, вероятно, пожарное здание со смотровой площадкой (см. фрагмент рисунка).

В левой части рисунка на горе хорошо видны казенные постройки, они выделяются красными крышами и размерами (большинство из них двухэтажные). Ориентируясь на план 1859 года, мы можем сказать, что это, вероятно, полиция, соляные, провиантские магазины и тюрьма с больницей (см. фрагмент). Но среди них нет здания уездного училища, как предполагает Е. А. Добрынина.

Уездное училище, построенное в стиле классицизма, находилось на городской площади рядом с храмом. На рисунке оно закрывается зданием земского суда с казначейством. Трудно сказать, учитывая некоторую условность рисунка, как использовалось здание под самой яркой крышей, построенное в стиле классицизма. Вполне вероятно, что это

¹ Живописные путешествия по Иркутской губернии XVIII – XIX веков (Опыт историко-искусствоведческого исследования) /Автор-сост. Е. А. Добрынина. Иркутск, 2007. С. 18-122.

тюрьма. И ничего удивительного в этом нет. В Иркутске в 1802 году в таком же стиле был возведен тюремный замок по проекту архитектора А. И. Лосева, который называли самым красивым зданием. Отметим интересную особенность: тюрьма, больница, провиантские склады находились на площади, которая долгое время оставалась окраиной города — почти до конца XIX века.

В левой части рисунка на самом берегу находится одиноко стоящий питейный дом и перпендикулярно к реке — шестилавочный гостиный двор (см. фрагмент), построенный в 1830 году¹.

На план 1859 года и рисунок А. Н. Пономарева 1845 года хорошо накладывается характеристика города, сделанная в конце 1850-х — начале 1860-х годов: «Город протянулся в длину на $\frac{3}{4}$ версты, имел одну Набережную улицу, две небольших других улочки и одну незначительную площадь. В нем было: 118 частных домов, 4 казенных здания (одно каменное и три деревянных; винный и пороховой подвалы; провиантские, соляные и запасной хлебный магазины; гостиный двор и небольшая каменная церковь»².

Кроме изображения с общим видом города, А. Н. Пономарев, который был сыном нижеудинского купца 2-й гильдии и золотопромышленника Н. А. Пономарева и, ве-

¹ Шахеров В. П. Указ. соч. С. 5-6.

² Беседина О. Н. Указ. соч. С. 36.

роятно, вырос в Нижнеудинске, оставил еще две интересные для нас акварели, датированные 1845 годом¹.

Акварель под названием «Гора, называемая Камень, против которой находится перевоз в г. Нижнеудинск чрез реку Уду» подтверждает место перевоза через Уду в середине XIX века, отмеченное планом города 1859 года. На горе, которая впоследствии получила название Вознесенской, стоит часовня (см. илл). Это одна из самых высоких точек правобережной части Нижнеудинска, откуда в конце XIX – начале XX века делали панорамные фотографии города, реки и слободы. Также здесь в начале XX века добывали строительный камень, который использовался в том числе и при строительстве мостов через р. Уду².

Еще одна акварель с надписью «Разрушившаяся церковь на кладбище в г. Нижнеудинске». Вероятнее всего, на рисунке изображено кладбище, которое находилось в правобережной части города, так как вокруг церкви не ровная местность, а сопки, покрытые лесом. Нам известно, что в 1796 году сгорел Архангельский храм, стоявший на территории разрушенного от времени острога. И вместо него в

¹ Живописные путешествия по Иркутской губернии. С. 116.

² ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.141.

двух верстах от города был освящен храм во имя Всех Святых, переделанный из часовни¹.

Изображенная на рисунке маленькая церковь похожа на часовню. Можно предположить, что это и есть храм во имя Всех Святых. Вновь освященная церковь располагалась в двух верстах от города. Значит, городское кладбище находилось гораздо ближе, чем оно сейчас есть. Если существующая часовня была переделана под церковь в 1796 году, то к 1845 году, то есть почти через 50 лет, она вполне могла так выглядеть.

Во второй половине XIX века город тихо и спокойно жил своей провинциальной уездной жизнью, постепенно увеличиваясь, приобщаясь к образованию и культуре.

Обратимся к описанию города Нижнеудинска 1860 года, данного современником, корреспонденция которого была помещена в газете «Амур»: «Нижнеудинск. В настоящее время купцов 3-й гильдии местных 6 и иногородних 3, мещан старожилов мужского пола 168 и женского пола 167, в подгородно-удинской слободе 798 и 645 душ. ...Торговля и промышленность этого города никогда не были довольно в хорошем состоянии. ...С упадком в 1854 году золотопромышленности на Бирюсе от выработки россыпей и от других причин Нижнеудинск потерял свое значение для промыслов. ...Протекающая через город река Уда в про-

¹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 336-337.

мышленном и торговом отношении не имеет для города никакого значения. ...Ремеслами здешние мещане никакими не занимаются; эти занятия остаются за поселенцами, и сколько можно заметить, мещане считают для себя как бы неприличным занятие ремеслом. ...В Нижнеудинске назначена ярмарка с 15-го ноября по 15 декабря, но на оную никто ни с чем не приезжает»¹.

Вероятно, в этой корреспонденции из всего населения, уже довольно разнообразного по социальному составу, названы только купцы (без членов семей) и мещане. Для сравнения приведем статистические данные по Нижнеудинску через пять лет, в которых отражена развернутая социальная структура и национальный состав населения. «В 1865 году жителей (с Подгородной слободой) 3003 (1589 муж. пола), в том числе дворян и чинов 55, духовников 40, купцов 39, мещан 1968, ссыльных 216, остальные принадлежали к военным и сельским сословиям. Неправославных: католиков 70, евреев 53, магометан 72, шаманствующих 21. Домов жилых 544 (1 кам.), лавок 47, магазинов для склада 8, церквей 3 (две каменных), часовен 6, еврейских школ 1, больница.

Городские земли 2708 десятин. Городские доходы в 1863 году 1775 руб. Заводов нет. Торговля незначительна. На 1865 год выдано торговых свидетельств 172, развозных 11, мещан промышленников 8, купеческих приказчиков 89. Жители занимаются скотоводством, хлебопашеством и разведением овощей»².

Дополним информацию из других источников. Довольно велика была доля военных и сельских сословий, к которым относилось 685 человек, сюда же, вероятно, входили и разночинцы. По сравнению с другими окружными городами губернии, население Нижнеудинска было наиболее разнородным³.

¹ Братюшенко Ю. В. Указ. соч. С. 204.

² Там же. С. 87.

³ Оглизнева Г. В., Дорош С. В. Указ. соч. С. 81.

Кроме двух каменных церквей упоминается деревянная – это тюремная церковь Св. Евфимия Сардийского, которая была построена к 1865 году (в 1892 году сгорела)¹.

Город постепенно прирастал обывательской селитьбой, а казенные постройки ремонтировались, перестраивались и заново строились за счет государства. Приведем архивные данные утверждения проектов на строительство казенных зданий в Нижнеудинске. Проекты рассматривались и утверждались в Совете Главного Управления Восточной Сибири. В архивном деле дана лишь скудная информация, без приложения самих проектов и смет.

В ноябре 1862 года были утверждены чертежи и сметы на пристройку к зданию Нижнеудинского окружного казначейства. Производством работ по пристройке в 1864 году занимался архитектор Э. Я. Гофман². Материал пристроя в документах не указан. Нам известно: каменное здание казначейства было построено на новой главной площади, получившей позднее название Вознесенской, до 1859 года (отмечено на плане города за 1859 год и сохранилось до настоящего дня). Вероятно, речь идет о пристройке к этому зданию.

В июне 1864 года обсуждался вопрос о переделке чертежа и смет на постройку каменного порохового погреба в Нижнеудинске. Новый проект было поручено сделать архитектору Гофману³. Существующий в городе пороховой погреб отмечен только на плане города 1810-х гг. на площади рядом с тюрьмой и провиантскими магазинами. К середине XIX века он был, вероятно, разобран. Реализацию проекта нового каменного порохового погреба проследить не удалось. Известно, что в смете расходов города на 1914 год было заложено 285 рублей на сооружение порохового погреба⁴. Находился он уже за городом.

В августе 1862 года архитектором Судовским был составлен проект на постройку новых зданий при Нижнеудинском

¹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 338.

² ГАИО, ф.31, оп.3, д.88, т.3, л.24, 26, 28.

³ ГАИО, ф.31, оп.3, д.88, т.3, л.69, 75.

⁴ ГАИО, ф.25, оп.9, д.3252, л.38об.-39.

тюремном замке. В ноябре он представил отчетность по исправлению тюремного замка. Эти работы были освидетельствованы архитектором Гофманом в январе 1863 года¹.

Заметим, что позднее в 1889 году вновь был поднят вопрос о расширении тюремного замка. Речь шла о строительстве деревянного двухэтажного корпуса для пересыльных арестантов размерами 12 x 12 сажен. При этом отмечалось, что «в архитектурном отношении ...тюрьма не может послужить к обезображению церковной площади, так как по наружному виду она весьма мало отличается от соседних с тюрьмою обывательских домов»².

Двухэтажный корпус был построен в 1890-1891 годах. Подрядчиком по постройке выступил иркутский купец 1-й гильдии И. М. Файнберг, который выиграл торги. По данным Н. И. Протасовой, здание пересыльной тюрьмы было разобрано в 1920-е годы³.

В 1902 году старые здания тюремного замка и больницы при нем были признаны непригодными для дальнейшей эксплуатации. По распоряжению Иркутского губернатора составленные проекты и сметы на постройку нового тюремного здания и больницы были направлены в Тюремное отделение Иркутского губернского управления в ноябре 1904 года. В комплексе тюремных зданий кроме больницы предполагалась и часовня⁴. Судьба этих проектов неизвестна, возможно, они были реализованы частично. Можно предположить, что сохранившееся до наших дней здание тюремной больницы (пер. Сосновый, 1) было построено по проекту 1904 года, а основной корпус тюрьмы так и не был возведен. Известно лишь, что в 1920 году Волревком составлял опись церковного имущества Нижнеудинской тюрьмы⁵.

В 1860-е годы также планировалось расширить комплекс Нижнеудинской гражданской больницы (она находилась

¹ ГАИО, ф.31, оп.3, д.88, т.3, л.117, 119, 122.

² ГАИО, ф.32, оп.11, д.43, л.6, 10, 16, 26-27, 50.

³ Протасова Н. И. Где был острог? //Путь Ильича. 1987. 26 мая.

⁴ ГАИО, ф.32, оп.11, д.61, л.2, 7, 15, 16, 33-35.

⁵ ГАИО, ф.р-467, оп.1 ОЦ, д.38, л.16.

рядом с тюрьмой). Проекты на строительство трех флигелей (для помещения конторы и квартир; для помещения бани, прачешной, сушильни; для помещения женских палат и аптеки) были составлены, сметы утверждены в феврале 1859 года. Торги на отдачу в подряд этого строительства состоялись 15 июля 1861 года. О реализации этого проекта также неизвестно.

В советское время также планировалось расширить здание больницы. В марте 1930 года в Нижнеудинск была отправлена смета на сумму 19050 рублей 93 копейки и два чертежа на достройку больницы. Дальнейшая история этого проекта неизвестна, возможно, речь идет о больничном комплексе, где сейчас располагается больница, по ул. Нагорной, 3¹.

В 1867 году в слободе было открыто Михайловское приходское училище. Дом под училище был пожертвован купцом 2-й гильдии Михаилом Мясниковым, в его честь училище получило название. Этот дом в 1915 году сгорел².

В 1870 году в городе была открыта женская прогимназия³. Первоначально она располагалась, вероятно, в приспособленном доме, так как первый проект специального здания был разработан и утвержден в 1895 году. Здание предполагалось деревянным и одноэтажным, только небольшая часть, примыкающая к главному фасаду, планировалась двухэтажной, в этой части на 2-м этаже должна была разместиться квартира начальницы. В 1897 году проект был пересоставлен, здание было увеличено по площади до полных 2-х этажей. В июне 1897 года проект со сметой был отправлен нижеудинскому исправнику как члену комитета по постройке гимназии⁴. Здание гимназии было построено на городской площади, рядом с тюрьмой и больницей,

¹ ГАИО, ф.31, оп.3, д.89, л.34, 36, 42-43; ф.р-616, оп.1, д.62, л.43.

² Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897-98 год. Иркутск, 1897. С. 127; Оглизнева Г. В., Дорощ С. В. Указ. соч. С. 82; ГАИО, ф. 32, оп. 2, д. 2543, л. 119.

³ Щеглов И. В. Указ. соч. С. 388.

⁴ ГАИО, ф.31, оп.3, д.250, л.42.

недалеко от Вознесенского собора по Базарному переулку (пер. Колхозный). В 1912 году прогимназия преобразована в гимназию с полным сроком обучения. До настоящего времени здание женской гимназии не сохранилось, сгорело в 1990-е годы.

Обратимся к описанию города за 1875 год В. И. Кржижановского¹, который так же, как и все путешественники и исследователи, отмечает следующие характерные черты города:

- две части, из которых состоит Нижнеудинск: собственно город с правительственными учреждениями на правой стороне реки и слобода, большая по числу жителей и строений – на левом берегу;
- преимущественно земледельческий характер поселения («скорее поселяне нежели горожане»);
- незначительность торговли, в основном внутренняя и меновая с карагасами (тофами);
- отсутствие заводов, кроме водочных;
- малое число ремесленных заведений – 39.
- население – 3765 человек.

Нижнеудинск в конце XIX – начале XX века. Проведение железной дороги стало новым этапом в развитии Нижнеудинска. В сентябре 1897 года в город пришел первый поезд. К этому времени были возведены вокзал, комплекс станционных построек и первые жилые дома в поселке железнодорожников.

Развитие города, рост его селитьбы уже давно не соответствовали существовавшему городскому плану, высочайше утвержденному 30 июля 1859 года. Требовался новый план, в котором, кроме регулирования, «необходимо было расширить селитебную часть города в сторону железной дороги, потому что здесь появился усиленный спрос на земли, благодаря приливу большого контингента железнодорож-

¹ Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. С. 118-127.

ных служащих, желавших поскорее и лучше устроиться на новом месте своей службы»¹.

Составить проект городская дума поручила технику В. С. Врублевскому в августе 1898 года, в январе 1899 года проект был выполнен. 11 мая 1899 года губернатор утвердил план существующего расположения г. Нижнеудинска с показанием предполагаемого урегулирования и распространения его (данный план нам пока неизвестен).

На заседании городской думы в ноябре 1911 года констатировалось: «...прирост населения быстро прогрессирует; пустопорожние земли города начинают заселяться. С течением времени застраиваются все ближайшие к железной дороге кварталы и волна заселения в погоне за близостью к железнодорожному вокзалу перебрасывается на другую сторону города за линию дороги, где на мещанской земле образовывается небольшой поселок, который затем, все увеличиваясь, переходит на городскую землю. В настоящее время здесь арендуется у города 80 усадеб и на земле Подгородно-Нижнеудинских мещан расположено свыше 20 домов. Жители этой слободки по преимуществу люди, близко связанные с железной дорогой, либо служащие, мастеровые, или подрядчики, но встречаются люди, специально занимающиеся торговлей, промыслами и хлебопашеством»². Речь в документе идет о Зауватской слободе и об улицах Уватских – ныне Рабочие.

До прокладки железной дороги в слободе на левом берегу, не учитывая острова, главной улицей была Московская, возникшая вдоль Московского тракта и протянувшаяся, как и все застройки, вдоль реки. С появлением железнодорожной станции возрастает роль улицы Вокзальной, как магистрали, связывающей город с железной дорогой. К 1913 году городская застройка от первородной слободы протянулась полосой к железной дороге. Кроме того, на левом берегу формируется торговый центр с новой Базарной площадью, ограниченной улицами Гоголевской (Гоголя),

¹ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.234.

² Там же.

Горемыкинской (Краснопартизанской), Вокзальной (Ленина) и Некрасовской (Некрасова).

Приведем цифры, характеризующие рост городского населения после строительства железнодорожной магистрали. На 1 января 1896 года в городе, по одним данным, было 4963 человека, а по другим, 6016 человек¹, а материалы переписи дают цифру — 5700 человек на 1897 год. Такой же разброс в цифрах по численности населения — в начале XX века. К 1 января 1914 года в Нижнеудинске было 8549 человек². По другим данным, 9280 человек жителей значилось в Нижнеудинске уже в 1908 году³, а к 1914 году эта цифра доходила до 13 тысяч душ⁴. К концу 1911 года в городе, прилегающей слободе и станционном поселке насчитывалось до 15 000 жителей⁵, при этом подчеркивалось, что примерно половину этого числа составляет пришлый подвижный элемент. А данные переписи на 1917 год дают цифру 8900 жителей⁶. Конечно, более точными являются материалы переписи, которые учитывали только постоянно живущее население города. Однако они не учитывали специфику Нижнеудинска, где в то время действительно было много пришлого элемента, в том числе и работающего на железной дороге, но пока еще не устроенного. Материалы переписи, вероятно, не включали населения пристанционного поселка, который не входил в городскую черту, о чем говорилось выше. Уже в 1900 году в депо и на станции работало около 1300 человек⁷. Несомненно одно, что эти цифры показывают значительный рост населения города в связи со строительством железной дороги и появлением нового социального слоя — станционных и деповских рабочих.

¹ Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897-98 год. Иркутск, 1897. С. 117; Энциклопедический словарь /Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXI. С. 46.

² ГАИО, ф.32, оп.13, д.34, л.6.

³ ГАИО, ф.25, оп.9, д.2157, л.5.

⁴ ГАИО, ф.32, оп.13, д.34, л.5.

⁵ ГАИО, ф.25, оп.9, д.2749, л.1.

⁶ Братющенко Ю. В. Указ. соч. С. 137.

⁷ Шахеров В. П. Указ. соч. С. 8.

Приведем описание Нижнеудинска, составленное в 1914 году: «Город расположен по обе стороны реки Уды, которая и подразделяет его на две части, первую, собственно город, и вторую, так называемую слободу. Через город проходит старый Московский тракт. Первая часть (город), находящаяся на правом, высоком берегу Уды в трех верстах в стороне от железнодорожной станции Нижнеудинск, представляет из себя административный пункт, где находятся почти все правительственные и казенные учреждения города, как-то: уездное полицейское управление, уездное по воинской повинности присутствие, съезд крестьянских начальников, уездная тюрьма, уездное казначейство, управление уездного воинского начальника, камеры двух мировых судей, почтово-телеграфная контора, казачье общественное управление, канцелярии лесного ревизора и лесничего, нотариуса, гражданская больница, выстроенный в последних годах военный городок для артиллерийского дивизиона и, наконец, канцелярия полицейского надзирателя 1-го участка города Нижнеудинска. Население города, состоящее из местных мещанского и казачьего обществ и в незначительной степени разночинцев и чиновников, исчисляется до 2000 душ, из коих несколько человек евреев. Число дворов 198, улиц 11. Торговля в городе незначительна. Годичный оборот существующих в нем 2-3 магазинов (лавок) выражается в сумме 175 000 рублей. Два раза в неделю бывают базары. Промышленности в городе, если не считать кирпичного производства с годовым оборотом, выразившимся в 1913 году в сумме 33 000 рублей, не существует. Кредитные нужды населения обслуживаются двумя государственными сберегательными кассами и Нижнеудинским кредитным товариществом. Штат писарей и конвойная команда при местном управлении воинского начальника размещены в отведенных городом зданиях. В городе имеются: церковно-собор, учебные заведения: реальное училище, женская гимназия и высшее начальное городское училище, городская пожарная команда, незначительная телефонная сеть, закрытое с объявлением военных действий трактирное за-

ведение, три пивных лавки, одна казенная винная лавка. ... Под надзором полиции состояло к 1 января 1914 г. 9 человек. Проживало ссыльнопоселенцев 40. Входящих и исходящих бумаг в среднем в год 10600.

Вторая часть города — слобода, начавшая расширяться с проведением железной дороги, тогда как на первой части города это не отразилось, насчитывает жителей до 11 000, в большинстве разночинцев. Евреев в этом числе до 2 %. Дворов 932. Эта часть города, расположенная на левом, низком берегу Уды, подвергшемся в 1912 году наводнению, соприкасается с железнодорожной станцией Нижнеудинск (от города Иркутска 475 вер.) и представляет из себя значительный торговый центр, обслуживающий не только город, но и значительную часть уезда и имеющий магазины крупных фирм. Слобода ранее сообщалась с городом по мосту, снесенному наводнением в 1912 году, а ныне карбазной переправой. Из города вывозится грузов до 300 000 пудов, большей частью пушнина, кедровый орех и сельские продукты. Ввозится товаров до 800 000 пудов. Годовой оборот местных магазинов и лавок выражается в сумме до 3 320 000 рублей. Еженедельно бывает два базара, на которые съезжаются крестьяне окрестных волостей. Имеется пивоваренный завод, годовой оборот которого за 1913 год выразился в сумме 29 494 руб. Кредитные нужды населения обслуживаются теми же, что и в первой части города, учреждениями. В этой части города имеются: церковь, четыре начальных школы, канцелярия полицейского надзирателя 2-го участка гор. Нижнеудинска, типография, две аптеки и один аптекарский магазин, общественное собрание, кинематограф, две квартиры с мебелированными комнатами, три трактирных заведения и 16 пивных лавок, ныне по случаю войны закрытые, городской сад и еврейский молитвенный дом. Кроме того, здесь...»¹. На этом документ обрывается.

В это описание не включены железнодорожная станция и поселки при ней. Возможно, что их описание содержалось в несохранившейся части документа. Эта краткая ха-

¹ ГАИО, ф.32, оп.13, д.34, л.5-5 об.

рактика дает точное и довольно полное представление о предреволюционном Нижнеудинске. Добавим к этому следующие факты и некоторые пояснения.

Упомянутый в описании 2-й части городской сад находился в квартале между улицами Гоголевской (Гоголя) и Горемыкинской (Краснопартизанской). Ныне этот квартал ограничен также ул. Горького и пер. Уватским, и большую часть его занимает стадион.

С 1900 года в Нижнеудинске начинает действовать пивоваренный завод С. В. Гольяна, выпускающий пильзенское пиво. Завод был открыт на основе пивоварни, появившейся в слободе на левом берегу Уды в 1891 году. За высокое качество в 1908 году фирма была награждена на выставке в Ростове-на-Дону золотой медалью¹. В 1913 году имущество Гольяна, по городской оценке, составляло 14 000 рублей. В 1914 году, расширяя производство, он построил новый корпус квасного завода и фруктово-минеральных вод. Оценка его имущества достигла 20 тысяч рублей². В 1950-е гг. производственные здания нач. XX века были перестроены. Сохранился дом, который, вероятно, являлся жилым домом самого заводчика, совмещенным с конторой, где сейчас располагается контора пивзавода.

О строительстве военного городка. После поражения в Русско-японской войне военная инфраструктура на востоке страны стала развиваться быстрее, чем в других регионах. В 1906 году Сибирский военный округ разделился на Сибирский (затем Омский) и Иркутский, чтобы иметь на границе с Китаем «ввиду выяснившейся во время войны необходимости ...достаточно полное и властное управление»³. В Иркутский военный округ вошли Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области. Часть выве-

¹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год. Томск, 1910. Отд. V. С. 66.

² ГАИО, ф.32, оп.2, д.2543, л.134.

³ Новиков П. А. Казарменный фонд Иркутского военного округа: государственные затраты в 1906-1914 гг. //Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. С. 142-146.

денных из Маньчжурии соединений разместили в Иркутском округе. В связи с тем, что раньше здесь дислоцировалось значительно меньше войск, обострилась проблема их расквартирования, и остро встал вопрос о дополнительном возведении военных казарм. Вероятно, строительство военного городка в Нижнеудинске в 1912 году было результатом постепенного выполнения программы размещения войск Иркутского округа в специализированных помещениях. В Нижнеудинске с 1908 г. был дислоцирован 3-й Восточно-Сибирский (с 1910 года Сибирский) мортирный дивизион.

На окраине 1-й части города был возведен комплекс построек, состоящий из полного набора необходимых для функционирования военного подразделения зданий: казармы, офицерское собрание, склады, лазарет, баня, хозяйственные постройки, домовая церковь и часовня. Подрядчиком строительства выступил торговец Тлатов, строительные работы выполнялись под руководством почетного мещанина города И. И. Феоктистова. В его честь была названа улица, ведущая к военному городку, позднее переименована в Солдатскую, сейчас – Красноармейская. Кирпич поставлялся из кирпичных сараев И. П. Лопатина и П. Г. Мокрогузова¹.

В связи с секретностью информации о дислокации военных сил, история строительства этого комплекса до сего времени остается неизученной и ждет своего исследователя. На территории Иркутской области (не считая Иркутска) это единственный военный комплекс, построенный до революции и сохранившийся почти без изменений до нашего времени.

Отдельно нужно сказать о развитии народного образования в городе. В 1895 году на народное образование было истрчено 3 210 рублей², что составило почти 19% всех городских расходов за этот год, а в 1914 году на содержание только городских школ было отпущено 19 864 рубля³, из этой суммы основной расход шел на реальное училище, открытое в

¹ Протасова Н. И. Очерки о Нижнеудинске. С. 146.

² Энциклопедический словарь Указ. соч. С. 46.

³ ГАИО, ф.25, оп.9, д.3252, л.33об.-34.

Нижнеудинске в 1907 году¹. Реальное училище было открыто по ходатайству городской думы «благодаря инициативе, средствам и трудам» крупного жертвователя, гласного думы Алексея Алексеевича Федорова, который в 1915 году был утвержден в должности Почетного Попечителя училища². До принятия содержания училища на счет казны оно содержалось на средства города. Учащихся в первый год открытия было 136 человек³, в 1913 году обучалось 235 мальчиков с годовой платой за обучение от 40 до 80 рублей⁴.

Решением городской думы в 1909 году было принято постановление о ежегодном в течение десяти лет пособии от казны в размере 1000 рублей на постройку зданий училища и о безвозмездном отводе для него участка земли на углу Вокзальной и Гоголевской улиц. В 1911 году под временное помещение училища был отдан принадлежащий городу дом по Нагорной улице и выделено 3000 рублей на его ремонт и приспособление⁵.

Активно в городе обсуждался вопрос о месте строительства специального здания училища. Директор его, Б. Г. Кубалов (в будущем известный историк-декабристовед) настаивал на строительстве здания в 1-й части города, выражая позицию учебно-окружного начальства построить училище на высокой, сухой, а, следовательно, здоровой местности⁶.

Было ли возведено новое здание училища, сказать трудно, так как в 1920 году оно значилось по старому адресу: ул. Нагорная⁷. Внешний вид его, сохранившийся на дореволюционной фотографии, напоминает жилой дом. Однако существует запись за 1917 год в «Книге смет» Н. А. Зверева: «достроено реальное училище»⁸. Вероятно, речь здесь идет

¹ Протасова Н. И. Очерки о Нижнеудинске. С. 152.

² ГАИО, ф.32, оп.2, д.2325, л.1, 14.

³ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.44.

⁴ ГАИО, ф.25, оп.9, д.3252, л.4.

⁵ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.46об.

⁶ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2543, л.318.

⁷ ГАИО, ф.р-467, оп.1, д.43 (ОЦ), л.2-3.

⁸ Кривдов А. Рукопись, найденная на чердаке // Путь Ильича. 1991. 6 ноября.

о пристрое к старому приспособленному зданию. До настоящего времени здание реального училища не сохранилось.

В начале XX века в Нижнеудинске, как и в других городах России, перед городским самоуправлением была поставлена задача охвата школьной сетью всего населения. При рассмотрении этого вопроса городская управа констатировала, что ежегодно за стенами школы остается 200 детей¹.

С 1908 года во всех городских начальных училищах было установлено бесплатное обучение². На заседании 1 августа 1911 года городская дума приняла постановление об открытии с наступающего учебного года на средства города еще одного бесплатного начального училища для детей обоего пола, предоставив городской дом по Вокзальной улице и ассигновав средства на содержание, приспособление и ремонт здания³.

Кроме того, ставилась задача открытия в городе низшей ремесленной школы, торговой школы, учительской семинарии, женского высшего начального училища⁴.

В 1920 году в городе имелось два средних учебных заведения: женская гимназия и реальное училище, две высших начальных школы и восемь начальных училищ⁵. И почти все они были открыты до революции. Под высшими начальными школами подразумевались городское училище на Вознесенской площади и Высшее начальное училище на Вокзальной улице. В I-й части города к 1920 году существовали Алексеевское училище на Вознесенской улице (Карла Маркса) и училище на Триумфальной улице (Просвещения), остальные начальные училища находились во II-й части города, в слободе⁶.

О работе городского самоуправления. Первые выборы в Городскую Думу были проведены в Нижнеудинске в 1875 году на основании городского положения 1870 года. В вы-

¹ ГАИО, ф.25, оп.9, д.3252, л.87об.

² ГАИО, ф.32, оп.2, д.2543, л.260 об.

³ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.138.

⁴ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2543, л.271.

⁵ ГАИО, ф.р-467, оп.1, д.46 (ОЦ), л.360 об.

⁶ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2543, л.333; ф.р-467, оп.1, д.43(ОЦ), л.2-3.

борах приняла участие только 1/5 часть всех избирателей. Были избраны 30 гласных, «а обязанности городской управы возложены на городского голову единолично»¹. К концу XIX века обязанности были поделены между городским головой и его помощником. Это свидетельствовало о том, что в Нижнеудинске было введено «упрощенное общественное управление, то есть с заменой городской управы – городским головой и его помощником»². В начале XX века ситуация меняется: в 1911 году в городскую управу кроме городского головы и секретаря входили два члена управы. Постановлением городской думы от 3 апреля 1911 года была учреждена при управе должность городского техника с окладом содержания 600 рублей в год «с тем, чтобы плата за производимые им по поручению чертежные работы – по составлению проектов и планов на постройки – поступала полностью в кассу города, причем размер платы должен быть установлен при посредстве техника и утвержден городской управою...»³. Одно время городским техником работал Никифор Андреевич Зверев⁴.

В 1911 году было сформировано городское по промышленному налогу присутствие, куда городской думой избраны члены его и их заместители, а город для удобства работы разделен на 6 участков⁵; при городской управе выбраны две комиссии: благотворительная и училищная, в дальнейшем также ставились вопросы об увеличении штата и содержания служащих управы⁶.

Из протокола городской думы за 1911 год с новыми ценами, установленными с этого времени на продажу в собственность под застройку городских земельных участков, следует, что самая дорогая земля была на торговых и центральных улицах. В 1-й части города (на правом берегу) – 8 рублей за квадратную сажень на Вознесенской (Карла

¹ Щеглов И. В Указ.соч. – С.406.

² Адрес-календарь личного состава служащих... С. 123.

³ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.7.

⁴ ГАИО, ф.р-616, оп.3, д.3, л.28.

⁵ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.12.

⁶ ГАИО, ф.25, оп.9, д.3252, л.87.

Маркса), Триумфальной (Просвещения), части Солдатской (Красноармейской) и Нагорной улиц и в районе Военного городка. Во 2-й части города (на острове и левом берегу) земля была еще дороже – самая большая цена 10 рублей – на Большой (Советской), Коммерческой (Коммунистической) и Муксутской улицах. Улица Муксутская – часть современной улицы Масловского, в это время она ближе всех находилась к вокзалу железной дороги.

В конце XIX – начале XX века постепенно в городе сложилась система архитектурно-строительного делопроизводства при возведении построек. Проекты на казенные постройки рассматривались в строительном отделении иркутского губернского управления, а чертежи обывательских строений составлялись и утверждались городской управою. Конечно, эта система была не столь развита, как в губернском Иркутске, и несопоставима с ним по масштабам, где существовал целый штат техников, однако фонд Нижнеудинской городской управы с разрешительной документацией и чертежами на частные постройки, пока не обнаружен, в Государственном архиве Иркутской области его нет. Поскольку Нижнеудинск был уездным городом, вероятно, эти материалы хранились в местном архиве, который в 1920-е гг. располагался в двухэтажном деревянном доме купца Метелева и сгорел в 1926 году (данные Н. И. Протасовой). Поэтому документально датировать жилые дома города и подтвердить информацию по владельцам, кропотливо собранную местными краеведами, в частности Н. И. Протасовой, М. М. Ревацкой и другими, пока не удалось.

Город Нижнеудинск расположен по двум сторонам реки Уды. Поэтому река всегда играла в жизни города заметную роль. Ежегодные подъемы воды, по 2-3 раза в лето, приводили к подмыву и разрушению правого высокого берега, а левый берег в это время затапливало. В связи с горным и бурным характером реки, город длительное время не имел хорошего сообщения между берегами, а во время летних наводнений оно совсем прекращалось на несколько дней. На берегах ска-

пливались купеческие обозы и транспорты¹. Особо сильные наводнения в городе были в 1870 и в 1912 гг. В 1912 году вода доходила до конца ул. Вокзальной (Ленина).

Переправа через реку (в середине XIX века она находилась напротив Вознесенской горы в наиболее узком месте реки) осуществлялась вначале на карбазах (больших плоскодонных перевозных лодках). Во второй половине XIX века появился паром. По существу, это были те же карбазы, соединенные между собой помостом и переправляемые по канату. Внешний вид парома и место самой переправы (напротив слободы и ул. Триумфальной) зафиксированы на открытке 1907 года. В 1910 году паром сменил постоянный деревянный мост.

До 1886 года за переправу на городском перевозе взимался сбор со всех жителей города и слободы по таксе, утвержденной в 1857 году министром внутренних дел. После наводнения 1870 года «фарватер реки изменился до такой степени, что в самом городе, кроме главного материка, образовалась протока, на которой потребовалось иметь такую же переправу, какая существовала на главном материке»². В связи с этим по ходатайству города министром внутренних дел в 1886 году за перевоз была утверждена такса в двойном размере. С 1888 по 1894 год перевоз был сдан городом арендаторам. Сбор за переправу с местных жителей, если они следовали по своей надобности, а не по найму, был прекращен, а с крестьян, везущих в город разные припасы, по-прежнему взимался.

Сбор за переправу со всех категорий жителей был прекращен 10 мая 1910 года, когда был построен постоянный мост³.

Июньское наводнение 1912 года лишило город мостов, которые представляли в Нижнеудинске «непременное усло-

¹ Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. С. 122.

² ГАИО, ф.32, оп.6, д.19, л.64 об.

³ ГАИО, ф.32, оп.2, д.2067, л.198 об.

вие нормального течения административной и общественной жизни»¹. В августе того же года через Уду был сооружен временный мост на подвижных козлах, что потребовало не предусмотренный городом расход свыше 2000 рублей. В связи с неудовлетворительным состоянием городских финансов, генерал-губернатором был разрешен временный сбор за пользование мостом для покрытия затрат на его строительство.

В мае 1913 года во время наводнения смыло слободскую половину моста, а в июле этого же года — остаток временного моста через Уду². В течение лета, ввиду постоянных разливов реки, городское управление сосредотачивало всю свою деятельность и внимание на устройстве переправы через реку, «затрачивая при этом непроизводительно и деньги, и время, то по установке временных мостов, построенных понтонерами и разрушенных первым весенним ледоходом, затем вторым; то по оборудованию переправы на лодках или пешеходных мостов через протоку и отмели главного русла реки Уды»³. Возможно, ситуация того лета с установленным временным понтонным мостом через Уду, отражена на фотографии начала XX века.

В связи с нехваткой городских средств, на Уде была вновь устроена паромная переправа, которая в описании 1914 года, приведенном выше, названа карбазной, так как основу парома составляли карбазы. И только в 1930 году был построен постоянный мост через Уду, который прослужил почти 60 лет. В настоящее время от него остались только одни каменные опоры⁴.

Остро стоял вопрос в начале XX века об укреплении крутого правого берега. В 1909 году констатировалось, что «в некоторых местах Набережной улицы проезда уже нет, и улица эта сделалась крайне узкой, а существующие по ней дома при дальнейшем размыве берега грозят свалиться в

¹ ГАИО, ф.31, оп.1, д.386, л.2.

² ГАИО, ф.32, оп.2, д.2207, л.8, 27.

³ Там же. — Л.33.

⁴ Протасова Н. И. Очерки о Нижнеудинске. С.147-148.

реку»¹. В связи со скудостью городской казны, решительные меры по укреплению берега так и не были приняты.

К вопросу о городской топонимике. История освоения любой местности находит отражение в топонимах. В городских топонимах отражается история заселения и обустройства поселения. Первоначальный этап становления топонимов Нижнеудинска, как любого другого города, характеризовался естественным, неспешным его сложением в процессе народного осмысления городского пространства. Названия улиц возникали в разговорной речи людей. Называя улицу, человек выделял характерный ее признак, который был явным для всех. Затем это название закреплялось, переходя в официальную документацию и на планы города².

На первых планах Нижнеудинска конца XVIII и XIX вв. названия улиц не нанесены. Основные названия улиц представлены на плане города 1913 года (кроме островной слободы), в документах городской управы (см. Приложение № 1 в конце текста), а также частично дореволюционные названия улиц отражены планом 1930-х гг.

Выделим несколько «имяобразующих» факторов, влияющих на формирование городских топонимов. Улицы, где находились общественно значимые объекты (церкви, базары, тюрьма), получали наименование по их имени. Вознесенская, Воскресенская улицы названы по церквям, к которым они вели. Топонимы ул. Базарная и Аптекарский пер. говорят сами за себя. Топографическое положение также давало название улицам – Нагорная, Подгорная, Набережная, Береговая, Болотная, Источная, Заисточная, Проточная. Современная ул. Болотная не связана с дореволюционной улицей Болотной, получившей название по болоту, находившемуся рядом. В настоящее время дореволюционная Болотная улица не существует. Названия улиц также часто связаны с дорогами, вдоль которых они возникли.

¹ ГАИО, ф.31, оп.1, д.301, л.2, 9.

² Попова Р. В. Годонимы Иркутска в пространстве городской культуры (к постановке вопроса) // Тальцы. 2006. № 2(29). С. 49.

кали; а именно: Московская – вдоль Московского тракта, Иркутская – выводящая на тракт, идущий на Иркутск.

Если улицы не имели таких характерных признаков, они очень часто назывались по именам владельцев, с усадьбы которых начиналась улица, Мясниковская, Красноярская, Козыревская, Исмаевская, Елизарьевская, Митрофановская, Балакшинская, Соловьевский пер. и другие. Многие эти народные названия, связанные с конкретным местом, в 1900-е годы были заменены городской думой на другие административно принятые и ничем не связанные с данной улицей.

Первые послереволюционные названия улиц появились после 1920-го года. На 1920-й год сохранялись все старые наименования. План 1930-х годов отразил новый этап в городской топонимике – «революционный».

Приведем в табличной форме дореволюционные названия улиц Нижнеудинска с их современными наименованиями, какие мы знаем. Адресуем этот материал местным краеведам для дальнейшего изучения.

№№ п/п	Современное наименование улицы	Первоначальное наименование улицы	Наименование улицы на 1911 г.	Примечание
1	Баррикадная		Проточная	
2	Береговой пер.		Лазаретная	
3	Гоголя	Козыревская	Гоголевская	
4	Горького		Покровский пер.?	
5	Демьяна Бедного		Перевозная	
6	Димитрова		Заисточная ?	
7	Иркутский пер.		Иркутская	
8	Источная		Источная	
9	Карла Маркса		Вознесенская	
10	Кашика (Троцкого)		Московская	
11	Колхозная		Базарная	
12	Коммунистическая		Коммерческая	
13	Комсомольская		Воскресенская?	
14	Красноармейская	Феоктистовская	Солдатская	
15	Красной Работницы	Каменная?	Троицкая?	
16	Краснопартизанская		Горемыкинская	
17	Красноярская		Красноярковская	

18	Куйбышева (Червякова)		Ильинская	
19	Ленина		Вокзальная	
20	Лермонтова	Митрофановская	Лермонтовская	
21	Луговая		Луговая	
22	Масловского		1-я Жандармская (1-я Пролетарская), Мукутская	
23	Нагорная		Нагорная	
24	Некрасова	Исмаевская	Некрасовская	
25	Обороны пер.		Николаевская	
26	Осавиахимовская		Аптекарская	
27	Пионерская		Михайловская	в настоящее время улица не существует
28	Подгорная		Подгорная	
29	Пролетарская 2-я		2-я Жандармская	
30	Пролетарская 3-я		3-я Жандармская	
31	Пролетарская 4-я		4-я Жандармская	
32	Пролетарская 5-я		5-я Жандармская	
33	Просвещения	Фетисовская	Триумфальная	
34	Пушкина	Балакшинская	Пушкинская	
35	Рабочая 1-я		Уватская 1-я	
36	Рабочая 2-я		Уватская 2-я	
37	Рабочая 3-я		Уватская 3-я	
38	Рабочая 4-я		Уватская 4-я	
39	Рабочая 5-я		Уватская 5-я	
40	Сбитнева		Набережная (от ул. Просвещения в сторону ул. Иркутской); Береговая (от ул. Просвещения в сторону ул. Луговой)	
41	Советская		Большая	
42	Советский пер.		Мясниковская	
43	Сосновый пер.		Госпитальная	
44	Труда		Новый проулок?	
45	Тургенева		Тургеневская	
46	Уватский пер.	Панский	Уватский	
47	Шнеерсон		Новая	
48	Отрезок пер. Берегового между ул. Подгорная и Сбитнева		Александровская	
49	В этом месте улица не существует		Болотная	
50	Не существует		Лагерная	

51	Не атрибутирован (здесь и далее это означает, что конкретное место улицы и переулка неизвестно)		Георгиевский пер.	остров
52	Не атрибутирован		Глухой пер.	
53	Не атрибутирована		Забалакшинская	левый берег
54	Не атрибутирована		Заводская	левый берег
55	Не атрибутирована		Загородная	левый берег
56	Не атрибутирована	Елизарьевская	Потанинская	
57	Не атрибутирована		Иннокентьевская	левый берег
58	Не атрибутирована		Кирпичная	левый берег
59	Не атрибутирована		Кузнечная	левый берег
60	Не атрибутирован	Коронотовский	Озерный	
61	Не атрибутирована		Озерная	левый берег
62	Не атрибутирован		Ошаровский пер.	
63	Не атрибутирован		Соловьевский пер.	остров
64	Не атрибутирована		Станционная	левый берег
65	Не атрибутирован		Тюремный пер.	правый берег
66	Не атрибутирован		Участковый пер.	

Завершая рассказ о дореволюционной истории города, коснемся спорного для нижеудинцев вопроса о месторасположении острога.

В настоящее время в городе поставлен православный крест на месте предполагаемого острога, который находится на пересечении улиц Нагорной, Малой Нагорной, Подгорной и пер. Соснового. Это место было определено нижеудинскими краеведами по итогам дискуссии, которая проходила на страницах местной газеты «Путь Ильича». В ходе дискуссии была высказана, как сейчас представляется, правильная точка зрения о нахождении острога в пределах места, ограниченного улицами Карла Маркса, Просвещения, Сбитнева и пер. Обороны¹. Однако знак был поставлен на памятном месте, которое по своему обосновала опытный нижеудинский краевед, Почетный гражданин города Нина Иннокентьевна Протасова². Место было затверждено как выявленный памятник истории в ходе инвентаризации

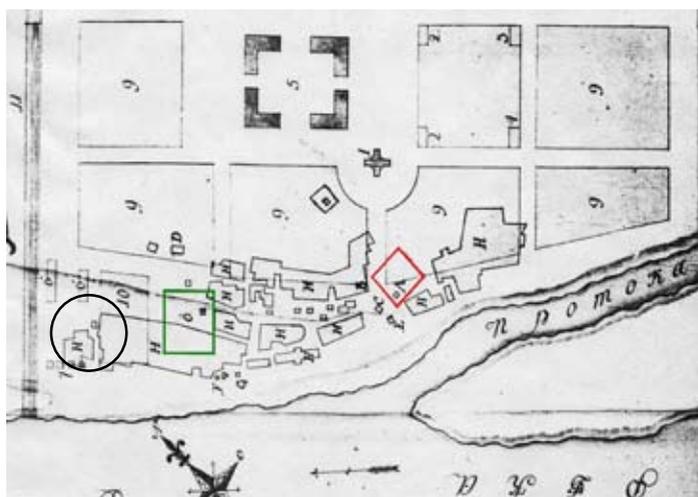
¹ Викторов П. Где был острог // Путь Ильича. 1987. 14 марта.

² Протасова Н. И. Где был острог? // Путь Ильича. 1987. 26 мая.

памятников истории и культуры г. Нижнеудинска» в 1992 году группой историков ИГУ во главе с В. П. Шахеровым¹.

Сопоставляя данные точки зрения с градостроительной традицией и народным опытом учета топографии при строительстве сибирских острогов, следует согласиться с первой – острог находился на берегу Уды в начале современной улицы Просвещения (бывшая Триумфальная). Это место можно увидеть на первом Генеральном плане Нижнеудинска 1798 года.

Рассмотрим доводы наших оппонентов и приведем собственные аргументы в защиту этого места. Вероятно, место острога нижнеудинскими краеведами было определено на основе этого же плана 1798 года, где отмечен «острог с караульною».

Фрагмент плана г. Нижнеудинска 1798 г.

Ромбом отмечено место Удинского острога, квадратом – место вновь проектируемого «острога с караульною» (тюрьма), кругом – место, где была построена тюрьма.

¹ Шахеров В. П. «Отчет о работе по инвентаризации памятников истории и культуры г. Нижнеудинска». Иркутск, 1992. // Архив ЦСН. №236.

Острог на плане показан как вновь проектируемый. Во-первых, острог в указанное время уже не мог строиться заново или восстанавливаться, так как необходимость в нем отпала. Город заметно вырос и стал центром уезда. Генеральным планом 1798 года вокруг него были запроектированы защитные земляной вал и ров. А под острогом в данном плане имеется ввиду тюремное здание, слово «острог» здесь употребляется во втором своем значении, которое в конце XVIII – начале XIX века широко употреблялось. На плане 1798 года вновь проектируемые «острог с караульною» (читай тюрьма), поставлены с предполагаемым отчуждением части территории, занятой обывательскими строениями. На самом деле тюрьма была построена значительно севернее, выше соляного амбара, отмеченного на плане под литерой D (см. фрагмент плана). И тюрьма, и соляной амбар нанесены на плане 1810-х гг. под №№ 12 и 6. Тюрьма на этом месте просуществовала до 1930-х гг. В 1930-х годах при ремонте здания реального училища были обнаружены «наклонно вкопанные в землю бревна, расположенные плотно одно к другому». К сожалению, фотофиксация не проводилась или остается до сих пор неизвестной, поэтому остается предположить, что это были остатки провиантских магазинов и складов, возведенных в конце XVIII – начале XIX века.

Во-вторых, острог всегда являлся административным и общественным центром поселения. Первые административно-управленческие здания поселения появлялись именно на территории острога или рядом с ним. Место, которое сейчас определено как острожное, на плане 1798 года показано незастроенным, оно еще не освоено. А административные здания: комендантская канцелярия и комендантский дом (на плане отмечены литерами В и С) находятся рядом с церковью, за стенами настоящего острога.

В-третьих, само наличие здесь церкви отмечает это место как центр поселения.

И, в-четвертых, найденные в советское время при земляных работах в начале ул. Просвещения захоронения в коло-

дах, относящиеся к XVII веку, свидетельствуют, что острог был на этом месте, так как захоронения на первых порах производились рядом с церквями в стенах острога или сразу за стенами острога, тем более, что вокруг Нижнеудинского острога еще в 1735 году стояло всего четыре дома.

Довод о протоке, как о «единственном месте, где могли высадиться казаки», и которая находилась в западной части улиц Сбитнева и Подгорной¹, имеет под собой реальные основания. Проведенный архитектором Д. В. Бобрышевым (ИрГТУ) ландшафтный анализ местности подтверждает, что здесь могла быть протока. Однако места для острогов, как правило, выбирались, сообразуясь с обзором местности и наилучшей защитой от нападений, поэтому место у реки выбиралось с крутыми берегами, чтобы и со стороны реки была защита.

Далее, по поводу еще одного аргумента – наличие перевоза в этом месте, по течению реки ниже нынешнего пивзавода. Связывать перевоз на реке с местом острога в данном случае выглядит достаточно спорным. В XVII веке, когда появился острог, перевоза через реку не существовало, так как в этом не было необходимости. Казаки из Красноярского и Енисейского острогов добирались сюда по воде. Необходимость в перевозе возникла к середине XVIII века, когда сформировался Московский тракт. Возможно, что в указанном месте существовала первоначальная переправа, но это было связано не с острогом, а с различными складами, которые находились на площади рядом с тюрьмой. Планом 1810-х гг. на этом месте была запроектирована площадь «для перевоза», в то время здесь находились казенные «магазинны: правиянской, соляной, винной, пакхауз, пороховый погреб», то есть склады для хранения продуктов, товаров и пороха, привезенных в город.

Определяемое нами место Удинского острога отмечает архитектор О. Н. Беседина при описании плана Нижнеудинска 1798 года в статье об исторической застройке горо-

¹ Протасова Н. И. Где был острог?// Путь Ильича. 1987. 26 мая.

да, опубликованной в 1991 году¹. Но поскольку в публикации был допущен ряд явных неточностей (в частности, о сохранившихся остатках каменных церквей), вероятно, и упоминание о месте острога не было воспринято серьезно.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, делаем вывод, что острог находился на берегу р. Уды в начале ул. Просвещения (бывшей ул. Триумфальной). В настоящее время территория его занята усадьбами в основном правой стороны улицы и дорогой.

¹ Цэцэгма Ж. Указ. соч. С. 101-102.

Виктор Качанов

Буряты Прибайкалья: эволюция административно-территориального устройства в составе России¹

До прихода русских в начале XVII в. буряты не представляли единого народа, их роды и племена занимали всю территорию Прибайкалья. Основным занятием бурят было кочевое скотоводство. Социальная структура бурятского общества к приходу русских не претерпела каких-либо значительных изменений по сравнению с предыдущими столетиями.

Первые немногочисленные отряды русских служилых людей стали проникать в Прибайкалье в 20-е гг. XVII в., не встречая сопротивления со стороны бурятских племен. Получив согласие на принятие русского подданства и уплату ясака, они покидали земли автохтонного населения.

С 40-х гг. XVII в. начинается более глубокое проникновение казачьих отрядов на территорию бурят и строительство опорных пунктов в стратегически важных местах. К пятидесятым годам XVII в. в Прибайкалье существовала целая сеть острогов: Братский, Илимский, Усть-Кутский, Верхоненский, Тутурский, Удинский и Осинский. С постройкой Балаганского и Иркутского острогов в середине столетия Прибайкалье, в основном, было присоединено к Русскому государству.

Колонизация Сибири в качестве первостепенной задачи потребовала разработки механизма управления и правовой

¹ Качанов В.Н. Буряты Прибайкалья эволюция административно-территориального устройства в составе России: / В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2006. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.

системы, направленных на регулирование административной и социально-экономической жизнедеятельности автохтонного населения этого края. Одной из важнейших задач стала организация управления новыми территориями в соответствии с потребностями Русского государства. В феврале 1637 г. по указу царя Михаила Федоровича был образован специальный орган управления – Сибирский приказ, просуществовавший до 60-х г. XVIII в. Территория Сибири была поделена на уезды. Через некоторое время, в целях улучшения управления, был образован Тобольский разряд, объединивший все сибирские уезды. Постепенно, по мере колонизации Сибири были образованы новые разряды – Томский, Ленский и Енисейский. Юрисдикция воевод названных разрядов распространялась на территории, заселенные племенами бурят и других народов Восточной Сибири.

Сибирские уезды делились на русские присудки и ясачные волости. Ясачные волости объединяли местные племена («ясачных людей»), обязанные платить ясак. Во главе ясачных волостей стояла родоплеменная знать, которая управляла своими сородичами по нормам обычного права.

В области управления автохтонным населением Восточной Сибири на протяжении XVII – начала XVIII вв. царское правительство и местная администрация руководствовались интересами фискального характера, стараясь не вмешиваться во внутренние дела аборигенов. Осуществляя свои функции, государство опиралось на родоплеменную знать.

Первыми правовыми актами, определявшими управление бурятским населением, стали «шерти» (присяги) родоначальников о подданстве. Родоначальники, давая шерть «по своей вере под солнцем и под землею, и под огнем, и под русскую саблюю, и под пищалью», обязывались за себя, своих родственников и улусных людей «быть в вечном холопстве», «платить без недобору ясак и поминки», ходить с «государевыми людьми» войною на «непослушников»,

«смирять» их и брать ясак в царскую казну¹, фактически брали обязательства не только за себя, но и за своих соплеменников.

На рубеже XVII – XVIII вв. основополагающими правовыми актами считались договоры Ф. Головина, заключенные в 1689 г. с монгольскими тайшами и табангутскими сайтами, кочевавшими в Забайкалье и перешедшими затем в русское подданство. Основные нормы этих актов использовались для управления и другими группами бурят. Улучшению отношений с автохтонными народами Сибири, в том числе и бурят, способствовал именной указ от 26 декабря 1695 г., предписывавший воеводам не чинить ясачным подданным «никаких обид..., мучения, ругани и тесности»².

В первой трети XVIII в. правительство постепенно начинает менять систему управления народами Сибири, переходит от политики эпизодического привлечения родоплеменной знати к отправлению весьма ограниченных административных и судебных функций, к введению постоянно действующего института туземной администрации, утверждаемой губернскими властями.

Следствием этой политики, а также международных событий (урегулирование русско-китайских отношений в 1727 г.) явилась «Инструкция пограничным дозорщикам» С. Рагузинского от 22 июля 1728 г.

В соответствии с «Инструкцией» единоличному рассмотрению и решению родоначальника подлежали все «малые» гражданские и уголовные дела бурят, включая споры из-за калыма, кражи скота, побои. При этом из подсудности туземной администрации по-прежнему изымались дела в виде «смертного убийства» и политические преступления. На родоначальников возлагались и обязанности по сбору ясака.

¹ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 67.

² Авдеева О.А. Эволюция судебной системы инородцев Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. // История государства и права. 2000. № 3. С. 22.

Оформление государственной системы косвенного управления и суда в Сибири во второй половине XVIII в. связано с именем Екатерины II. Ее указом от 6 февраля 1763 г. в Сибирь «для отвращения происходящих там не порядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака», была направлена комиссия, возглавляемая секунд-майором А. Щербачевым. Ему вменялось в обязанность опубликовать во всех городах Сибири Манифест от 13 июня 1763 г., заверявший ясачные народы, в том числе и бурят, в желании правительства содержать подданных в спокойствии, «не чиня им никакихлибо притеснений, обид, грабительств...убытков».

Доказательством намерений Екатерины II упорядочить правовой статус коренного населения являлась и данная А. Щербачеву инструкция, позволившая упразднить институт аманатства, а также ликвидировать должность сборщика налогов, возложив их функции на родоплеменную знать.

Политика правительства в отношении управления бурятами нашла свое логическое воплощение в «Положении о выборе иноверческих начальников и правах их» от 9 августа 1812 г. гражданского губернатора П. Трескина. Этим правовым актом закреплялся наследственный принцип передачи родовыми начальниками своих прав, расширялись судебные функции туземной знати. «Положение» Трескина вызвало существенные злоупотребления родовой знати, следствием которых явились выступления бурят в 1818 г. Встретив сильную оппозицию в лице многочисленных родов бурят, Александр I именным рескриптом 1819 г. обязал сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, помимо ревизии губерний, подготовить «полезнейшее устройство и управление» в отношении русского и коренного населения Сибири.

Император, рассмотрев на заседании специально образованного в 1821 г. «особого» Сибирского комитета отчет М.М. Сперанского о злоупотреблениях 250 родоначальников, обратил внимание на необходимость реорганизации системы управления и суда народов Сибири. М.М.Сперанский, руководствуясь составленными на протяжении XVIII в. про-

ектами Уложенных комиссий, разработал «Записку о сибирских инородцах» и проект «Устава об управлении инородцев». На заседании сибирского комитета 9 марта 1822 г. был принят единый правительственный акт «Устав об управлении инородцев», определивший основные направления государственной политики по отношению к кореным народам Сибири вплоть до начала XX в.

По «Уставу об инородцах» все народы Сибири разделялись на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Буряты были отнесены к разряду кочевых. Органы Степного управления имели следующую структуру: каждое стойбище или улус, насчитывавшие не менее 15 семейств, имело отдельное родовое управление. Несколько родов или улусов объединялись, и над ними учреждалась инородная управа, которую составляли выборные или получившие свое звание по наследству – голова (тайша), двое или более выборных. Для многих родов, объединенных общим управлением, образовывались Степные думы. Согласно «Устава» среди бурят Прибайкалья были учреждены Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская и Тункинская Степные думы.

С утверждением системы национального самоуправления в форме так называемого «Степного управления», согласно «Устава об инородцах», юридически была закреплена территориальность этнической структуры бурят. В Иркутской губернии буряты разделялись на 7 территориальных групп: балаганцев, аларцев, идинцев, кудинцев, верхоленцев, ольхонцев и тункинцев. С выделением в 1851 г. из Иркутской губернии Забайкальской области было закреплено деление бурят на две ветви: западную и восточную.

Социально-экономические и политические процессы в России во второй половине XIX в. потребовали существенных изменений в национальной политике царского правительства, дальнейшей унификации управления территориями, заселенными коренными народами.

Начиная с 1866 г. чиновники губерний Сибири, по распоряжению центральных органов, приступили к рассмо-

трению вопроса о возможности распространения на сибирские народы ряда положений крестьянской реформы 1861 г., к разработке проектов будущего поземельного и административного устройства русского и автохтонного населения региона. Административная и земельная реформы способствовали бы установлению равного с русским населением правового статуса коренных народов Сибири, что вполне отвечало фискальным интересам государства. В 1880-е гг. в Сибири были проведены специальные обследования территорий проживания автохтонных народов региона. Результаты обследований позволили правительству приступить к практической реализации административной и земельной реформ в конце XIX – начале XX вв. у бурят и других народов Восточной Сибири.

С 1886 по 1890 гг. было осуществлено преобразование административной системы бурят Иркутской губернии. Степные думы были ликвидированы, а вместо них созданы более мелкие, но, по признанию царских чиновников, более «гибкие» административные единицы – инородные управы. Вместо семи существовавших Степных дум в Иркутской губернии было образовано двадцать три инородных управы. Ликвидация Степных дум повлекла упразднение должности главных родоначальников – тайшей, вместо них во главе инородных управ назначались «головы».

С принятием царским правительством решений по организации поземельного устройства в 1896 и 1898 гг. в Иркутской губернии на землях бурят развернулись работы по подготовке переселенческих участков. Это вызвало протесты со стороны бурятских ведомств, которые вылились в дальнейшем в широкое национальное движение, направленное против земельной реформы. Весной и летом 1899 г. на имя иркутского генерал-губернатора поступило 11 жалоб от бурят Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов, которые остались без внимания. В октябре 1899 г. представители 16 бурятских ведомств обратились с ходатайством о приостановлении реформы в Министерство земледелия и государственных имуществ, в Министерство внутренних

дел. Учитывая протесты бурятского населения, в мае 1900 г. поземельное устройство бурят Иркутской губернии было приостановлено «до собрания...подробных данных об условиях их экономического быта»¹.

Подобные мероприятия по землеустройству позднее планировалось осуществить и у бурят Забайкалья. В качестве подготовительной меры, предшествующей поземельному устройству, было решено провести в Забайкальской области волостную реформу, которая предусматривала ликвидацию «Степного управления». Основанием для этого явился закон 1901 г. «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области».

Практическая реализация мероприятий в области административного и поземельного устройства вызвала развитие мощного национального движения бурят как Прибайкалья, так и Забайкалья в начале XX в. Основные задачи бурят были рассмотрены на съездах бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, состоявшихся в 1905 г. Буряты Забайкалья на своем съезде активно обсудили вопрос о национальном самоуправлении и приняли проект самоуправления, который предусматривал низшей административной единицей булук, а не аймак; несколько булуков объединялись в территориальную инородную управу, а третьей, высшей инстанцией, должна была стать дума, территория которой совпадала с прежним ведомством. Съезд, таким образом, соглашался с территориальным принципом и, вместе с тем восстанавливал родовую структуру управления. Съезд бурят Иркутской губернии, состоявшийся в августе 1905 г., в отличие от решения бурят Забайкалья, планировал органы национального самоуправления по типу земских учреждений.

Новый этап национального движения бурят связан с событиями 1917 г. Падение монархии вселило в бурят надежду на возможность изменения их судьбы новым — демократическим — Временным правительством. Состоявшийся в апреле 1917 г. общебурятский съезд разработал

¹ Елаев А.А. Указ. соч. С. 100-101.

«Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», по которому национальная автономия бурят приобретала форму местного управления. Высшим органом должен был быть общенациональный съезд, а между съездами — Бурятский Национальный Комитет (Бурнацком) и его Иркутский отдел; затем аймачные съезды — аймачные земские управы; хошунные съезды — хошунные земские управы; сомонные собрания — сомонные земские комитеты.

Отказ Временного правительства утвердить проект национальной автономии не повлиял на решимость лидеров национального движения продолжить практическую работу по возрождению ликвидированных органов национального самоуправления. В 1917 г. стихийно стали возрождаться аймачные, хошунные и сомонные земские учреждения. В Забайкалье были созданы 4 аймака — Агинский, Баргузинский, Хоринский и Селенгинский, а у бурят Иркутской губернии — 3 аймака — Ангарский, Эхирит-Булагатский и Тункинский.

На общебурятском съезде в октябре 1917 г. вновь активно обсуждался вопрос об аймачном земстве. На съезде был образован Центральный Бурятский Национальный комитет, а в Иркутске его отдел — Иркутский Национальный комитет. Бурнацком был создан в целях координации деятельности Читинского и Иркутского национальных комитетов. В состав Бурнацкома входила, в основном, примыкающая к эсерам бурятская интеллигенция. Создание обособленных органов самоуправления на местах и Бурятского Национального комитета, а также отказ Бурнацкома от смешанных земств свидетельствовали о том, что идея создания национальной автономии, объявленная лидерами национального движения и поддержанная массами, стала реализовываться на практике.

Бурнацком, проводивший политику создания и укрепления национальных органов управления, под давлением Центросибири и Забайкальского областного Совета фор-

мально признал Советскую власть, но на практике считал советскую форму управления, основанную на принципе пролетарского интернационализма, для бурят ненужной. Затягивая переустройство органов национального самоуправления на советской основе, Бурнацком стремился сохранить их и добиться утверждения на Учредительном собрании.

В 1918-1919 гг. на обособленной территории бурятских ведомств действовали под руководством Бурнацкома Бурнардумы – органы национального управления. Эти органы были признаны и советской властью в 1918 г., и режимами Колчака и атамана Семенова как органы самоуправления бурятского народа. На территории Иркутской губернии в этот период существовали и активно действовали бурятские земские учреждения под руководством Иркутского отдела Бурнацкома. По сути дела, основная цель национального движения бурят – обретение национальной автономии – в этот период, в основном, была достигнута. Лидерам бурятского национального движения удалось не только создать, но и сохранить органы национального управления в этот сложный для России период.

С разгромом Колчака и Семенова и образованием Дальневосточной республики в 1920 г. буряты оказались разделенными: 4 аймака с бурятским населением Иркутской губернии вошли в состав РСФСР, а 4 аймака Забайкалья – в ДВР. С этого времени начался период становления бурятских автономий в двух государственных образованиях. При активном участии деятелей бывшего Бурнацкома – Бурнардумы, а затем бурятских большевиков ДВР, в начале 1921 г. была создана Бурят-Монгольская автономная область ДВР.

Гораздо длительным и сложным был процесс образования автономии бурят Прибайкалья – Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. После восстановления Советской власти в Иркутской губернии и создания советской системы управления в бурятских аймаках, для большевиков не являлся актуальным вопрос о национальной автономии.

24 февраля 1920 г. члены Бурятской секции Иркутского губкома РКП(б) приняли решение о том, что «..трудящиеся массы бурятского населения Иркутской губернии... не нуждаются в национальной автономии в какой бы то ни было форме». Бурсекция большевиков полагала возможным ограничить решение национального вопроса в Иркутской губернии укреплением аймаков и хошунов. Не только Бурсекция, но и Иркутский губком РКП(б), и Сиббюро ЦК РКП(б) выступали против создания бурятской автономной области РСФСР. Лишь по настоянию ЦК РКП(б), лично В.И. Ленина, учитывавших соображения международного характера и необходимость укрепления советских идей среди бурят и других народов Востока, было принято решение центральных органов РСФСР об образовании советской автономии бурят Прибайкалья. Со времени принятия постановления ЦК РКП(б) от 14 октября 1920 г. до окончательного юридического оформления факта образования Бурят-Монгольской автономной области РСФСР Декретом ВЦИК от 9 января 1922 г. прошло около полутора лет.

Организаторы области пытались выделить из Иркутской губернии районы, где проживало только бурятское население. Территория сформированной автономной области составила 101 677 квадратных верст, а население – 181 192 человека (129 000, или 70% – буряты; 30% – русские). В уездах, не вошедших в состав области, оставалось 18 346 бурят¹.

В административный состав Бурят-Монгольской АО РСФСР вошли следующие аймаки: Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Тункинский и Селенгинский. Аймаки делились на хошуны (волости), а хошуны – на сомоны, или булуки (сельские общества). С воссоединением Дальнего Востока и Забайкалья с РСФСР в ноябре 1922 г. возникли необходимые условия для решения вопроса об объединении Бурят-Монгольских автономных областей.

20 ноября 1922 г. президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б) принял решение об объединении двух автономных областей в автономную советскую республику. Создание

¹ Там же. С.154.

республики, по их мнению, должно было явиться важным фактором политического и культурно-исторического влияния на народы Востока, Монголии, Тибета, Индокитая, Китая, Кореи – усиления их политических симпатий к Советской России и революционизирования народных масс.

Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) категорически высказывалось против объединения автономных областей бурят в республику. Члены Сиббюро ЦК РКП(б) в марте 1923 г. также считали вопрос об объединении несвоевременным.

Учитывая ходатайства руководства Бурят-Монгольских областей, Народный комиссариат по делам национальностей поручил Буробкому РКП(б) БМАО РСФСР срочно представить проект положения о Бурят-Монгольской Автономной Республике на утверждение ВЦИК. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев проект об объединении, постановил объединить в Бурят-Монгольскую Республику автономные области бурят Сибири и Дальнего Востока. При создании республики по национально-территориальному принципу в ее состав, по указанию центральных органов, должны были быть включены территории с русским населением. В ходе определения проекта территории Бурят-Монгольской АССР был представлен приемлемый вариант. Однако этот проект автономной республики, представленный Бурятским ревкомом, оспаривался руководством Иркутской губернии и Забайкальской области.

Иркутский губисполком предложил новый проект границ, который предусматривал ликвидацию Аларского аймака с включением его отдельных частей, а также части Эхирит-Булагатского аймака в состав Иркутской губернии и передачу губисполкому бывшего колонизационного фонда. В этих требованиях Иркутский губисполком был поддержан Сибревкомом. Вплоть до декабря 1923 г. (до решения ВЦИК по этому вопросу) Иркутский губисполком противодействовал фактическому присоединению отошедших к республике районов Иркутской губернии. Претензии в отношении территории Баунтовского района, Чикойского аймака, города Троицкосавска с Кяхтой и Усть-Кяхтой

предъявлял и Забайкальский губисполком, поддерживаемый Дальревкомом.

5 сентября 1923 г. Комиссия ВЦИК постановила образовать на территории республики 9 аймаков и 95 хошунов с населением 435 554 человека, из которых 49% населения составляли буряты; 45% – русские¹. В 1924 г. в СССР было начато новое районирование, предусматривавшее изменение административно-территориального деления страны. Схема районирования Сибири, намеченная секциями Госплана и Сибплана, предусматривала создание 4 областей: Енисейской, Якутской, Ленско-Байкальской и Дальневосточной.

По инициативе Иркутских губернских органов в Сибплан был внесен проект создания Ленско-Байкальской области в составе Иркутской, Забайкальской губерний и БМАССР. Бурят-Монгольская АССР по проекту должна была войти в состав новой области на правах округа.

Проект создания Ленско-Байкальской области был опротестован руководством Бурят-Монгольской республики, которое выдвинуло ряд аргументов экономического и политического характера против создания области и обратилось за помощью в центральные органы страны.

Исход конфликта в пользу республики был обусловлен вмешательством Народного Комиссариата иностранных дел, для которого в тот момент интересы внешней политики и роли, отводимой Бурятской республике в ней, вытекавшие из еще актуальных целей «мировой революции» на Востоке и в Центральной Азии, перевесили хозяйственные проблемы районирования региона.

К 1929 г. политическое значение Бурятской республики уже стало оцениваться не через призму мировой революции как «форпоста социализма на Буддийском Востоке», а в связи с той опасностью, какую она могла представлять как национальное образование, занимающее приграничное положение в случае возникновения внешней угрозы, под ко-

¹ Там же. С. 180.

торой подразумевались конфликт на КВЖД и усилившееся влияние Японии.

Все эти обстоятельства наряду с объективными трудностями, а также некоторыми ошибками руководства БМАССР в хозяйственном, государственном и национально-культурном строительстве все больше вызывали у центральных органов власти страны опасения и склоняли его к ужесточению контроля над всеми процессами, происходившими в республике.

В 1930 г. вновь возник вопрос о районировании Сибири, 15 июля он был рассмотрен Политбюро ВКП(б), и по докладу Г. Эйхе принято постановление «О разделении Сибири на две части», предусматривавшее выделение из состава Сибирского края и Дальневосточной области новой области с центром в Иркутске. В июле 1930 г. решение об образовании Восточно-Сибирского края было утверждено Президиумом ВЦИК. Этим решением БМАССР была включена в состав края.

С учетом конфликта, возникшего при попытке образования ленско-Байкальской области, включение Бурятской республики в состав края было оформлено как добровольное вхождение. Предварительное вхождение было принято пленумом обкома ВКП(б), в печати прошла пропагандистская кампания. 19 августа III сессия ЦИК БМАССР приняла решение о вхождении республики в состав Восточно-Сибирского края. «Вхождение республики в край, — отмечал на сессии секретарь обкома М. Ербанов, — несомненно, усилит ее экономически и политически...»¹.

В 1936 г. после реорганизации Восточно-Сибирского края в Восточно-Сибирскую область Бурят-Монгольская АССР, выйдя из ее состава, получила самостоятельность. В 1937 г. было принято решение о территориальной реформе, предусматривавшей разукрупнение созданных в начале 1930-х гг. 7 административно-территориальных единиц, на базе которых образовывались 14 новых краев, областей и округов.

¹ Там же. С. 197.

25 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области», постановило утвердить проект постановления ЦИК СССР. В проекте говорилось: «а) Разделить Восточно-Сибирскую область на Иркутскую область с центром в г. Иркутске и Читинскую область с центром в г. Чите.... е) Присоединить к Иркутской области Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский и Ольхонский аймаки Бурят-Монгольской АССР. ж) Образовать в составе Иркутской области Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в селении Усть-Орда в составе Аларского, Боханского и Эхирит-Булагатского аймаков, Середского, Евсеевского, казачинского сельсоветов Кировского района, Усть-Осинского сельсовета Балаганского района»¹.

Постановлением ЦИК СССР от 26 сентября 1937 г. из аймаков БМАССР, отошедших к Иркутской области, была образована новая административно-территориальная единица — Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ с административным его подчинением Иркутской области. В исторической литературе до сих пор нет четких ответов на вопрос о причинах раздела Бурятской республики и образования двух бурятских округов.

В январе 1938 г. из Аларского аймака был выделен Нукутский аймак в составе 7 сельсоветов с центром в с. Нукуты. По постановлению Верховного совета РСФСР, в апреле 1941 г. из Эхирит-Булагатского аймака был организован Баяндаевский аймак в составе 9 сельсоветов с центром в с. Баяндай. В этот период стала складываться практика прямого областного управления аймаками, минуя окружные органы. В начале марта 1945 г. председатель окрисполкома Усть-Ордынского округа С.К. Сайдуков направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова записку, в которой шла речь о переподчинении Усть-Ордынского округа

¹ Там же. С. 217.

Бурят-Монгольской республике. Однако это предложение не было принято¹.

В 1950–1980-е гг. административно-территориальное устройство Усть-Ордынского округа неоднократно изменялось. В конце 1950-х гг. округ состоял из 6 аймаков, но уже в 1959 г. был упразднен Кировский район, в 1963 г. — ликвидированы Баяндаевский, Нукутский и Осинский районы. В 1972 г. Нукутский район был восстановлен, а в 1975 г. вновь были восстановлены Баяндаевский и Осинский районы. К 1975 г. вновь утвердилось прежнее, существовавшее в 1940-х гг., административно-территориальное деление из 6 районов².

Существование Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, как самостоятельного субъекта в составе Иркутской области, несомненно, отразилось в положительном плане на социально-экономическом и культурном развитии бурят и других народов, проживавших в округе. Вместе с тем, некоторые историки отмечают, что период раздельного существования бурятского народа с 1937 по 1990 гг. негативно отразился на этнокультурном развитии бурят³.

В 1991 г. руководство Усть-Ордынского округа предприняло ряд действий, как и другие субъекты СССР и РСФСР, по укреплению своего суверенитета. На обсуждение населения был вынесен проект договора между Иркутской областью и автономным округом. В сентябре 1991 г. был подготовлен и опубликован проект закона РСФСР «Об Усть-Ордынском Бурятском автономном округе», закреплявший исторически сложившийся статус округа как национально-территориального автономного образования в составе Иркутской области. В проект были включены положения, содержавшие право на выход из Иркутской области и самостоятельное вхождение в РСФСР, а также признавшие землю, недра, воды, природные ресурсы достоянием населения округа. В 1992 г. Усть-Ордынский округ объявил о

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / Под ред. Л.М. Дамешека. М.: Прогресс, 1995. С. 490.

² История Усть-Ордынского.... С. 500, 501.

³ Елаева. А. Указ соч. С. 256.

своим суверенитете и вышел из состава Иркутской области. Провозглашение суверенитета произошло не в результате вызревших политических и экономических условий в округе, а под влиянием политических событий, происходивших в стране в начале 1990-х гг.

Согласно Конституции Российской Федерации, с 1993 г. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ существует как самостоятельный субъект России.

В октябре 2005 г. было принято и опубликовано обращение глав администраций Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, председателей Законодательного собрания Иркутской области и думы Усть-ордынского округа к президенту России и к жителям Иркутской области и Усть-Ордынского автономного округа с призывом поддержать инициативу объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в новый субъект России – Иркутскую область.

Целью образования нового субъекта РФ является повышение уровня жизни населения всего региона, устранение дифференциации в социально-экономическом развитии объединяющихся субъектов Российской Федерации, преодоление существенного разрыва в объемах торговых и бытовых услуг, предоставляемых жителям Иркутской области (25 место по РФ) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (87 место по РФ)¹.

На территории Усть-Ордынского округа предполагается создать административно-территориальную единицу с особым статусом, определяемым уставом нового субъекта РФ в соответствии с федеральным законодательством. Видимо, этот особый статус будет учитывать особенности этнокультурного, в самом широком смысле, развития бурят Прибайкалья. Референдум об объединении двух субъектов Прибайкалья состоится 16 апреля 2006 г.

¹ Об образовании нового субъекта Российской Федерации // Вост.-Сиб. правда. 2005. 12 окт. С. 1.

Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса: Тофалария¹

Тофалария — территория на юго-западе Иркутской области, входящая в состав Нижнеудинского района. По переписи 1989 г. здесь проживало 1100 человек, причем 630 из них являлись представителями автохтонного малочисленного этноса Сибири — тофов (самоназвание — тофа). В последние годы Тофалария находится в состоянии острого кризиса. Проблемы этой отдаленной территории, ее населения неоднократно освещались как в периодической печати, так и в научных изданиях².

Целью данной работы является освещение основных социально-экономических процессов, происходивших в Тофаларии на протяжении XX века, современных этносоциальных проблем.

С древнейших времен на территории современной Тофаларии проживает немногочисленный этнос — тофы (до начала XX в. — карагасы). До прихода русских в Сибирь они платили дань бурятам. Со второй половины века XVII у тофов устанавливаются контакты как с русскими, так и с органами российского государства. С 1648 г. тофы начинают

¹ Качанов В.Н. Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса: Тофалария/ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003.

² Исаков А. Тофалария без экзотики // Вост.-Сиб. правда (Иркутск). 1989. 15, 17, 18 авг.; Федоров В. Кто спасет Тофаларию? // Земля (Иркутск). 1993. 21 июня. С. 6-7; Елин С.П. Проблемы и перспективы современной Тофаларии // Актуальные проблемы межнациональных отношений в Российской Федерации: Тез. докл. науч.-практич. конф. Иркутск, 1992. С. 16-17; Он же. Этносоциальные проблемы Тофаларии // География и природные ресурсы. 1993. № 3. С. 121-128; Харламов В. Агония // Вост.-Сиб. правда. 1993. 15 мая. С. 5; Он же. Тофалария, боль наша // Вост.-Сиб. правда. 1995. 16 авг.; Алексеев В.Р., Парфенов В.М. Тофалария: современное состояние и некоторые пути развития // Россия и Восток: взгляд из Сибири / Материалы и тез. докл. к 11 международ. науч.-практич. конф., 13-16 июня 1998 г. Т. 1. Иркутск: Иркут. ун-т, 1998. С. 219-224; Мишина М. «Куплю душевный восторг» // Иркут. ведомости. 2002. 3 дек. С. 6.

платить государству ясак, который просуществовал до начала XX в., «мягким золотом» – пушниной.

До начала XX в. тофы занимались, в основном, охотой и разведением оленей. Оленеводство обеспечивало тофов продуктами питания, одеждой и транспортом. Характер хозяйственной деятельности тофов обуславливал кочевой образ их жизни. К моменту встречи с русскими во 2-й половине XVII в. тофы занимали определенную природно-экологическую нишу. Малочисленность, компактность и постоянные передвижения позволили им не разрушать среду обитания, а приспособить ее к своим жизненно важным потребностям. Вплоть до 1920-х гг. тофам удавалось сохранить созданную культуру и кочевую форму хозяйственной деятельности¹.

В конце декабря 1917 г. на суглане (общем собрании) около г. Нижнеудинска тофы узнали об установлении советской власти. Органы новой власти смогли осуществить покупку значительной доли пушнины и завезти на суглан для продажи много товаров. Частные торговцы были в административном порядке отстранены от скупки пушнины. В начале 1918 г. Губсоюз² начал строить на территории Тофаларии две фабрики, но эти начинания были прерваны гражданской войной в Восточной Сибири.

Официально установление советской власти у тофов и выборы депутатов родового совета прошли 26 декабря 1922 г. на зимнем суглане. В 1925 г. Комитет Севера организовал работу ряда комплексных научных экспедиций среди малочисленных народов Сибири. В Тофаларии такой экспедицией руководил профессор Иркутского университета Б.Э. Петри. По результатам экспедиционных исследований им было опубликовано несколько научных работ, посвященных этнографии, вопросам хозяйственной деятельности тофов,

¹ Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1994. С. 201.

² Губсоюз – организация, осуществлявшая покупку пушнины у тофов и продажу им необходимых товаров: муки, соли, боеприпасов, мануфактуры (Пугачев М. У истоков возрождения // Путь Ильича (Нижнеудинск). 1986. 3 дек.

кооперации, проблеме перевода автохтонного населения Тофаларии на оседлый образ жизни. Главный вывод, который сделал ученый после обследования тофов, заключался в постепенном переводе кочевого населения на новую форму хозяйства — скотоводческую. Исходным моментом для этого явилось то, что около учреждений потребкооперации Тофаларии осели малооленные и безоленные тофы. Скотоводческая форма хозяйства, по мнению Б.Э. Петри, ближе всех подходила к укладу жизни тофов и являлась единственно возможным видом сельского хозяйства в условиях высокогорной тайги, где земледелие почти невозможно. На территории Тофаларии предлагалось создать культбазы — в Алыгджере и в устье реки Нерхи. После этого на новых культбазах предполагалось построить фермы-коммуны, где постепенно будут оседать тофы. Люди, как предполагалось, занимались бы здесь скотоводством. «После 10 лет они выделятся в самостоятельные хозяйства, получают надел, избу и скот в виде компенсации за труд»¹, — полагал Б.Э. Петри.

Однако сторонники политических идей 1920-х гг. не могли ждать, требовали скорых, решительных действий. Строительство культбаз и перевод тофов на оседлый образ жизни был осуществлен в течение 1927-1929 гг. К 1930 г. этот процесс практически был завершен, 80% тофов к этому времени жили оседло². Тофы стали жить в поселках. Старожилы свидетельствуют, что тофы в дома, которые для них специально построили, заходили лишь изредка. Около каждого дома хозяин ставил чум, где жгли костер, готовили пищу.

Народ, который на протяжении многих веков вел кочевой образ жизни, занимаясь охотой и оленеводством, был за несколько лет переведен на оседлость. По сути дела, тоф попал в замкнутое пространство. Вековые привычки быта в одночасье были изменены и началось вытеснение выработанной столетиями формы хозяйства. Изменения в хозяй-

¹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 214-215.

² Ленкова Н. О чем болит сердце тофа? // Вост.-Сиб. правда. 1992. 20 июня. С. 10.

ственной деятельности негативно отразились и на психологии тофов.

При создании колхозов на территории Тофаларии сначала, видимо, учитывали мнение ученых о постепенности проведения мероприятий в этом отдаленном крае. Так, в «Заключении по вопросу кредитования производственных процессов в связи с процессом коллективизации Карагасии» от 3 мая 1930 г. отмечалось, что «судя по темпу перехода карагас на оседлость, полное осуществление этого мероприятия возможно только в течение двух-трех лет при условии, если оседающим будут созданы благоприятные жизненные условия. Очевидно, этот же период потребуются и для проведения коллективизации... процесс коллективизации предположено осуществить так: 30/31 г. — 25 хозяйств, 31/32 г. — 30 хозяйств и 32/33 г. — 25 хозяйств»¹.

Однако, члены Президиума Промыслово-Кооперативной Комиссии Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, заслушав доклад председателя Канского Интегралсоюза Розенберга о Карагасском хозяйстве, приняли следующее решение: «учитывая возможность проведения сплошной коллективизации в Карагасии и считая политически чрезвычайно важным ее проведение как первый опыт перевода туземцев Севера на коллективное хозяйство, признать необходимым включить в план хозяйственных мероприятий 1929/30 г. сплошную коллективизацию Карагасского хозяйства...»².

В 1930 г. из всех хозяйств на территории Тофаларии создали три колхоза. На практике была осуществлена стопроцентная коллективизация. Причем, обобществили поголовно не только всех оленей, но и все имущество. Во главе колхозов поставили русских руководителей, которые в ведении туземного хозяйства ничего не понимали³.

Коллективизация нанесла серьезный урон оленеводству тофов. Предпочтение было отдано развитию оленеводства как транспорта, хотя в тот период тофы еще не могли от-

¹ ГАИО. Ф. Р-2375. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

² ГАИО. Ф. Р-2375. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

³ Мурник. В Тофаларском районе (Восточно-Сибирский край) // Совет. Север. 1934. № 2. С. 96.

казаться от продукции оленеводства — от молока, мяса, сыра.

Таким образом, исходя главным образом из политических соображений о создании коллективных хозяйств, были проигнорированы замечания ученых о постепенном характере преобразований у отставших в социально-экономическом отношении этносов, предостережение Б.Э. Петри о том, что осуществляя преобразования, нужно строго учитывать традиции тофов. Кочевавший многие столетия народ — тофы, имевший в основе своего хозяйства охоту и оленеводство, в конце 1920-х гг. был сначала переведен на оседлый образ жизни, а в 1930-е — объединен в коллективные хозяйства.

Существенные изменения в этот период происходили и в духовной культуре тофов. Серьезное влияние на деформацию духовной жизни тофов оказало запрещение шаманизма как религии. Религия выполняла роль транслятора культуры, традиций и обычаев тофов. С ликвидацией шаманизма, по сути дела, обрывались вековые традиции, обряды, обеднялась национальная культура.

Развитие образования в 1920/30-е гг. у тофов, как ни парадоксально, имело и негативные последствия. Таковым следует считать, происходившее в эти годы, отчуждение детей от семьи. В 1927 г. в Алыгджере была построена школа-интернат с общежитием, где жили и учились дети тофов. При том, что уровень обучения в школе-интернате не был высоким, дети не получали не только знаний, предусмотренных учебной программой, но и тех традиционных навыков, которые давала семья. Существенным недостатком обучения было и то, что преподавание велось, главным образом, на русском языке.

Особо стоит сказать о тех изменениях, которые происходили в сфере применения и использования национального языка тофов. Язык, как известно, является стержнем любой национальной культуры. Однако именно язык тофов, как и других малочисленных этносов, стал одной из первых жертв политических экспериментов 1920/30 гг. В конце 1980-х гг.

только 25% тофов свободно владели своим родным языком, 80% детей в возрасте до 15 лет вообще не знали его.

Вместо национального самоуправления, основы которого были заложены созданием в 1925 г. национального сельского Совета, с 1930-х гг. у тофов начала формироваться система командно-административного управления. В 1930 г. национальный сельсовет был преобразован в туземный Совет. В 1937 г. туземный Совет получил статус Тофаларского национального Совета, а в 1939 г. преобразован в Тофаларский районный Совет Иркутской области. В 1951 г. Тофаларский район и Тофаларский райисполком вообще были упразднены. С 1951 до 1963 гг. Тофалария входила в состав Нижнеудинского района; с 1963 по 1965 гг. – Тулунского района; с 1965 г. и по настоящее время эта территория является составной частью Нижнеудинского района Иркутской области.

Краткий анализ социально-экономических процессов, происходивших в Тофаларии в 1920–1930-е гг., свидетельствует о том, что при переходе от традиционного уклада к новому, разработанному советскими политическими деятелями тех времен, был проигнорирован исторический опыт хозяйственной деятельности и духовной жизни тофов. Последствия социальных экспериментов не были исправлены, а еще в большей степени усугублены в 1950–1980-е гг. За прошедшие годы тофы утратили многие секреты традиционного хозяйства, забыли нормы этнического этикета, национальной педагогики. Тофы, как и другие малочисленные народы, утратили, по выражению Г.Г. Котожекова, защитный пояс традиционной культуры, адаптированный к их жизненному укладу, окружающей среде¹. Политика создания унитарного по содержанию государства, унификации социально-экономического механизма привела к тому, что уничтожив традиционные формы хозяйства, которые складывались веками, не дали взамен других жизненных эко-

¹ Котожеков Г.Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья. Абакан, 1992. С. 128.

номических форм. Каковы же последствия политических экспериментов XX в. в Тофаларии?

1. Таежные угодья, принадлежавшие представителям различных родов тофов, были разделены на отдельные участки, которые выдавались или изымались государственными органами.

2. Обобществление оленей и перепрофилирование с маточного (товарного) на транспортное оленеводство привело к тому, что тофы, потеряв из личного хозяйства оленей, перестали изготавливать себе традиционные виды одежды, обуви, снаряжения для личных нужд. Изменилась культура питания: из традиционного рациона очень быстро исчезли мясо, молоко, кисломолочные продукты; на смену им пришли консервы, капуста, картофель, макаронные изделия, которые к тому же завозились эпизодически — зимниками и авиацией (с 1950-х гг.). Вместо теплой меховой и кожаной одежды появились на все случаи жизни телогрейки, резиновые сапоги и шапки-ушанки.

3. В Тофаларии сложилась такая экономическая ситуация, при которой оседлое население должно заниматься формами хозяйства, требующими кочевого образа жизни — охотой и оленеводством. До середины 1960-х гг. взрослые мужчины-тофы уходили в зимний период на охоту.

4. Сформировалась особая система этносоциальной стратификации, при которой у тофов преобладают традиционные виды хозяйственной деятельности — охота и оленеводство, а представители других этносов, главным образом русского, заняты в сфере управления, обслуживания, культуры.

5. Преобладание русского языка привело к резкому сокращению сферы использования языка тофов.

6. Монополизм государства способствовал тому, что экономика Тофаларии приобрела однобокий характер, ориентирована, главным образом, на добычу пушнины.

По сути дела, резкое изменение уклада жизни, обрыв преемственности при переходе от традиционной к совре-

менной культуре – вот те причины, которые породили современные проблемы.

По данным, полученным в администрации Нижнеудинского района, в 1995 г. в Тофаларии проживало 649 (по переписи 2002 г. – 654) тофов и 454 (в 2002 г. – 506) представители других этносов. До 1930-х гг. доля иноэтничного населения была незначительной, русских здесь проживало мало, однако в послевоенный период численность русских и лиц другой национальности, живущих в Тофаларии, стала возрастать. В этом крае активно происходят ассимиляционные процессы. Тофаларских семей, где все их члены принадлежат к коренной национальности, насчитывалось всего 87: это составляло 317 человек, или 50,3% общей численности тофов¹. «Истинных» тофов, согласно данным Красноярского филиала Новосибирского института этнографии, осталось всего 50–70 человек².

Этнически чистых тофов фактически становится все меньше, однако по официальной статистике, как это ни парадоксально, все больше. Дело в том, что в Тофаларии увеличивается количество межэтнических браков; дети от таких браков записываются обычно тофами. Неотрегулированность вопроса о критериях учета национальной принадлежности провоцирует различного рода злоупотребления в плане незаконного получения льгот (государственное обеспечение, льготы при поступлении в вузы и т. п.) лицами, фактически не являющимися тофами. Весьма незначительные, по современным понятиям, льготы только для лиц тофаларской национальности способствуют осложнению межэтнических отношений между жителями Тофаларии³.

Происходят в горном крае серьезные изменения и демографического характера. За последние 15 лет рождаемость неуклонно снижается, растет смертность. Уровень медицинского обслуживания в Тофаларии крайне низкий.

¹ Елин С.П. Этносоциальные проблемы Тофаларии // География и природные ресурсы. 1993. № 3. С. 126.

² Харламов В. Тофалария, боль наша // Вост.-Сиб. правда. 1995. 16 авг.

³ Елин С.П. Указ соч. С. 126; Харламов В. Агония // Вост.-Сиб. правда. 1993. 15 марта.

На всю Тофаларию имеется всего одна сельская участковая больница; в Верхней Гутаре и Нерхе имеются только фельдшерско-акушерские пункты. Транспортировка больных авиацией в Нижнеудинскую центральную районную больницу подчас невозможна из-за сложных метеорологических условий, а подчас, особенно в последние годы, из-за отсутствия средств на оплату санитарных рейсов.

Немало проблем и в социокультурной сфере. Предметом особого беспокойства как многих тофов, так и ученых, педагогов является организация обучения детей тофов в школах-интернатах и искусственное принижение роли семьи в воспитании юного поколения. Отсутствие малокомплектных неполных средних школ в Нерхе и Верхней Гутаре вынуждает детей из этих поселков проживать в интернате с Алыгджер и длительное время находиться вне своих семей. В результате этого многие из тофаларских детей не перенимают от родителей уникальные навыки, необходимые будущему охотнику и оленеводу. Обособленное от семьи воспитание детей подрывает своеобразный, выработанный многими поколениями, жизненный уклад тофов.

Обострились в последние годы в Тофаларии и социально-экономические проблемы. С 1920–1930-х гг. экономика Тофаларии была ориентирована на добычу пушнины, развитие транспортного оленеводства для нужд различных организаций, заготовку даров природы. По сути дела, экономика носила однобокий, добывающий характер. Как это ни парадоксально, обладая пушниной, золотом и другими полезными ископаемыми, Тофалария влачит жалкое существование, а ее экономика является на протяжении десятилетий хронически убыточной¹. В чем же дело?

С XIX в. в Тофаларии добывается золото. Саянский соболь, который на протяжении нескольких веков поступал в казну России, наивысшего качества. Доход от продажи пушнины, в том числе и той, которую добывали тофы, в XVII в. составлял треть доходов государства Российского. До начала XX в. пушнина являлась существенным источником

¹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 237-260.

пополнения государственной казны России¹. Вся основная производимая продукция (добыча пушнины, мускуса кабарги) является убыточной во многом из-за низких закупочных цен. Государство, являясь монополистом, скупало продукцию у производителя по низким ценам, получая от ее продажи впоследствии немалые доходы². За счет разницы в ценах процветают конторы и торговые предприятия, а Тофалария, ее жители, влачат нищенское существование. Большинство трудоспособных жителей этого края занято на работе в зверопромхозе, добывают пушнину, заготавливают мясо диких животных, кедровый орех, грибы, ягоды и другие дары тайги, ловят рыбу.

В настоящее время основной вид заработка местного населения Тофаларии — добыча кабарги. По данным опроса тофаларских охотников, за последние пять лет численность кабарги на их участках сократилась в два раза. Если не принять правовых мер по охране кабарги, то ее постигнет та же участь, что и снежного барса, когда-то обитавшего в Присаянье³.

В последние годы в Тофаларии обостряется проблема занятости населения, в частности, автохтонного, особенно среди женщин. Уровень безработицы в 1994 г. достигал у тофов около 20%⁴, в 1996 г. среди трудоспособного населения — почти 60%⁵, в настоящее время — еще выше.

¹ Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия // Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 25.

² Шадрин Г. «Давайте смотреть правде в глаза» // Путь Ильича. 1989. 10 июня; Исаков А Тофалария без экзотики // Вост.-Сиб. правда. 1989. 17 авг.; Федоров В. Тофалария богатая и нищая // Земля (Иркутск). 1993. 15 марта; Елин С.П. Указ. соч. С. 127.

³ Мишина М. «Куплю душевный восторг»// Иркут. ведомости. 2002. 3 дек. С. 6.

⁴ Елин С.П., Маглеев А.А., Парфенов В.М. Социально-экономическая реабилитация малочисленных этносов Иркутской области // Социс. 1994. № 7. С. 134.

⁵ Алексеев В.Р., Парфенов В.М. Тофалария: современное состояние и некоторые пути развития // Россия и Восток: взгляд из Сибири / Материалы и тез. докл. к 11 международ. науч.-практич. конф., Иркутск, 13-16 мая 1998. Т. 1. Иркутск: Иркут. ун-т, 1998. С. 221.

Без решения этих сложнейших проблем невозможно вести речь о возрождении тофаларского этноса, развитии Тофаларии в XXI в. Задача эта может быть выполнена лишь при наличии научной программы возрождения Тофаларии. Для подготовки подобной программы необходима организация комплексных научных экспедиций, подобных тем, которые работали в 1920-х гг. под руководством Б.Э. Петри, с включением в их состав специалистов различного профиля. Программа возрождения и развития Тофаларии должна содержать мероприятия политико-правового, социально-экономического и социокультурного характера.

Политико-правовая часть программы должна включать механизм государственного патроната тофов и Тофаларии в целом; формы представительства тофов в областной администрации, в Законодательном Собрании Иркутской области, в администрации области или хотя бы Нижнеудинского района; правовой механизм, обеспечивающий возрождение и дальнейшее развитие Тофаларии и этносов, проживающих на ее территории; определение правового статуса тофов и границ их этнической территории; порядок пребывания и проживания в Тофаларии лиц иноэтничного и инотерриториального происхождения; определение системы льгот для всех жителей Тофаларии, независимо от их этнической принадлежности.

Основу социально-экономического раздела программы могут составить такие направления, как: научное прогнозирование и помощь населению Тофаларии в определении дальнейшего социально-экономического развития; разработка программы оказания помощи в развитии традиционных форм хозяйства с учетом современных научных и технических достижений; защита экономики и экономической деятельности на территории Тофаларии; разработка механизмов, способствующих использованию продуктов золотодобычи и других природных богатств на территории Тофаларии в интересах развития этого горного края; развитие туризма, в том числе и иностранного охотничьего; создание современных устойчивых коммуникаций; разработку

программы по решению жилищной проблемы, развитию здравоохранения, ликвидации безработицы.

И, наконец, социокультурная часть программы должна содержать мероприятия, направленные на пересмотр системы образования и воспитания с учетом этнических особенностей тофов; на оказание государственной помощи в развитии языка тофов, духовной культуры тофов, а также культур других этносов, проживающих в Тофаларии.

В настоящее время и на ближайшую перспективу в отношении программы возрождения и дальнейшего развития Тофаларии должен быть положен принцип государственного протекционизма как основополагающий, ибо без помощи государства и его органов, как показывает зарубежный опыт, невозможно преодолеть кризисные ситуации в развитии немногочисленных этносов и малых территорий, обеспечить их устойчивое развитие.

Земские учреждения народов Восточной Сибири в начале XX в.¹

Земства как органы местного самоуправления возникли в России в ходе земской реформы 1864 г. в соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях». По «Положению» 1864 г. круг деятельности земств был ограничен вопросами местного хозяйства; они получили право вводить специальные налоги для покрытия своих расходов. Расходы делились на «необязательные» и «обязательные»: дорожная, квартирная, подводная повинности, содержание гражданского управления, тюрем, мировых судей. С 1890-х гг. в центре внимания земских учреждений находились народное образование, библиотечное дело, здравоохранение, ветеринария, статистика и другие сферы деятельности.

¹ Качанов В.Н. Земские учреждения народов Восточной Сибири в начале XX в./ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономич. ежегодник: 2005. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005.

Вопрос о необходимости установления земств, в том числе и у автохтонных народов Восточной Сибири, активно обсуждался с начала XX в., особенно после издания указа Николая II от 12 декабря 1904 г. о введении земских учреждений в Сибири.

До октября 1905 г. в Восточной Сибири было подготовлено более 20 проектов о введении земских учреждений, разработанных как представителями русского населения, так и автохтонных народов региона.

Проблема создания земских учреждений активно обсуждалась представителями бурятской национальной элиты на съезде бурят Забайкальской области, проходившем в г. Чите с 26 по 30 апреля 1905 г. и особенно на губернском съезде бурят в г. Иркутске 21-22 августа 1905 г. На августовском съезде вопрос о земской реформе вызвал самые оживленные споры. Участники съезда определили структуру будущих земских учреждений, отметив, что последние подразделяются на «мелкие, ведающие всеми делами в пределах одного инородческого ведомства» и «губернские, ведающие всеми делами в пределах губернии»¹.

В 1905 г. вопросы введения земского самоуправления, создания земских учреждений неоднократно обсуждались якутской интеллигенцией. Летом 1905 г. совет Якутского сельскохозяйственного общества (ЯСХО) под руководством В.В. Никифорова подготовил доклад «Задачи земства в Якутской области»². Представители якутского народа рассматривали земство как панацею для решения всех проблем своего народа. В октябре 1905 г. губернатор В.Н. Булатов созвал совещание по вопросу о введении в Якутской области земского самоуправления. В работе совещания приняли участие улусные головы, видные деятели национальной интеллигенции. Участники совещания-якуты во главе с В.В. Никифоровым составили проект, в котором особо выделялись три момента: во-первых, земля в области должна

¹ Егунов Н.П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. С. 139-142.

² Федоров В.В. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). Кн. 1. М.: Академия, 2002. С. 161.

принадлежать местным жителям; во-вторых, в пределах области вводится полное земское самоуправление; в третьих, законность действий земства определяет только независимый суд¹.

Осенью 1905 г. вопросы разработки земских учреждений обсуждались и в Хакасии. 9-10 октября 1905 г. состоялся Минусинский уездный съезд, на котором присутствовали уполномоченные от 24 волостей и двух инородных управ. Председателем съезда был избран выборный от Сагайской волости А.Е. Монаков. В проекте съезда, подготовленном представителями хакасской элиты М.Е. Спириным, Н.А. Окуновым, А.И. Асочаковым, введение земства связывалось со скорейшим созывом Учредительного собрания, выдвигались требования ликвидации института крестьянских начальников, уездной полиции, волостного суда, обеспечения прав хакасов в уездном земстве².

В начале ноября 1905 г. состоялся Аскизский инородческий сход, на котором присутствовали родовые старосты и доверенные Аскизской управы, голова и 5 «почетных инородцев» от Абаканской управы. Сход занялся разработкой проекта нового управления хакасами в связи с распространением у них земских учреждений. В основу выработанного сходом проекта была положена программа, составленная 22 августа 1905 г. съездом бурят Иркутской губернии. Представители хакасской национальной элиты – участники схода – высказались за упразднение института крестьянских начальников, отмену закона 1901 г. о распространении частного землевладения в Сибири, за введение обязательного бесплатного обучения в школе. С целью избежать нежелательного давления на мелкое инородческое земство участники схода высказались за независимость земских учреждений хакасов от уездной администрации³.

Практической реализации данные предложения в последующие годы не получили и к 1910 г. ожидания земской ре-

¹ Федоров В.В. Указ соч. С. 165.

² История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. С. 457-458.

³ История Хакасии с древнейших..... С. 459-460.

формы в Восточной Сибири почти прошли. В конце августа – начале сентября 1912 г. состоялся съезд якутов, подготовленный и проведенный по инициативе В.В. Никифорова, на котором представители якутской национальной интеллигенции еще раз обратили внимание общественности на необходимость учреждения земства в Якутии¹.

17 июня 1917 г. Временное правительство издало указ о введении уездного и волостного земства как органов местного административно-хозяйственного управления в районах, где земские учреждения до того времени отсутствовали, в том числе и в Восточной Сибири. По этому указу земской единицей считались уезд и волость. Лидеры бурятских национальных организаций не согласились с таким решением и стали добиваться права на особое управление – национальные земские учреждения. Активную позицию в этом отношении занимал Иркутский отдел Бурятского Национального комитета. Он не согласился с решением краевого съезда исполнительных Комитетов общественных организаций Восточной Сибири, на котором большинство было за эсерами, о том, что самоуправление должно распространяться только на сферы культуры и просвещения. По мнению руководителей Иркутского отдела Бурнацкова, исполнительные органы, лишённые административно-хозяйственных функций, фактически не смогут защищать интересы бурят. 3-й съезд бурят Иркутской губернии постановил о практическом введении земского управления и принял «Временное положение о бурятском национальном земстве». В нем отмечалось, что, во-первых, «в состав аймаков входят все бурятские хошуны, находящиеся в пределах Иркутской губернии; во-вторых, аймачное земство обладает всеми правами уездного земства и имеет все соответствующие уездные земские учреждения для заведования отдельными отраслями земского хозяйства, народного образования, агрономической помощи населению и т. п.»².

¹ Федоров В.В. Указ. соч. С. 193.

² История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. С. 273.

Окончательно вопрос о введении земства как основной административной единицы будущей бурятской автономии был решен на 3-м общенациональном съезде бурят в октябре 1917 г. Однако среди бурят нашлись и противники национального земства, так называемые «антиаймачники», доказывавшие нежизнеспособность обособленных бурятских земств и выступавшие за создание единых органов управления на территориях со смешанным населением. Самым серьезным их аргументом против введения чисто национальных земских учреждений была чересполосица, возникавшая в результате землеустроительных работ и усугубившаяся при выделении аймаков из уездов.

Большинство бурятского населения поддерживало идею национальных земских учреждений. В значительной мере это объяснялось тем, что никакие другие органы не противостояли национальным земствам. Советов крестьянских депутатов в период между Февральской и Октябрьской революциями на территории проживания бурят не было, они стали создаваться только после установления Советской власти¹.

В конце 1917 – начале 1918 г. у бурят активно создавались национальные земства – аймаки и их органы управления. 20 ноября 1917 г. в с. Ользоны Верхоленского уезда состоялось совещание бурят по учреждению аймачного земства². Общебурятский съезд, проходивший с 28 ноября по 5 декабря 1917 г. в г. Верхнеудинске, постановил ввести в аймаках явочным порядком национальные земства. 25 января 1918 г. Иркутская губернская комиссия по введению земств под председательством П. Д. Яковлева утвердила решение об образовании Ангарского, Эхирит-Булагатского и Тункинского земств. Участники земского собрания Эхирит-Булагатского аймака, состоявшегося с 14 по 19 февраля 1918 г., призывали «все хошунные управы к единению во-

¹ История Усть-Ордынского... С. 276.

² ГАИО. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2об.

круг основных задач строительства свободной национальной жизни и к активной работе на местах»¹.

Весной 1918 г. при организационном отделе Центросибири был создан сектор по организации Советской власти в бурятских улусах. Были сделаны определенные шаги к установлению сотрудничества советских организаций с национальными, и прежде всего Иркутским отделом Бурнацкова. Признав советскую власть как существующее явление, Бурнацков вместе с тем остался на позициях нейтралитета по отношению к ней и неучастия бурятских масс в революционном движении. Этой линии поведения национальные органы управления бурят придерживались вплоть до ликвидации советской власти в Восточной Сибири летом 1918 г. Поэтому вполне объяснимо, почему иркутские большевики заняли довольно жесткую позицию по отношению к аймачному земству и стремились к ликвидации аймачных земских учреждений и замене их уездными Советами. Несмотря на усилия губернских советских органов по советизации бурят, реальная власть в аймаках оставалась в руках земских учреждений.

Деятельность национальных земских органов бурят была весьма разнообразной: урегулирование земельных конфликтов между бурятами и русскими переселенцами; борьба с тарасунокурением как «главным фактором вымирания и обнищания бурят»²; развитие народного образования; оказание агрономической помощи; организация ветеринарного дела; здравоохранение; осуществление судопроизводства; продовольственное дело и многие другие вопросы повседневной жизни бурятского народа.

Летом 1918 г. процесс советизации был прерван гражданской войной. Сначала в Сибири была установлена власть эсеровского Временного правительства, а в ноябре 1918 г. военная диктатура Колчака. Отношение данных режимов к земствам, особенно национальным, было настроенным, а иногда и откровенно отрицательным.

¹ ГАИО. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

² ГАИО. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1. Л. 105-106.

Положение национальных земских учреждений в 1918-1919 гг. было усугублено политическим хаосом и экономической разрухой. По существу, функции земских учреждений были сведены к сбору налогов и проведению насильственной мобилизации в белую армию.

По декрету колчаковского правительства предусматривалось изъятие части бурятских земель и передача их колчаковскому офицерству на правах частной собственности. Бурятское население страдало от непомерных налогов, реквизиции хлеба, скота, фуража. При колчаковской власти взимались также недоимки с ясачного сбора и недоимки с крестьян за прошлые годы.

К середине 1919 г. обстановка в западной Бурятии, как и в других национальных районах Восточной Сибири, была такова, что население отказывалось признавать власти и подчиняться им. Земские управы не могли наладить нормальную жизнь, их авторитет, а также влияние видных деятелей земских учреждений падали¹.

После победы антиколчаковского восстания в Иркутске в январе 1920 г. аймачные земские управы были ликвидированы и вместо них образованы хошунные революционные комитеты. В начале февраля 1920 г. исполнительный комитет Иркутского Совета постановил ликвидировать губернское земство. С этого времени власть в аймаках губернии окончательно перешла к советским революционным комитетам. Примерная же эволюция национальных земских учреждений имела место в Хакасии и в Якутии в 1917–1920-е гг.

¹ История Усть-Ордынского... С. 350.

Социально-экономические предпосылки возникновения национальных движений народов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.¹

В конце XIX – начале XX вв. территории проживания коренных народов Восточной Сибири – бурят, хакасов, якутов были вовлечены в сферу капиталистического производства. Строительство Транссибирской железной дороги способствовало бурному развитию буржуазных отношений в регионе.

Капитализм проникал не только в хозяйство русских крестьян, но и в среду коренного населения. К началу XX в. среди бурят, хакасов и якутов получили значительное распространение товарно-денежные отношения. С развитием товарного земледелия и скотоводства усилилось применение наемного труда в сельском хозяйстве автохтонных этносов, социальная дифференциация среди названных народов.

По данным социально-экономических исследований, к концу XIX в. в пяти волостях Иркутского и Балаганского уездов бедная группа (имевшие не более 10 десятин), составляя 48,3% всего числа дворов, имела всего лишь 1/5 всей пашни и всего скота. В Верхоленском уезде безлошадные и однолошадные дворы составляли 41% всего числа дворов. Если безлошадные и однолошадные дворы жили преимущественно продажей рабочей силы, то многолошадные держали от 5 до 10 батраков, нанятых на годовой срок².

На рубеже XIX–XX вв. происходила концентрация основных средств производства – скота и земли – у хакасских баев. По данным обследования 1909-1910 гг., на 100 душ обоего пола в группах хозяйств без лошадей и с 1-2 лошадьми приходилось 299 голов скота в переводе на круп-

¹ Качанов В.Н. Социально-экономические предпосылки возникновения национальных движений народов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008.

² История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. С. 175-177.

ный, а в группах хозяйств со 101-200 лошадьми, с 201 и более — 11014 голов скота¹.

Баи широко использовали различные формы эксплуатации, как докапиталистические, замаскированные под родственную взаимопомощь, так и основанные на применении наемного труда. Использование последнего значительно возросло в начале XX в. В 1909-1910 гг. в группах хозяйств без лошадей и с 1-2 лошадьми в работники нанимались мужчины из 54-73% хозяйств, а в группах хозяйств с 50-100, 101-200, с 201 и более лошадей нанимали работников 64-92% хозяйств².

Свои особенности имели социально-экономические отношения, связанные с правом собственности на землю, в Якутии. Земли принадлежали определенному обществу якутов и периодически распределялись между его членами мужского пола. Порядок распределения земли, носивший название «классной системы», оставался неизменным до установления советской власти. Наделы делились на 5 классов: в первый класс попадали богатые якуты, платившие соболиный оклад; во второй — зажиточные родовичи; в третий — бедняки; в четвертый — служащие в работниках и в пятый — «дряхлые, калеки и нищие»³.

Тойоны и родовая знать захватывали лучшие земли и покосы своих бедных сородичей. Так, С.П. Барашков из Кичинатского наслега Западно-Кангаласского улуса в начале XX века фактически сосредоточил в своих руках 89 десятин пашни, 44 десятины покоса и 41 десятину выгона, присваивая наделы ушедших на заработки и умерших сородичей, беря земли бедняков в аренду за уплату налогов⁴.

К началу XX в. происходил процесс социальной дифференциации в якутской деревне: к 1917 г. кулаков было 7%,

¹ История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. С. 426.

² История Хакасии с древнейших... С. 427.

³ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций.(1900—1919). Кн. 1. М.: Академия, 2002. С. 86.

⁴ Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX-XX века. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. С. 121.

средняков – 50%, бедняков – 42 %. Однако приведенные данные, как подчеркивает историк В. Федоров, не характеризуют остроты социального противостояния на селе, поскольку она была значительно нивелирована патронажными взаимоотношениями членов общества¹.

По мере усиления социального расслоения, обострялось противостояние между богатой и бедной частью автохтонного населения региона. Одной из форм выражения протеста бедноты были приговоры и жалобы в местные и высшие административные органы на притеснения со стороны нойонов, баев и тойонов.

Царское правительство, проводя политику модернизации страны в конце XIX – начале XX вв., пыталось унифицировать социально-экономические и административно-правовые отношения, имевшие место у коренных народов Восточной Сибири, привести их в соответствие с общероссийскими нормами.

Начиная со второй половины 1860-х гг. чиновники Иркутской и других сибирских губерний по требованию центральных властей приступили к изучению вопроса о возможности распространения на народы Сибири ряда положений крестьянской реформы 1861 г. В 1872 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева была образована специальная межведомственная комиссия. Члены комиссии, изучив состояние дел у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области, предлагали подчинить русское и бурятское население действию единого земельного и административного законодательства. Поземельное устройство бурят на одинаковом с русскими крестьянами основании должно было послужить средством не только для перехода бурят к оседлости, но и для уравнивания их с русскими крестьянами в отношении отбывания податей и повинностей.

Важная роль в разработке аграрного законодательства для коренных народов Восточной Сибири принадлежала иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину. Он по-

¹ Федоров В.И. Указ. соч. С. 139.

следовательно отстаивал принцип землеустройства оседлых и кочевых бурят на одинаковых основаниях с русским крестьянством. По настоянию А.Д. Горемыкина, Государственный совет принял решение о распространении законов о землеустройстве как на оседлых, так и кочевых представителей коренного населения Сибири. Утвержденное Николаем II, это решение приобрело силу закона от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской». Спустя два года, в июне 1898 г. было обнародовано «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета по проекту правил о порядке определения земельных наделов и производстве поземельно-устроительных работ, об отводе лесных наделов, определении местного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской».

В соответствии с вышеназванными законодательными актами 1896 г. и 1898 г., все бурятское население Иркутской губернии и хакасы Енисейской губернии подлежали землеустройству. Буряты и хакасы приравнивались в землепользовании к русским сибирским крестьянам с наделом 15 десятин на душу мужского пола.

Опубликование «Главных оснований поземельного устройства...» и «Правил о порядке определения земельных наделов...» вызвало поток просьб бурятских ведомств о приостановлении землеустройства. Весной и летом 1899 г. на имя иркутского генерал-губернатора поступило 11 жалоб от бурят ведомств Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов; в октябре 1899 г. представители 16 бурятских ведомств губернии обратились с аналогичными ходатайствами в Министерство земледелия и государственных имуществ, в Министерство внутренних дел.

В мае 1900 г. поземельное устройство бурят Иркутской губернии было приостановлено «до собрания ...подробных данных об условиях их экономического быта»¹.

¹ История Усть-Ордынского... С. 211-212.

Были предприняты царским правительством и мероприятия по проведению земельной реформы у бурят Забайкальской области. Результатом проведенной работы явилось «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об утверждении Главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области» от 5 июня 1900 г.

Опубликование этого закона также вызвало бурный протест бурят Забайкалья, поток прошений, просьб об отмене реформы «на 50-60 лет»¹.

Попытки урегулирования земельных отношений среди якутов были предприняты в 1901-1903 гг. губернатором Якутской области В.Н. Скрипицыным. Однако отсутствие правовой основы для действий губернатора, а также мощное противодействие со стороны тойонов и родоначальников не позволили реализовать это намерение².

Землеустроительные работы среди бурят и хакасов осуществлялись на протяжении 1908-1916 гг. К 1917 г. землепользование бурят в среднем по Иркутской губернии уменьшилось на 47%³. У хакасов Абаканского ведомства было отрезано 37,3% удобной земли⁴. Землеустройство подрывало и скотоводческое хозяйство бурят и хакасов.

Землеустройство, в известной степени, нанесло удар по земельным правам родовой аристократии, ослабило ее экономическое и политическое значение, но не уничтожило власти богатой верхушки.

Практическая реализация мероприятий в сфере земельного устройства (наведение порядка в системе земельных отношений, уравнительное наделение землей, сокращение количества земли) явилась основной причиной возмущений бурят и хакасов, организованных родоначальниками, возникновения национальных движений коренных народов Восточной Сибири в начале XX в.

¹ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 102.

² Федоров В.И. Указ. соч. С. 87-94.

³ История Усть-Ордынского... С. 218.

⁴ История Хакасии с древнейших... С. 464.

Национальное движение бурят в 1917 г.: эволюция политической деятельности¹

Февральская революция 1917 г. открыла качественно новый этап в национальном движении бурят. Свержение царизма, переход государственной власти в руки буржуазии, начавшаяся демократизация политической жизни подняли на новую ступень национальное движение не только в России в целом, но и среди бурятского народа.

Представители бурятской интеллигенции, возглавлявшие национальное движение, восприняли Февральскую революцию с большим энтузиазмом и полагали, что революция «скажет новое неслыханное доселе слово в области национальных отношений»².

Буквально в первые же дни революции бурятские общественные деятели активизировали свои действия по рассмотрению и решению актуальных проблем политической, социальной и культурной жизни своего народа.

В этот период активно формируются политические идеи, направленные на национальное возрождение бурят. Уже 6 марта 1917 г. видные деятели бурятского национального движения М.Н. Богданов и Э.-Д. Ринчино созвали в Чите первое частное совещание бурятских общественных деятелей. Участники совещания рассмотрели вопрос об отношении бурят к текущим событиям политической жизни и высказались за организацию поддержки Временного правительства бурятским населением, пропаганду идеи созыва Учредительного собрания, подготовку народа к выборной кампании. Для защиты и представительства национальных интересов совещание образовало организационный комитет по созыву общепурятского национального съезда. В состав комитета вошли Ш.Б. Бадмаев, М.Н. Богданов, Ш.Б. Базаров, Э.-Д. Ринчино, Н.Н. Намдаков, С.С. Сампилов. Председателем

¹ Качанов В.Н. Национальное движение бурят в 1917 г.: эволюция политической деятельности/ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007.

² Элбек Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 36.

комитета был избран М.Н. Богданов, а секретарем – Э.-Д. Ринчино.

Национальное движение бурят Иркутской губернии возглавила группа бурятской интеллигенции в составе В.Л. Егорова, А.А. Убугунова, И.С. Дурхисанова, А.Р. Коняева, И.Г. Салтыкова, И.И. Тунуханова. Они находились в тесном контакте с забайкальскими деятелями.

На втором частном совещании общественных деятелей Забайкальской области (10 марта 1917 г.) было принято решение добиваться национальной автономии для бурят с учреждением сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, здравоохранения и религии¹.

12 марта 1917 г. на третьем совещании участвовало уже около 60 бурятских общественных деятелей. По вопросу о национальной автономии было принято дополнительное предложение о том, что автономия должна быть распространена на всех бурят, не исключая казаков и тунгусов, говорящих на бурятской языке, если они пожелают присоединиться к требованиям о национальной автономии.

Практически в то же время, 9 марта 1917 г. в Петрограде был создан Бурятско-Калмыцкий комитет, председателем которого был избран Н.А. Ханхасаев, уполномоченный бурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны и заведующий бурятским лазаретом в Петрограде. В принятом в день создания комитета постановлении, он провозгласил создать на местах общественные организации бурят и калмыков взамен старой системы управления, уничтожить институты крестьянских начальников, уездную полицию; новый порядок осуществлять на началах национально-культурного самоопределения; учредить народную милицию вместо полиции; осуществлять подготовку к созыву Учредительного собрания. Для выполнения этих задач комитет планировал избрать комиссаров².

¹ Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. Документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. Улан-Удэ, 1994. С. 7-8.

² Там же. С. 9.

Бурятско-Калмыцкий комитет выступал перед представителями Временного правительства от имени всех бурят и калмыков, не имея на то полномочий от этих народов. Активизировалось национальное движение и на местах. Буряты во всех аймаках Забайкалья выступали с требованиями предоставления им автономии, разрешения земельного вопроса, проблем культурно-национального строительства. Перспективы развития бурят в этот переломный для всех народов России исторический период стали основополагающими в теоретических дискуссиях и практической деятельности лидеров национального движения.

Первый съезд представителей бурятского населения Забайкальской области и Иркутской губернии состоялся 23-25 апреля 1917 г. в г. Чите. На съезде активно обсуждался вопрос о форме и характере национальной автономии бурят. В результате многочисленных дебатов съезд утвердил «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», согласно которому национальная автономия приобретала следующую форму: высшим органом управления должен был быть общенациональный съезд, а между съездами – Бурятский Центральный Национальный Комитет (Бурнацком). На основании решений съезда на местах создавались сомонные (сельские), хошунные (волостные), аймачные (уездные) комитеты, подчинявшиеся Бурнацкому. Ведению Бурнацкома подлежали вопросы культурно-национального, правового и экономического возрождения народа.

Программа бурятского национального движения предусматривала организацию бурятской автономии, возрождение экономики и культуры народа в рамках российского государства и существующего строя. При этом автономия подразумевала организацию административного устройства всей жизни только бурятского населения.

С целью официального решения вопроса о самоуправлении бурят 13 июля 1917 г. председатель бурятского национального комитета Э.-Д. Ринчино отправил телеграмму председателю Совета министров Е. Львову, в которой обосновывал принятую на общепурятском съезде схему национального самоуправления и просил дать санкцию на ее утверждение. Э.-Д. Ринчино подчеркивал, что «буряты не стремятся к восстановлению старых Степных Дум, находя их строй недостаточно демократичным и создали свое управление на новых началах»¹.

Предложенная бурятскими деятелями форма самоуправления не нашла поддержки со стороны Временного правительства и его местных органов. Проходивший в июле 1917 г. Восточно-Сибирский краевой съезд представителей комитетов общественной безопасности выразил отрицательное отношение к идее национального самоопределения бурят. Большинство участников съезда высказались за предоставление народам Сибири лишь права на культурно-национальную автономию. Бурятские аймаки имели право заниматься только вопросами культурно-национальной работы.

На втором общепурятском съезде (10-15 июля 1917 г.), проходившем при Гусиноозерском дацане, было принято решение о введении земства среди бурят. Съезд постановил, что хошун является первичной земской единицей и состоит исключительно из улусов, населенных бурятами. Аймаки являются уездными земскими единицами, в состав которых входят хошуны.

Большое значение в создании национальной автономии имел третий общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, проходивший 8-15 октября 1917 г. в г. Верхнеудинске. Э.-Д. Ринчино выступил с докладом об аймачном земстве. В докладе им обосновывалась позиция Национального комитета, выступившего за национально-обособленное аймачное земство, против смешанных уездных земских организаций. Бурнац-

¹ Там же. С. 33-34.

ком считал, что смешанные уездные земства с их русским большинством не дадут бурятам возможности в полной мере отстаивать свои национальные интересы.

Лидеры национального движения бурят практически тем самым отказывались от культурно-национальной автономии и выдвинули положение об образовании национально-обособленного аймачного земства как главной административно-территориальной единицы будущей национальной автономии.

На съезде было решено учредить Центральный бурятский Национальный комитет с резиденцией в г. Чите, а в Иркутске его отдел.

Активно обсуждался на съезде и земельный вопрос. С докладом по данной проблеме выступил Э.-Д. Ринчино. Он отметил необходимость составления докладной записки о земельных и экономических нуждах бурят для представления в Учредительное собрание. С подобными предложениями выступили и председатели аймачных земельных комитетов, которые констатировали, что всюду происходит самочинный захват русским населением бурятских земель. Съездом была образована Земельная комиссия при национальном комитете¹.

Таким образом, после февральской революции 1917 г. лидеры бурятского национального движения настойчиво пропагандировали идею национального возрождения путем приобретения национальной автономии, решения социально-экономических и культурологических проблем. Во второй половине 1917 г., несмотря на противодействие центральных и местных органов власти, эти идеи стали претворяться в жизнь на территории проживания бурят. Был образован Бурятский Национальный Комитет, который координировал практическую деятельность по созданию национальных органов управления в аймаках, руководил их работой по решению правовых, социально-экономических

¹ Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 86.

проблем, вопросов образования, здравоохранения, культуры, в целом.

Октябрьскую революцию и свержение Временного правительства лидеры бурятского национального движения встретили негативно, расценив ее как захват власти одной партией и выступили за создание коалиционного правительства. Конкретными шагами в этом направлении стала поддержка Бурнацкомом инициативы сибирских областников по автономии Сибири и участие в декабре 1917 г. в создании «Народного Совета» — коалиционного органа областной власти Забайкалья.

С 28 ноября по 5 декабря 1917 г. в Верхнеудинске состоялся общепурятский съезд, на котором с докладом о политических событиях и впечатлениях о захвате власти большевиками выступил Ц. Бадмажапов, командированный октябрьским общенациональным съездом в Петроград для доклада Временному правительству по вопросу о введении земства среди бурят. На этом съезде Бурнацком получил наказ «держаться примиренческой линии, стремиться всеми мерами и силами к объединению враждующих русских партий и групп на почве взаимных уступок, стараться не сходить с этой позиции»¹.

Бурятские национальные деятели связывали большие надежды с Учредительным собранием. Выборы в Учредительное собрание, проведенные в ноябре 1917 г. выявили следующую расстановку политических сил: из 98 225 избирателей Забайкальской области 49 363 избирателя (50,2%) подали свои голоса за эсеров, 17 083 (17,4%) за кандидатов Бурнацкома². Таким образом, наибольшей популярностью среди избирателей Забайкалья пользовалась партия эсеров, среди бурят — Бурнацком.

Роспуск Учредительного собрания большевиками и провозглашение «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» не были приняты лидерами бурятско-

¹ Элбек Доржи Ринчино. Документы... С. 161.

² Цэцэгма Ж. Бурятская национальная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ, 2006. С. 93.

го национального движения. Они продолжали оставаться сторонниками правых эсеров, выступавших за демократию, классовый мир и национальное (областное) единство малых народов. Практически эта позиция входила в непримиримое противоречие с политическими установками большевистской партии и советской власти.

В конце декабря 1917 г. на областном съезде земских организаций и комитетов безопасности Забайкальской области был создан коалиционный Народный Совет. В него вошли 15 представителей от Советов рабочих и солдатских депутатов, 30 представителей от крестьян, казаков и инородцев и 5 представителей от городских дум. Власть в Забайкальской области перешла к Народному Совету. По текущему моменту съезд принял резолюцию, предложенную представителями Бурнацкома – «компромиссную форму организации и власти в лице Народного Совета из представителей всех слоев населения, избранных на основе социалистическо-демократической коалиции»¹.

В феврале 1918 г. Народный Совет был распущен большевиками Читы при поддержке прибывших с фронта революционно настроенных казачьих частей. Власть перешла к созданному Комитету советских организаций Забайкальской области.

Бурнацком отнесся к перевороту отрицательно и рассчитывал занять независимое положение по отношению к советской власти, опираясь на казаков-бурят, вернувшихся с фронта. «Однако, – как пишет Э.-Д. Ринчино, – эти расчеты Центрнацкома не оправдались, буряты-казаки оказались совершенно деморализованными и лишенными всякого национального самоуправления»².

Свое отношение к советской власти Бурнацком выразил в специально принятом обращении «Ко всем бурят-монголам», в котором признавал советскую власть при условии сохранения органов земского управления, созыва

¹ Элбек Доржи Ринчино. Указ. соч. С. 161.

² Там же. С. 162.

нового Учредительного собрания. При этом он подчеркивал, что власть советская не есть власть всенародная¹.

Таким образом, на протяжении всего 1917 года — от февральской революции до установления советской власти — лидерам бурятского национального движения при различных органах политической власти удалось не только выдвинуть идею национальной автономии, но и создать, а затем и отстоять, сохранить национальные органы управления бурятского народа, добиться их практических результатов в социально-экономической и культурной сферах.

Становление национальных судебных органов бурят в первой четверти XX века²

До начала XX века как административное управление, так и правосудие среди бурят осуществлялись на основе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. М.М. Сперанского. Оседлые инородцы в области судебных прав и обязанностей были приравнены к сословиям государственных крестьян, мещан и поэтому среди них устанавливался общий для русского и автохтонного населения Сибири порядок организации судебных присутственных мест.

Организация судебных органов среди «кочевых инородцев» (бурят, эвенков и якутов) предусматривала установление трехступенчатой системы: родового управления, инородной управы и Степной думы. Царское правительство закрепляло за коллегиальными органами бурят право рассмотрения всех гражданских споров и уголовных деяний, за исключением преступлений против власти, преднаме-

¹ В течение всего учебного года осуществлял руководство и контроль за проведением воспитательной работы преподавателями кафедры.

² Качанов В.Н. Становление национальных судебных органов бурят в первой четверти XX в. / В.Н. Качанов // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28-29 ноября 2004.) Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004.

ренного убийства, грабежа, насилия, хищения казенного имущества и фальшивомонетничества.

Правительство Российской империи в начале XX века в целях унификации административного управления отменило нормы «Устава» 1822 г., что вызвало резкий протест автохтонного населения Сибири, в том числе и бурят. Разработка и практическая реализация «Временного положения об общественном управлении и суде инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г., осуществление земельной реформы явились основной причиной возникновения национального движения бурят в начале XX столетия.

В первые годы XX века в личных и коллективных прошениях императору представители бурятского этноса требовали восстановления привычных им органов управления и суда. Не добившись желаемого правомерными действиями, буряты и эвенки проявили резко отрицательное отношение к выборам должностных лиц нового управления и суда. Если в 1902 г. благодаря насилию и обману со стороны крестьянских начальников в некоторых ведомствах удалось провести выборы должностных лиц волостного и сельского управления, то в 1903 г. бурятское и эвенкийское население ответило решительным отказом от выборов, игнорировало их¹.

Вопрос о восстановлении национальных судебных органов активно обсуждался лидерами национального движения бурят на съездах бурятского этноса в 1905 г. Так, участники съезда, проходившего в г. Чите в конце апреля 1905 г., высказались за организацию «инородческого суда, действующего на основе обычного права». Инородческий суд предусматривал традиционную трехступенчатую систему: низшим звеном должен был быть почетный третейский суд в булуках, состоящий из 1-2 почетных судей; в масштабах управы или района, объединяющего небольшие смежные управы предполагалось образовать инородческий суд. Выс-

¹ Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. С. 273-274.

шим органом являлся бы съезд судей, который бы принимал окончательное решение, не подлежащее обжалованию¹.

Состоявшийся в августе 1905 г. в г. Иркутске, губернский съезд бурят, касаясь реорганизации инородческого суда, решил учредить в каждом ведомстве особый инородческий суд, состоящий из председателя и двух членов. К компетенции членов суда относились: разбор всех дел, которые до этого разрешались в словесной форме и у мировых судей; надзор за законностью земских мероприятий; рассмотрение жалоб обществ, союзов и частных лиц на неправомерные действия земских собраний и инородческих сугланов; регулирование конфликтов между инородческим самоуправлением и губернскими земскими учреждениями. В проекте особое место было уделено взаимоотношениям между русскими и бурятами. Гласные-буряты на земских собраниях должны были, по мнению авторов проекта, заседать совместно с представителями русских волостей. Разногласия между ними предполагалось разрешать в третейском суде². Однако эти проекты не удалось реализовать на практике в силу специфики социально-политических событий первого десятилетия XX века.

В 1917 г. проблема создания национальных судебных органов вновь стала одной из важнейших задач лидеров бурятского национального движения.

В разработанном в апреле 1917 г. «Статуте о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии» среди важнейших задач Центрального Национального Комитета названы организация и упорядочение национального суда³.

Вопрос об организации национального судоустройства бурят обсуждался на общепурятском съезде в июле 1917 г.,

¹ Егунов Н.П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. С. 133.

² Егунов Н.П. Указ. соч. С. 141-142.

³ Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. С. 17.

на съезде бурят Забайкальской области 9 августа 1917 г.¹ На съезде бурят Забайкалья была принята специальная новелла № 3 «Об устройстве народно-национального суда бурят-монголов Восточной Сибири»². В новелле отмечалось, что необходимость организации национальных народных судов вызвана усилением случаев самосуда, пьянства, преступности, развалом судебного дела³. Предполагалось создание судов трех инстанций. Первой судебной инстанцией должен был быть хошунный суд, который бы состоял из 5 судей: председателя суда и четырех членов. Для дел, переходящих в порядке апелляционного обжалования во вторую ступень, учреждались аймачные суды. Высшим судебным органом бурят должен был быть суд третьей ступени, созываемый Бурятским Национальным комитетом для разбора дел, обжалованных в кассационном порядке⁴.

Ведению национального суда бурят подлежали дела о преступлениях и проступках, совершенных бурятами «с целью разрушения существующей формы национального самоуправления и нарушения общественного порядка, равно и все прочие дела о преступлениях и проступках, совершенных на бурятской территории» за исключением правонарушений, подлежащих ведению общегосударственного суда: государственная измена; фальшивомонетничество; преступления по государственной службе и против имущества и доходов казны; лживые доносы и лжесвидетельства по делам общей подсудности; порча телеграфа и путей сообщения. Причем преступления, совершенные бурятами совместно с лицами иной национальности на бурятской территории, подлежали ведению национального суда бурят⁵.

С 21 по 28 сентября 1917 г. в Иркутске проходил краевой съезд инородцев по вопросу о создании особого суда для инородцев. Съезд был созван по инициативе Бурнацкома.

¹ Там же. С. 44, 56.

² Новелла №3 об устройстве народно-национального суда бурят-монголов Восточной Сибири. Чита. 1918. 12 с.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 3, 5, 7.

⁵ Там же. С. 7-8.

Помимо бурят Иркутской губернии и Забайкальской области, присутствовали на съезде и представители сагайцев Минусинского уезда, якуты из Якутской области¹.

Неоднократно вопрос о национальном судоустройстве рассматривался на заседаниях Бурятского Национального комитета и его Иркутского отдела: 12 сентября и 17 октября 1917 г., 27 января, 23 марта – 5 апреля, 16 августа 1918 г². Это свидетельствует о том, что лидеры бурятского национального движения проводили активную работу по созданию национальных судебных органов на протяжении 1917-1918 гг.

Косвенным подтверждением этой деятельности является повестка общенационального съезда бурят от 24 сентября 1918 г., на котором предполагалось обсудить проблему становления национального суда, а также заслушать доклады членов хошунных и аймачных судов³.

После прихода к власти, адмирал А.В. Колчак назвал среди своих главных задач «установление законности и порядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»⁴.

Это нашло отклик у населения Сибири. Буряты давно вынашивали мысль о создании национального судоустройства. Еще в начале 1918 г. на заседании Агинского аймачного земского собрания было решено пресекать преступления и наказывать за них согласно «обычному национальному праву» по усмотрению членов аймачной думы, хошунных управ, сомонных зайсанов и местного общества до 25 ударов розгами, штрафом в размере до трех тысяч рублей или

¹ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Томск. ун-т, 1991. С. 91.

² Национальное движение в Бурятии... С. 67, 76, 111, 135, 142.

³ Там же. С. 150.

⁴ Звягин С.П. Бурятский суд в 1918-1919 гг. // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1998. С. 17.

арестом на три месяца¹. Однако это была пока местная инициатива.

На правительственном уровне шаги по созданию национального суда бурят были сделаны несколько позднее. 28 апреля 1919 г. в г. Омске под председательством Г.А. Ряжского прошло первое заседание межведомственной комиссии по бурятскому суду. В нем участвовали: Н.А. Ананьин – представитель Забайкальского казачьего войска; И.И. Тунуханов – от Бурятской Народной думы и присяжный поверенный Г.В. Ксенофонтов.

В тот же день были заслушаны записки члена Бурятской Народной думы Б. Вампилуна. В документе, представленном думой, отмечалось, что при разрушении в 1917 г. старого суда было принято «Положение о национальном суде на началах судебной автономии». Его компетенция, с некоторым расширением по уголовным делам, была установлена на основании согласования ст. 37 «Положения об инородцах» 1822 г. и ст. 49 «Временного положения об управлении и суде кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. Предусматривалось, что суды будут действовать на бурятской территории до тех пор, пока не будут налажены государственный и судебный аппараты. Однако этому решению думы, как незаконному, воспротивилась прокуратура. Поэтому дума обратилась в Министерство юстиции с просьбой утвердить такие суды как временные.

Г.А. Ряжский успокоил собравшихся заявлением о том, что министр юстиции идет навстречу желанию бурятского народа. Участники заседания без голосования высказались в поддержку создания бурятского суда².

Результаты заседания в г. Омске были обсуждены 26 мая 1919 г. в Иркутске на заседании Иркутского отдела Бурятской Народной думы. С докладом выступил член комиссии по судопроизводству при министре юстиции Г.В. Ксенофонтов. Было предложено создать 4 типа судов: хошунные;

¹ Хаптаев П.Т. Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. С. 37.

² Звягин С.П. Указ. соч. С. 18.

аймачные; областной и бурятского отделения Иркутского окружного суда. Компетенция этих судов была следующей : хошунные занимались делами мировой юрисдикции; аймачные стали бы апелляционной инстанцией для хошунных судов; областной суд должен был стать апелляционной инстанцией для аймачных и первой инстанцией для рассмотрения уголовных дел без участия присяжных заседателей. Бурятское отделение занималось бы общими судебными установлениями. Общей кассационной инстанцией для всех видов дел стал бы правительствующий сенат¹.

Созданию национального суда воспротивился управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, который указал Бурятской народной думе на недопустимость национального суда. Он даже обратился с протестом в суд, но Иркутский окружной суд оставил его протест по поводу организации национальных судов без рассмотрения.

В августе 1919 г. из Омска вернулся член межведомственной комиссии по разработке проекта о национальном суде бурят, председатель Иркутского отдела Бурнардумы И.И. Тунуханов. Он сообщил о том, что компетенция мировых судей переходит на хошунные и аймачные суды. Все судьи указанных судов становятся выборными. Была уточнена и компетенция бурятского суда. К ней отнесли все основные дела общей подсудности и те из уголовных дел, которые разбираются без участия присяжных заседателей. Компетенция таких судов не распространялась на дела о преступлениях против государственной власти, а также против интересов и доходов казны.

В августе 1919 г. было образовано 2 аймачных суда в Забайкальской области и один такой суд в Иркутской губернии. Появился и Восточно-Сибирский суд бурят при Иркутском окружном суде².

На заседании Иркутского отдела Бурнацкома, состоявшегося 3 сентября 1919 г., отмечалось, что «органы национального управления и суда уже окончательно сфор-

¹ Национальное движение в Бурятии... С. 182.

² Звягин С.П. Указ. соч. С. 19.

мировались и в дальнейшем не нуждаются в руководстве Комитета»¹.

Однако проекту создания бурятского суда не суждено было сбыться из-за поражения режима А.В. Колчака. При советской власти были установлены единые для всей многонациональной России, в том числе и бурят, судебные органы.

Документы архивных фондов органов управления о национальных организациях и органах в Восточной Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв.²

Архивы Восточной Сибири хранят бесценные источники не только по истории края в целом, но и документы, посвященные различным аспектам социально-экономического, культурного и административно-территориального развития автохтонных этносов региона. Особое место в архивах Иркутской области, Бурятии, Хакасии и Саха (Якутии) занимают документы о зарождении и развитии национальных движений бурят, хакасов и якутов в начале XX века, взаимоотношениях национальных и центральных административных органов в годы гражданской войны, о создании национально-государственных образований в Восточной Сибири в начале 20-х годов прошлого столетия.

Документы Государственного архива Иркутской области, Национального архива Республики Бурятия, Центрального

¹ Национальное движение в Бурятии... С. 189.

² Качанов В.Н. Документы архивных фондов органов управления о национальных организациях в Восточной Сибири конца XIX – первой четверти XX в./ В.Н. Качанов // Архивы и управление Восточной Сибирию. Теория и практика. Прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегионал. науч.-практич. конф. Иркутск, 27 сент. 2004 г. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2004.

государственного архива Республики Хакасия позволяют проследить процесс создания и деятельности Степных дум – органов национального самоуправления автохтонных этносов, учрежденных в 1822 г. согласно Устава об управлении инородцев и действовавших до начала XX века.

Выявленные в Государственном архиве Иркутской области документы из фонда канцелярии Иркутского генерал-губернатора¹ дают возможность исследователю во всех деталях изучить обстановку начала XX века, когда происходило становление национального движения бурят. Документы 1905–1909 годов из названного фонда содержат богатейший материал о причинах возникновения движения среди бурят, социальном составе его участников, характеристики активных деятелей бурятских организаций.

Материалы обзорного характера «Современное движение бурят», «Современное движение среди бурят и значение буддизма (ламаизма) в этом движении», подготовленные чиновником особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе А. Церериным; «Прогрессивные партии у бурят: организация, задачи, характеристика деятелей и причины возникновения» позволяют судить о том, что государственные органы управления пристально следили за всеми процессами, происходившими среди бурят, имели полную информацию о структуре, задачах национальных организаций, их активных деятелях. В деле содержатся протоколы заседаний съезда бурят Забайкальской области (апрель 1905 г.) и другие материалы, позволявшие составить довольно полное представление о задачах и характере деятельности национальных организаций в начале XX века.

В материалах фонда имеется подробная информация о бурятских национальных организациях «Знамя бурятского народа», «Союз бурятских учащихся», «Общество просвещения бурят», «Партия прогрессивных бурят», указаны причины их возникновения, выделены основные направления их деятельности.

¹ Ф. 25. Оп.3. Д. 3462

Документы фонда содержат обширную переписку Иркутского генерал-губернатора, военного губернатора Забайкальской области, чиновников Министерства внутренних дел, архиепископа Иркутского и Верхотурского Тихона, других высокопоставленных официальных лиц о развитии национального движения среди бурят, деятельности Ц. Жамцарано, А. Доржиева и других активных деятелей бурятского народа. Приводятся конкретные предложения военного губернатора Забайкальской области, архиепископа Тихона и меры по распространению русской культуры и просвещения среди бурятского населения в целях противодействия японского влияния на бурят Прибайкалья и Забайкалья.

Практическая деятельность органов управления Иркутской губернии и Забайкальской области, как это явствует из документов названного фонда, позволяла контролировать национальные организации в период первой русской революции 1905-1907 годов и, как показали последующие события, нейтрализовать действия наиболее активной части автохтонного населения в указанный период.

В целом, документы фондов Государственного архива Иркутской области позволяют исследователю этнической истории основательно изучить процесс становления национального движения бурятского народа в конце XIX — начале XX вв., деятельность национальных организаций и органов бурят в 1905–1909 годы.

В фондах Государственного архива Иркутской области, Национального архива Республики Бурятия, Центрального архива Республики Хакасия, Национального архива Республики Саха (Якутия) хранится основной массив документов, отражающих многогранную деятельность национальных организаций бурят, хакасов и якутов в период революций 1917 г., гражданской войны, восстановления советской власти и создания Советского государства.

Особое место в архивных фондах занимают документы о создании национальных органов управления, практической деятельности национальных земских учреждений в 1917–

1919 г. В частности, документы фонда Эхирит-Булагатской земской управы¹ Государственного архива Иркутской области содержат обширные материалы о многогранной деятельности земских органов бурят Иркутской губернии в период революции и гражданской войны.

Вопрос об учреждении национального земства ставился еще в период первой русской революции. Однако тогда он не был решен. После Февральской революции буряты стали добиваться права на особое управление — национальное земство. Лидирующие позиции по этому вопросу занимал Иркутский отдел Бурятского национального комитета. Он не согласился с решением краевого съезда исполнительных комитетов общественных организаций Восточной Сибири о том, что самоуправление должно распространяться только на сферы культуры и просвещения. Иркутский отдел Бурятского Национального комитета полагал, что исполнительные органы, лишенные административно-хозяйственных прав и функций, не смогут защищать интересы и нужды бурятского населения. III губернский съезд бурят объявил о введении аймачного управления и принял «Временное положение о бурятском национальном земстве». Окончательное решение о введении земства, как основной административной единицы, было принято на III общенациональном съезде бурят в октябре 1917 г.

Документы фонда позволяют исследовать процесс создания национальных органов управления и важнейшие направления их деятельности в 1917–1918 гг. Основным источником для историка являются протоколы и журналы заседаний аймачных и хошунных земских собраний; протоколы съездов бурятских земских управ; народных собраний сельских обществ; переписка национальных земских органов и Бурятского Национального комитета.

Материалы названного фонда содержат ценную информацию не только о структуре национальных органов управления, но и об основных направлениях их деятельности в экономической, социальной, культурной сферах. Особое

¹ Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1

место в тот период занимал земельный вопрос, острейшие русско-бурятские земельные отношения. Практическая деятельность бурятских земских учреждений Иркутской губернии по урегулированию данной проблемы нашла отражение во многих документах фонда.

Сбор налогов, подводная и дорожная повинности, борьба с тарасуокурением, продовольственное дело, охрана общественного порядка, народное образование и медицина — эти и многие другие вопросы находили практическое решение в многогранной деятельности национальных земских учреждений бурят.

Значительный массив материалов фонда посвящен организации и практической деятельности национальных судебных органов. Вопрос об организации национального судоустройства бурят обсуждался на общепурятском съезде в июле 1917 г., на заседании бурят Забайкальской области 9 августа 1917 г., неоднократно рассматривался на заседаниях Бурятского Национального комитета и его Иркутского отдела 12 сентября и 17 октября 1917 г., 27 января, 23 марта — 5 апреля, 16 августа 1918 г. На правительственном уровне шаги по созданию национального суда бурят были сделаны несколько позднее: 28 апреля 1919 г. в Омске прошло первое заседание межведомственной комиссии по бурятскому суду. В августе 1919 г. было образовано 2 аймачных суда в Забайкальской области и 1 суд в Иркутской губернии.

Многие источники из названного фонда до сих пор не опубликованы. Весьма актуальным с практической точки зрения в настоящее время является издание сборников документов, посвященных национальным земским органам в Восточной Сибири. Национальные земские органы управления, их деятельность — совершенно не исследованная на сегодня научная проблема.

Документы, раскрывающие деятельность национальных организаций автохтонных этносов Восточной Сибири в указанный период, хранятся, главным образом, в фондах Национального архива Республики Бурятия, Центрального архива Республики Хакасия и Национального архива Ре-

спублики Саха (Якутия). Многие из этих документов стали известны исследователям недавно, частично опубликованы в научных статьях и монографиях в последние 15 лет. Значительный массив документов Бурятского Национального Комитета – Бурятской Народной Думы, был опубликован в сборнике «Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.», изданном в 1994 г. в Улан-Удэ. Отдельные протоколы заседаний названных бурятских центральных органов 1917–1919 гг. находятся в фондах Государственного архива Иркутской области¹.

Определенная часть документов архивов Восточной Сибири содержит материалы, связанные с формированием национальных органов этносов региона, их активной деятельностью в сфере административно-территориального управления в период революций и гражданской войны. Многие документы, посвященные данной проблеме, были недоступны историкам, хранились в специальных фондах и стали публиковаться лишь в последние годы. Неопубликованные материалы позволяют более объективно раскрыть те процессы межэтнических отношений и механизм взаимоотношений различных политических организаций и административных органов, которые имели место в регионе в 1917 – 1920-е годы.

Архивы Бурятии, Хакасии, Якутии и фонды центральных архивов России хранят многочисленные документы, посвященные непростой истории образования Бурят-Монгольских и Хакасской автономных областей, преобразованию автономных областей бурят в Бурятскую АССР, созданию Якутской АССР в начале 20-х годов XX века. Многие документы были известны историкам и ранее, но трактовались субъективно, исходя из идеологических установок КПСС. Ставшие доступными в последнее десятилетие архивные материалы, в том числе и архивов управлений ФСБ РФ, позволяют по-новому оценить роль Д. Ринчино, А. Доржиева, С.Д. Майнагашева, Г.В. Ксенофонтова и других активных деятелей национальных движений автохтон-

¹ Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 10; Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1

ных этносов региона в подготовке и создании национально-государственных образований Восточной Сибири.

Архивы являются хранителем исторической памяти народов многонациональной Восточной Сибири. Источниковой основой для различных исторических исследований, в том числе посвященных национальным движениям автохтонных этносов региона, национальным организациям и органам, являются документы, которые имеются в архивах Восточной Сибири. Насущной задачей является координация деятельности архивных учреждений региона по выявлению и публикации документов о деятельности национальных организаций и органов в конце XIX в. – 1920-е гг., особенно земских национальных органов 1917 -1919 г.г. Неоценимую помощь оказали бы архивы историкам, издав сборники протоколов и материалов съездов национальных организаций Восточной Сибири, опубликованных в различных периодических изданиях, отдельными оттисками в начале XX века и ставших библиографической редкостью.

Архивные фонды Восточной Сибири хранят богатейшие биографические материалы о лидерах национальных движений Бурятии, Хакасии и Саха (Якутии), об активных деятелях национальных организаций и органов региона, многие из которых были незаконно репрессированы и погибли в сталинских застенках. Издание сборников документов об этих людях во многом бы способствовало воссозданию полной картины их жизни и созданию объективных исторических исследований, посвященных национальным движениям, организациям и органам Восточной Сибири конца XIX – первой четверти XX вв.

**Библиографический список
основных научных и методических трудов
В.Н. Качанова**

1983

1. Коммунисты и молодежь в капиталистических странах/ В.Н. Качанов // I интернациональная научно-практич. конф. «Молодежь и социализм». Иркутск, 1983. 1,5 с.

1985

2. Интернациональное и патриотическое воспитание студенческой молодежи в курсе научного коммунизма/ В.Н. Качанов // Социальная активность студенчества: опыт, проблемы, перспективы: тез. докл. к обл. науч.-практич. конф. Иркутск, 1985. 2,5 с.

1986

3. Особенности национальных отношений в переходный от капитализма к социализму период/ В.Н. Качанов // IV конференция молодых ученых: тез. докл./Иркут. ун-т. Иркутск, 1986. Ч. 3. С. 19.

1987

4. Национальная политика Коммунистической партии в Восточной Сибири в советской историографии 1920-х – середины 1930 годов/ В.Н. Качанов // V конф. молодых ученых вузов Иркут. обл.: тез. докл. Иркутск, 1987. Ч. 3. С. 38.

1988

5. Советская историография о дискуссионных вопросах национальной политики РКП(б) в Бурятии в первые годы Советской власти/ В.Н. Качанов // Проблемы социально-экономического развития и революционного движения

Сибири в XIX–XX вв.: тез. докл. межвуз. науч. конф., 28 апр. 1988 г. Иркутск, 1988. С. 72–74.

1989

6. На позициях интернационализма/ В.Н. Качанов // Политический вестник. (Иркутск). 1989. №4. С. 20–23.

7. Советская историография деятельности КПСС по национально- государственному строительству в Восточной Сибири в переходный от капитализма к социализму период/ В.Н. Качанов // Совершенствование социально-политических, экономических отношений в Восточной Сибири. Историко-партийный аспект / Иркут. ун-т. Иркутск, 1989. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.06.89, №38604. С. 48–57.

8. Некоторые вопросы историографии национальной политики РКП(б) в Бурятии в первые годы Советской власти/ В.Н. Качанов // Борьба за власть Советов в Восточной Сибири, 1917–1922 гг. // Вопросы историографии и источниковедения. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 79–88.

9. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по осуществлению национальной политики КПСС в 1917–1937 годы. (Историография проблемы): Автореф... дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 1989. 25 с.

1992

10. Ядринцев Н.М. — исследователь «инородческого вопроса» (отдельные аспекты проблемы)/ В.Н. Качанов // Науч.-практич. конф.: тез. докл. и выступл. Иркутск, 1992. 2 с.

11. Нации и политика: Методич. указания/ В.Н. Качанов. Иркутск: Иркут. политехн. ин-т, 1992. 10 с.

1993

12. Основные тенденции развития межэтнических отношений в Восточной Сибири/ В.Н. Качанов // Тез. докл. науч.-практич. конф. (27–29 апр. 1993 г.). Иркутск: Иркут. политехн. ин-т, 1993. 1 с.

13. История политических учений России (XI–XVIII вв.): Методич. материал/ В.Н. Качанов, И.А. Хегай. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1993. 24 с.

14. Межэтнические конфликты: основные тенденции развития и пути разрешения: Методич. указания/ В.Н. Качанов, И.А. Хегай. Иркутск: Иркут. политехн. ин-т, 1993. 18 с.

15. Национальная государственность народов Восточной Сибири: исторический опыт и перспективы/ В.Н. Качанов // Вопросы истории: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. и выступл. Республ. науч.-теор. конф. «Россия на пути к свободе: общество – государство – демократия». Челябинск: Урал. отд-е Академии труда и соц. отношений, 1993. 4,5 с.

1994

16. Исследования национальной политики в Восточной Сибири в 1917–1937 г.: некоторые итоги и проблемы/ В.Н. Качанов // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории: Тез. докл. и сообщений науч. конф., 27-30 июня 1994 г. Ч. 1. Иркутск: Иркут. ун-т, 1994. 2,5 с.

17. Политические системы многонациональных обществ/ В.Н. Качанов // Политическая система общества: методич. указания по курсу политологии/ Сост. Н.И. Кабацкий, Г.Н. Бель, И.В. Ланцова и др. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1994. 9 с.

18. Современные национальные организации Восточной Сибири/ В.Н. Качанов //Материалы науч.-практ. конф. (21–23 марта 1994 г.). Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1994. 1 с.

1995

19. Федерация в России: особенности и перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф., февр.-апр. 1995 г./ В.Н. Качанов // Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1995. 1 с.

20. Годы и люди. 1910–1995: История Иркутской ТЭЦ-2: коллективная монография/ В.Н. Качанов, В.В. Михайлов, Т.В. Новорусская. Иркутск, 1995. 121 с.

1996

21. Национальные движения Восточной Сибири и проблема автономии в первой четверти XX в. Восток и Рос-

сия: взгляд из Сибири: материалы и тез. докл. науч.-практ. конф., Иркутск, 16-18 мая 1996 г. Иркутск: Иркут. ун-т, 1996. 2,5 с.

22. Политология: Методические рекомендации для студентов заочного факультета/ В.Н. Качанов, Л.В. Корчевина, И.В. Ланцова. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1996. 11 с.

23. Национальное движение Бурятии в начале XX в.: основные политические группировки: Материалы науч.-методич. конф. (февр. 1996 г.)/ В.Н. Качанов. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1996. 1 с.

1997

24. Межэтнические конфликты: механизм урегулирования/ В.Н. Качанов // Военные конфликты и наемничество: история и современность: Докл. и тез. 2-й воен.-истор. межвуз. конф. (28 мая 1996 г.). Иркутск: Иркут. высш. школа МВД, 1997. 2,5 с.

25. Национальные движения Сибири в первой четверти XX в.: характер и причины возникновения/ В.Н. Качанов // Соц.-экон. интересы регионов: Материалы науч.-практ. конф. (июнь 1997 г.). Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1997. 1 с.

1998

26. Панмонголизм и национальное движение в Бурятии в первой четверти XX в. / В.Н. Качанов // Россия и перспективы развития. Соц.-экон. интересы регионов: Материалы науч.-практ. конф. (июнь 1998 г.). Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1998. 1 с.

27. Эволюция правового регулирования железнодорожного транспорта России/ В.Н. Качанов // Транспортные проблемы Сибирского региона: Сб. науч. тр. Вып. 1. Иркутск: Иркут. ин-т инж. железнодорож. транспорта, 1998. 2,5 с.

1999

28. Правоведение: Методические указания и задания на контрольную работу для студентов 5 курса специальностей В, Д, С, ЭНС, ЭПС, АТС: Учебное пособие/ В.Н. Качанов,

Г.И. Смышляева. Иркутск: Иркут. ин-т инж. железнодорож. транспорта, 1999. 24 с.

29. Проблема самоуправления в национальных районах Восточной Сибири в первой четверти XX века/ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник. 1999: Материалы чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева, 25-26 мая 1999 г. Иркутск: Иркут. экон. академия, 1999. 5 с.

30. Национальные движения Восточной Сибири в первой четверти XX века (отечественная историография проблемы)/ В.Н. Качанов // Вестн. Международ. Центра Азиат. Исследований. 1999. № 2. Иркутск: Иркут. пед. ун-т, 1999. 3,5 с.

2000

31. Вопросы национально-государственного строительства в трудах профессора Б.Б. Батуева/ В.Н. Качанов // Проблемы истории Сибири (XVIII—XX века): межвуз. сб. науч. трудов. (К 75-летию доктора исторических наук, профессора Б.В. Батуева). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2000. С. 12—19.

2001

32. Идеологические основы национального движения в Бурятии в начале XX века/ В.Н. Качанов // Россия и перспективы ее развития. Соц.-экон. интересы регионов: материалы науч.-практ. конф. (21 июня 2001 г.). Вып. 1. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 2001. 1,5 с.

33. Методические указания и задания к контрольным работам по дисциплине «Правоведение» для студентов заочного факультета специальности «Экономика и управление на железнодорожном транспорте»: Учебно-методич. разработка/ В.Н. Качанов. Иркутск: Иркут. ин-т инж. железнодорож. транспорта, 2001. 34 с.

2002

34. Ответственность железной дороги за несохранность грузов/ В.Н. Качанов // Правовое образование: опыт, про-

блемы, перспективы. Вып. 2. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 2002. 2 с.

35. Козьмин Н.Н. – исследователь народов Сибири/ В.Н. Качанов // Первые востоковедные чтения ИГЭА. К 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина: материалы науч. конф. 28 марта 2002 г. Иркутск: Иркут. экон. академия, 2002. 3,5 с.

36. Правовая ответственность железных дорог за несохранность груза/ В.Н. Качанов // Транспортные проблемы сибирского региона: Сб. науч. тр. Ч. 2. Иркутск, ИрГУПС, 2002. 7 с.

37. Методические указания и задания к контрольным работам по дисциплине «Правоведение» для студентов заочного факультета специальности «Экономика и управление на железнодорожном транспорте»/ В.Н. Качанов: Учебно-методич. разработка. Иркутск, ИрГУПС, 2002 36 с.

2003

38. Договор транспортной экспедиции и железнодорожный транспорт/ В.Н. Качанов // Правовые гарантии конституционных прав граждан России: материалы межвуз. науч.-практич. конф. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 3 с.

39. Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса: Тофалария/ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 11 с.

40. Актуальные проблемы преподавания правоведения в железнодорожном вузе/ В.Н. Качанов // Проблемы гуманитаризации образования в техническом вузе: сб. науч. тр. Иркутск: ИрГУПС, 2003. 4 с.

41. Методические указания и задания к контрольным работам по дисциплине «Правоведение» для студентов всех технических специальностей заочной формы обучения/ В.Н. Качанов. Иркутск: ИрГУПС, 2003. 36 с.

2004

42. Государственно-правовое регулирование народов Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / В.Н. Качанов //

Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе: материалы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2004. 6 с.

43. Социально-экономические аспекты деятельности бурятских национальных организаций в начале XX в./ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2004. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 4 с.

44. Эволюция национальных судебных органов в Бурятии в первой четверти XX в./ В.Н. Качанов // Третьи востоковедные чтения БГУЭП: Материалы междунар. науч. конф. Иркутск, 30 марта 2004 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 3 с.

45. Документы архивных фондов органов управления о национальных организациях в Восточной Сибири конца XIX – первой четверти XX в./ В.Н. Качанов // Архивы и управление Восточной Сибирью. Теория и практика. Прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегионал. науч.-практич. конф. Иркутск, 27 сент. 2004 г. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2004. 7 с.

46. Тофалария на рубеже веков/ В.Н. Качанов // Изв. архитектурно-этнографич. музея «Тальцы». Вып. 3. Иркутск, 2004. 7 с.

47. Становление национальных судебных органов бурят в первой четверти XX в. / В.Н. Качанов // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28-29 ноября 2004.) Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004. 6 с.

48. Государственно-правовое регулирование народов Восточной Сибири в XVII – начале XX веков/ В.Н. Качанов // Проблемы гуманитаризации образования в техническом вузе: Сб. науч. тр. Иркутск: ИрГУПС, 2004. 7 с.

2005

48. Земские учреждения народов Восточной Сибири в начале XX в./ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2005. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. 6 с.

49. Национальные организации автохтонных этносов Восточной Сибири в начале XX века/ В.Н. Качанов // Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международ. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рожд. проф. Б.Б. Батуева и 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Улан-Удэ, 26 апр. 2005 г. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2005. С. 421-426.

2006

50. Правовые социально-экономические предпосылки возникновения национальных движений автохтонных этносов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв./ В.Н. Качанов // Проблемы общественно-исторического развития России: Вестник ИГЛУ. Сер. История. Философия. Политология. 2006. №1.

51. Буряты Прибайкалья в составе России: эволюция административно-территориального устройства / В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2006. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.

52. Экологическое право: Методические рекомендации. Иркутск: ИрГУПС, 2006. 24 с.

2007

53. Национальное движение бурят в 1917 г.: эволюция политической деятельности/ В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007.

2008

54. Социально-экономические предпосылки возникновения национальных движений народов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / В.Н. Качанов // Иркутский

историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008.

2009

55. Национальные движения народов Восточной Сибири в 1917 г. / В.Н. Качанов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009.

Приложения

Документ 1

Директору Государственного архива
Иркутской области

Ректорат Иркутского государственного университета путей сообщения просит Вас разрешить работу с фондами архива доценту кафедры философии и социальных наук Качанову Виктору Николаевичу по теме «Национальные движения в Восточной Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв.».

Ректор ИрГУПС, профессор А.П. Хоменко
29.04.2008

Документ 2

Характеристика

Качанова Виктора Николаевича,
доцента кафедры «Таможенное дело и право»
Иркутского государственного университета
путей сообщения

Качанов В.Н., кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой «Таможенное дело и право». Стаж научно-педагогической деятельности – более 26 лет (с сентября 1981 г.); более 10 лет работает в ИрГУПСе (с сентября 1997 г.). В 2002 г., работая в ИрГУПСе, получил второе высшее образование по специальности «Юриспруденция».

Более 10 лет на высоком научно-методическом уровне читает лекции и проводит практические занятия по дисциплинам «Правоведение» и «Правовые основы железнодорожного транспорта» студентам специальностей «Д», «В», «ЭПС» и других специальностей очной и заочной форм

обучения. Проводит занятия в ИДПО ИрГУПСа по трудовому законодательству.

Качанов В.Н. активно занимается научной работой по правовому регулированию деятельности железнодорожного транспорта и национальных отношений в Восточной Сибири. Имеет 55 научно-методических работ, посвященных исследованию данных проблем; из них 30 работ подготовлены и опубликованы во время работы в ИрГУПСе. Работает над докторской диссертацией по теме «Национальные движения в Восточной Сибири в первой четверти XX века». Организует и проводит студенческие научно-теоретические конференции по проблемам современного права на учебных курсах; принимает активное участие со своими студентами в научно-теоретической конференции ИрГУПСа по вопросам правоприменения.

В.Н. Качанов принимает активное участие в работе по профилактике правонарушений в ИрГУПСе, воспитательной работе со студентами (организовывал и проводил «Круглые столы» по правовым вопросам в общежитиях ИрГУПСа), оказывает помощь кураторам групп в воспитательной работе.

Ответственно относится к исполнению обязанностей заместителя заведующего кафедрой «Таможенное дело и право». Является членом Ученого совета факультета УПП. В 2000–2006 гг. являлся руководителем методической секции правоведения кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, к исполнению обязанностей относился добросовестно.

И. о. завкафедрой «Таможенное дело и право»

доцент В.В. Моисеев

Апрель 2008

Отчет

заведующего кафедрой «Правоведение» ИрГУПС
Качанова В.Н. о проделанной работе за 2008–2009 учеб-
ный год

1. Учебная работа.

В течение 2008-2009 учебного года читал лекции, а также проводил практические занятия, индивидуальные и групповые консультации, принимал зачеты и экзамены по дисциплине «Правоведение» и «Правовые основы железнодорожного транспорта» у студентов курсов 4-5 специальностей Д, В, ЭПС, БП, ЗС, МР, ТМ дневной (очной) и заочной формы обучения. В мае 2009 г. провел открытое лекционное занятие у студентов 4 курса специальности ЭПС «Предмет гражданского права. Гражданская правосубъектность». Учебная нагрузка выполнялась в соответствии с индивидуальными планом работы и составила 802, 3 ч.

Осуществлял руководство выполнением учебной работы на кафедре, контролировал реализацию учебного процесса преподавателями кафедры.

2. Учебно-методическая работа.

В течение учебного года осуществлял корректирование курса лекций и материалов, тестов к практическим занятиям в соответствии с новейшими изменениями в российском законодательстве.

Произвел корректировку текста билетов к экзамену по правоведению.

В октябре 2008 г. разработал программу учебной дисциплины «Транспортное право» для специальности «Антикризисное управление» (АУ).

Осуществлял совместно с доцентом Роговой Е.В. работу над учебным пособием «Правоведение» для студентов всех специальностей и форм обучения, а также индивидуально — над методическими указаниями по выполнению контроль-

ных работ по дисциплине «Правоведение» для студентов заочной формы обучения.

В соответствии с графиком взаимопосещения и помимо его посетил лекции и практические занятия всех преподавателей кафедры.

Осуществлял руководство и контроль за учебно-методической работой на кафедре.

3. Научно-исследовательская работа.

Осенью 2008 г. предложил, утвердил на заседании кафедры и подготовил документы к государственной регистрации научной темы кафедры «Правовое регулирование социальных отношений». Осуществлял в течение года научную работу в рамках кафедральной научной темы по разделу «Национальные движения в Восточной Сибири в первой четверти XX века».

8 декабря 2008 г. принял участие в научно-практических и общественно-политических слушаниях «Конституции РФ – 15 лет», проводимых кафедрой государственно-правовых дисциплин ИрГТУ и Общественным Собранием Иркутской области; подготовил в соавторстве с Хохловой О.М. статью «Проблемы взаимодействия общественного мнения и законодательства» (7 с.). Статья находится в печати.

Продолжал работу над сбором материалов для главы 3 и предыдущих глав докторской диссертации «Национальные общественно-политические движения и организации в Восточной Сибири в первой четверти XX в.».

Написал и опубликовал статью «Национальные движения народов Восточной Сибири в 1917 г.» в сборнике «Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 94-100 (0,7 п. л.).

9 апреля 2009 г. выступил с докладом «Правовые знания и учебно-воспитательный процесс в вузе» на научно-теоретической конференции «Проблемы и перспективы развития регионально-отраслевого университетского комплекса ИрГУПС», подготовил статью объемом 5 с. (0,5 п. л.) по названной теме. Статья находится в печати.

Выполнял работу над статьей «Национальные движения и организации Восточной Сибири в период гражданской войны» для публикации в журнале ИрГУПС «Культура. Наука. Образование».

Осуществлял руководство подготовкой докладов студентов Овсянкиной А. (Д-05-6) и Бобкова О. (ЭПС-05-1) к кафедральной студенческой научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы современного права» (ИрГУПС, апрель 2009 г.). Овсянкина А. заняла 3-е место на конференции и приняла участие в конференции Института гуманитарного образования и в университетской итоговой конференции студентов ИрГУПС «УиКС-2009». Ее работа рекомендована к публикации в сборнике студенческих работ.

26.05.2009 г. провел на 4-м курсе факультета УПП студенческую научно-теоретическую конференцию по правоведению, на которой выступили с докладами 12 студентов.

В течение учебного года осуществлял руководство и контроль за научной работой и НИРС преподавателей кафедры.

4. Организационно-методическая работа.

17-18 июня 2009 г. по поручению ректора Хоменко А.П. осуществил рецензирование проектов трех федеральных законов: «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов»; «О внесении изменения в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с принятием ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; «Об основах государственного регулирования тарифов на продукцию естественных монополий». (Текст передан Хоменко А.П.).

В течение учебного года являлся членом Ученого совета Института гуманитарного образования ИрГУПС.

С октября 2008 г. по настоящее время исполняю обязанности заведующего кафедрой «Правоведение».

5. Воспитательная работа.

В ноябре 2008 г. по поручению проректора Михайлова В.В. подготовил Концепцию правового воспитания студентов ИрГУПС.

В течение учебного года осуществлял правовое воспитание студентов в процессе учебных занятий.

В сентябре 2008 г. организовал участие преподавателей кафедры в проведении Недели профилактики правонарушений среди студентов первого курсов ИрГУПС.

В начале декабря принял участие в организации и проведении кафедральной научной конференции, посвященной 15-летию Конституции России среди студентов 1–4 курсов ИрГУПС, имевшей важное воспитательное значение.

В мае 2009 г. принял активное участие в проведении Дня кафедры в общежитии № 3 ИрГУПС.

119. Беседина О. Н. Указ. соч. С. 32,34.

6. Повышение квалификации

В течение всего учебного года активно изучал новейшую литературу по праву и нормативно-правовые акты.

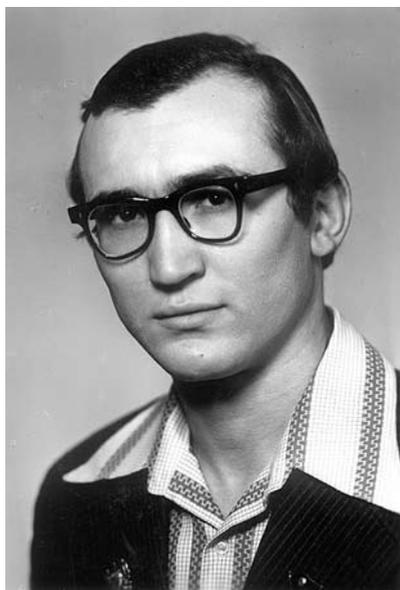
7. Трудовая и исполнительская дисциплина

За отчетный период нарушений трудовой дисциплины в части соблюдения графика учебного процесса, явочного времени, проведения консультаций, опозданий и произвольного переноса занятий не имел. Контролировал соблюдение трудовой и исполнительской дисциплины преподавателями кафедры.

Зав. кафедрой

«Правоведение» Качанов В.Н.

19. 06. 2009 г.

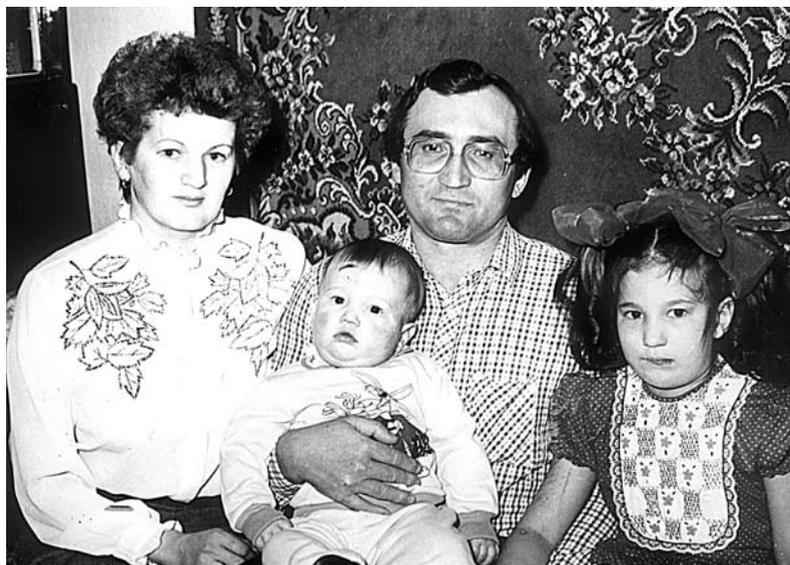

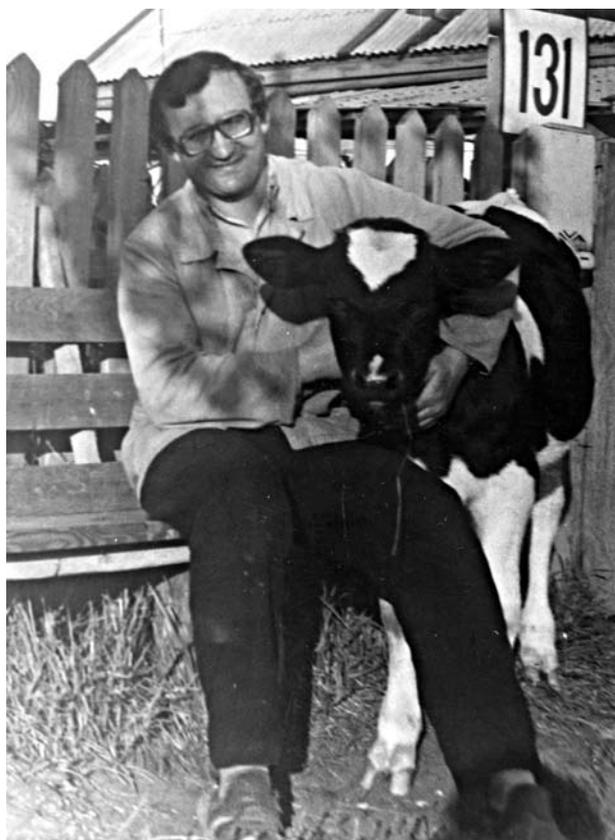

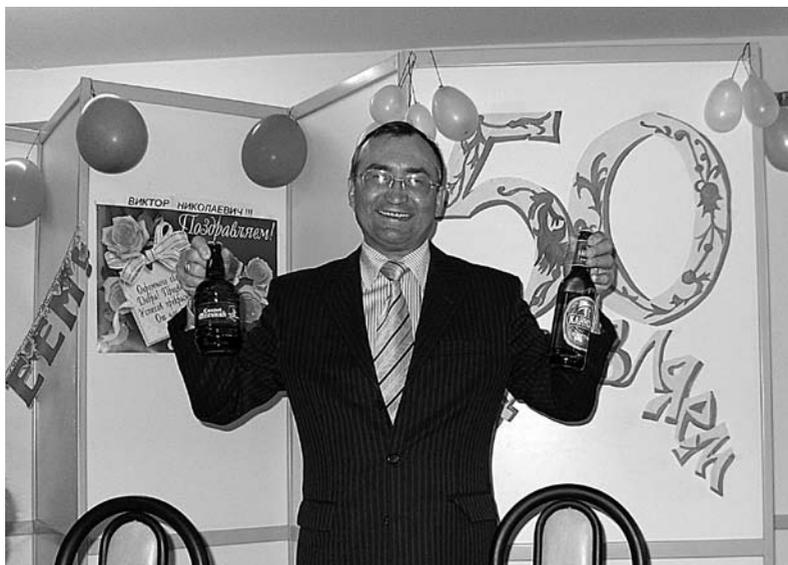

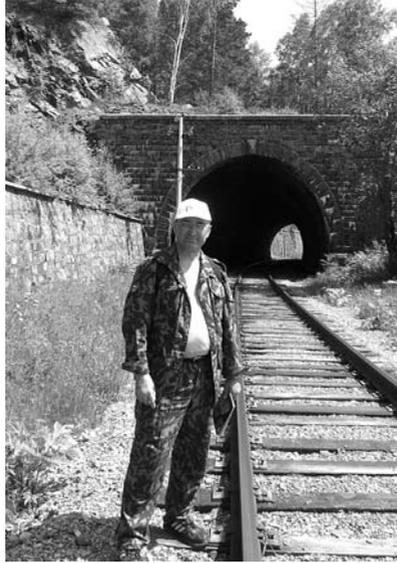

Здравствуй, Саша!

Большое спасибо тебе за письмо. Две недели в феврале провалялся с гриппом и поэтому не смог сразу приехать к тебе за книгами, а также поздравить тебя с днем рождения. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Исходя из этого правила, поздравляю тебя (хотя и с опозданием) с днем рождения и желаю счастья, здоровья, благополучия и успехов на жизненной дорожке.

Письмо твое я получил 24-го февраля, в этот же день мне вручили аттестат оценок. Так что с меня теперь причитается.

27-го февраля был у тебя дома, забрал у тебя книги, которые ты мне кинул. Саша, и очень благодарен тебе за них, спасибо большое. Видел двух ребятшек

'какие окошки больше стали! Да-
же не верится, что так время бе-
жит: дети вырастают, а мы —
стареет. У меня особых изменений
нет — прожита всего лишь первая,
как и всегда на работу носилась
изучка. В этом семестре я и моя
команда читаем спецкурсы по
политологии. Я читаю спецкурс
„Этносы и политика“, И. Матю-
шва — „Средства массовой коммуника-
ции в современном российском
обществе“. Верика передает тебе
привет. Кстати, Кабацкий одобрил
покурсы и она в ближайшее вре-
мя будет подавать заявления
на зощетова. У нас в политике
аврал: все красит, делит, ие-
ют, в общем, готовится к пре-
зентации, которая состоится в
почетном заказе марта. Тематик
нам хреново; за февраль получили
всего 107 тысяч, в ассистентах по 50.

3)

Ходит слухи, что до президентских
кампаний довольно выматывают то, что
мы не получаем в сфере - morte,
Томасов - увидели. Вот также земля
Изра, хочу еще раз ^{помогите себе} посмотреть
эти книги и купите ~~еще~~ еще раз
книжки (если у тебе, конечно, есть вре-
мя и деньги, я не хотел бы сюда
обременять тебя). Я очень хотел бы
иметь книгу Тумилев Р. П. Древ-
ние Русь и Великая Степь, если
уверюшь, что где-то она продается по
цене не более 7500-8000 р. (при усло-
вии, что это действительно не сокра-
тит твой бюджет), то купи мне
пожалуйста, буду очень признателен,
если увидишь следующие книги:
~~те~~ (при условии, что цена на них
разумная)

- 1) Этимологический словарь - №, 1993,
- 2) Этимология: Греческий - №, 1 Соц.-но-
лит., журнал, 1993 (если увидишь, то
купи себе и мне (экземпляр 3-4),

3). Сорокин Я. Вспоминки современник и социологический (издана в 1992-93 в глянцевой обложке, в серии „Москва тем XIX века“).

4). Толстой А. Гюстунские истории, — №, 1992(?)

5). Геродот История, — №, 1993(?) — издавалась в серии „Библиотечка исторической Москвы“.

6). Васюшкин В.С. Духотомия ~~и~~ стихов и проза. Издавалась в 1990-91, по кн. покаяния.

После возвращения из столицы педу тебе и твое семейство в гости к себе. Лично, если есть время, Золотов и др.

До свидания,
ВКМ —

5/II - 1994.

Содержание

Анна Шободоева	
Человек открытого сердца	5
Александр Шалак	
Памяти друга	9
Валерий Третьяков	
Памяти В.Н. Качанова (3 октября 1957 – 31 июля 2010 гг.)	15
Александр Иванов	
Исследователь непростой темы	25
Софья Курас	
Тот, кто всегда рядом	41
Валерий Щербин	
Непланированное слово.....	45
Раиса Попова	
Из дореволюционной истории города Нижнеудинска	54
Виктор Качанов	
Буряты Прибайкалья:эволюция административно-территориального устройства в составе России.....	98
Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса: Тофалария 114	
Земские учреждениянародов Восточной Сибири в начале XX в.....	125

Социально-экономические предпосылки возникновения национальных движений народов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.....	132
Национальное движение бурят в 1917 г.: эволюция политической деятельности	137
Становление национальных судебных органов бурят в первой четверти XX века	144
Документы архивных фондов органов управления о национальных организациях и органах в Восточной Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв.	151
Библиографический список основных научных и методических трудов В.Н. Качанова.....	158
Приложения	167

**В.Н. Качанов:
жизнь с Историей**

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 14.07.2011 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,9.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 0018.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru